

ВЛАДИМИР САПРЫКИН

ЦЕННОСТИ СОЦИАЛИЗМА

СУРОВАЯ
ДИАЛЕКТИКА
ФОРМАЦИОННО-
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
СМЕНЫ И
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
СИСТЕМЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ

Владимир Сапрыкин

**Ценности социализма. Суровая
диалектика формационно-
цивилизационной смены и
преемственности системы
общественных ценностей**

«Алгоритм»

2014

Сапрыкин В. А.

Ценности социализма. Суровая диалектика формационно-цивилизационной смены и преемственности системы общественных ценностей / В. А. Сапрыкин — «Алгоритм», 2014

В скором времени грядет дата – 100-летие Великой Октябрьской Социалистической Революции – первой победоносной Рабоче-Крестьянской Революции, в корне изменившей мир на планете. Феномен социализма, несмотря на его временное поражение, продолжает волновать умы людей. В условиях тотального давления контрреволюционной реакции капитализма даже массовое, обыденное сознание признаёт, что социальный и интернациональный коллективизм, общинность, социальная взаимопомощь, трудовое сотрудничество, социальная справедливость и общественное равенство – не пустые слова, а великие непреходящие ценности человеческого общежития. Эти ценности в исходном, концентрированном проявлении и есть социализм. Об этом прежде всего и пишет доктор философских наук, профессор В. А. Сапрыкин. Исторической и фактологической основой проведенного анализа является первый, реализованный на практике, великий феномен Советского Социализма, созданного героическим, самоотверженным трудом многонационального народа под руководством Коммунистической партии Советского Союза. При всем его несовершенстве и проблемности человечество имеет бесценный и непреходящий опыт, который, по мнению компетентного автора, непременно будет востребован всей мировой цивилизацией.

© Сапрыкин В. А., 2014

© Алгоритм, 2014

Содержание

Вместо предисловия. Проблема научной методологии в контексте анализа ценностно-смыслового развития человеческой цивилизации	8
Раздел первый. Теория ценностей и ее отражение в классовой борьбе между социализмом и капитализмом	14
Глава первая. Развитие ценностных отношений, взглядов и теорий: историческая и социально-классовая детерминированность	15
Глава вторая. Российская аксиологическая мысль в контексте социально-классовых отношений	27
Глава третья. Аксиологизация общественного сознания: субъективное выражение объективного процесса отрицания и самоотрицания капитализма	41
Раздел второй. Советский социализм – историческая ценность, рожденная на путях раскрепощенного творчества народных масс	62
Глава четвертая. Освобожденный от эксплуатации и частной собственности труд – естественно-историческая и социальная ценность советского народа	66
Глава пятая. Социально-классовое и национальное равенство – имманентная, непреходящая ценность социализма	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Владимир Сапрыкин

Ценности социализма. Суровая диалектика формационно-цивилизационной смены и преемственности системы общественных ценностей

© Сапрыкин В. А., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

*100-летию Великой Октябрьской
Социалистической Революции
посвящаю эту книгу.*

Автор

Через три с небольшим года народы планеты отметят 100-летие Великой Октябрьской Социалистической Революции – первой победоносной Рабоче-Крестьянской Революции, в корне изменившей мир на планете. Сегодня появилась прекрасная возможность вновь и вновь оценить общественные итоги XX столетия и перспективы развития человечества в XXI веке. В динамичном многообразии и сложном конгломерате острых социальных противоречий, различных противоборствующих тенденций и действий людей, классов, государств обсуждается главная антитеза общественного развития: капитализм или социализм – куда движется мировое сообщество. В передовом общественном сознании прогресс нашего времени обоснованно отождествляется с социализмом. Чем дольше длится контрреволюционная реставрация капитализма, тем очевиднее становится: это общество, обреченное самой логикой истории. Феномен социализма, несмотря на его временное поражение, не умирает, а продолжает жить, волновать умы людей, причем не одних только своих сторонников. В условиях тотального давления контрреволюционной реакции дикого капитализма даже массовое, обыденное сознание признает, что социальный и интернациональный коллективизм, общинность, социальная взаимопомощь, трудовое сотрудничество, социальная справедливость и общественное равенство – не пустые слова, а великие непреходящие ценности человеческого общежития. Эти ценности в исходном, концентрированном проявлении и есть социализм. Об этом, прежде всего, и пишет доктор философских наук, профессор В. А. Сапрыкин. Исторической и фактологической основой проведенного анализа является первый реализованный на практике великий феномен Советского Социализма, созданного героическим, самоотверженным трудом многонационального народа под руководством Коммунистической партии Советского Союза. При всем его несовершенстве и проблемности человечество имеет бесценный и непреходящий опыт, который непременно будет востребован всей мировой цивилизацией.

Р. S. Данная работа была заказана в Киеве и должна была быть издана в братской Украине. Однако у заказчика изменились представления об авторе и характере книги, в результате она получает теперь возможность появиться на свет в России. Но автор решил ничего не менять в тексте рукописи: все сюжетные линии, посвященные Украине, оставлены на своих местах. Он не теряет надежды на то, что его работа наряду с русским (российским) найдет и своего украинского читателя, а вместе с ними белорусского, казахского, узбекского, латышского и

других читателей, по-прежнему считающих себя частью великого Советского Народа – революционера, исторического творца, созидателя, гуманиста.

Вместо предисловия. Проблема научной методологии в контексте анализа ценностно-смыслового развития человеческой цивилизации

Марксизм – система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предположить изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его мирозерцания вообще...¹

В. И. Ленин

Все люди, народы, человечество в целом вырастали, формировались и живут в мире ценностей. Специфически *человеческое начало* находит форму своего воплощения именно в *идее ценности*. Исторически были выработаны общечеловеческие ценности, а также ценности, принадлежащие отдельной социальной группе, классу, нации, существуют ценности сугубо личные. Важнейшая ценностная категория – понятие **«родного»**, генетически, культурно и социально близкое всем людям и народам. *Родной дом, родной язык, родной ландшафт, родная культура* сливаются в общее понятие **«родина»**, **«родная земля»**, **«отечество»**... Высшей ценностью, которую осознают все люди и сугубо дорожат ею, является человеческая жизнь: она дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы (**Н. А. Островский**). Понимание жизни как главной, основополагающей ценности отражено во всех философских системах, в литературе и искусстве, в фольклоре, мифологии, религии. Не случайно в христианстве человек не вправе лишать себя жизни, ибо это страшный грех. Но в религиозной системе ценностей лежит представление, что свое высшее и абсолютное выражение ценности имеют в боге, который выступает как совершенная истина, справедливость, добро, красота и т. д. Ценности, на которые ориентируется человек, якобы лишь *«сопринадлежат»* миру и проявляются в результате *«божественного откровения»*, а восприятие явлений в качестве ценностей и ориентация на них будто бы изначально присущи личности, человеческой душе, как божественному творению. Отсюда делается вывод: все ценности нашей жизни имеют божественный, то есть неземной, сверхъестественный характер.

Многие буржуазные социологи проблему ценности решают с позиций идеализма – объективного и субъективного. Так, американский философ И. Ш. Брайтман в своей книге «Природа и ценности» писал, что выбор ценностей человеком определяется не силой, не особыми качествами индивида, а единственно «обращением людей к духовному источнику», то есть к богу. *«Всякие претензии насчет истинности фактов или ценностей, – говорит он, – должны быть подвергнуты высшему суду верховного разума, который один может обладать юрисдикцией на истину; разум отличает истинные ценности от ложных претензий на них»²*. Мно-

¹ Ленин В. И. Карл Маркс (1914 г.). Полн. собр. соч., т. 26, с. 50.

² Цит. по: Антонович И. И. Проблема ценности в современной американской буржуазной философии и социологии. Авто-

гие западные буржуазные авторы считают, что всякие попытки определить понятия добра, справедливости, ценности на основе конкретных исторических и социальных условий, вывести определенные общие нормы из общественного бытия, установить общие принципы оценки, являются тщетными и ошибочными. В 1999 г. во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) вышло развернутое исследование социолога Ханса Йоаса «Возникновение ценностей», в котором он пытается «*прояснить вопрос о том, как вообще возникают ценности и приверженность им*», и дает на него ответ: «*ценности возникают в процессе формирования самости и в опыте самотрансценденции*»³ (выделено мной. – В. С.). В книге современный немецкий социолог ищет ответ в сочинениях Фридриха Ницше, Уильяма Джеймса, Эмиля Дюркгейма, Георга Зиммеля, Макса Шелера, Джона Дьюи, Чарльза Тейлора, Юргена Хабермаса и не находит удовлетворительного ответа на вопрос, как вообще возникает приверженность тем или иным ценностям и каким образом эту приверженность можно усилить (речь, разумеется, идет об усилении «приверженности» капиталистическим, буржуазным ценностям).

Ответ на этот вопрос дает марксистско-ленинская теория общественного развития. Он до удивления «прост»: происхождение ценностей надо искать не на «небе», а на «земле»... Иначе говоря, в самой истории человечества, в многообразной деятельности людей по преобразованию мира и самих себя. История человечества, делает вывод марксизм, есть единое целое, а общественно-экономические формации с их ценностно-смысловым содержанием и характерными отличиями выступают ступенями, стадиями этого единого целого. Иначе говоря, история существования человеческого сообщества есть непрерывный процесс развития. Марксизм как наука исходит из движения объективного мира, не просто из его изменяемости во времени, а именно из развития. Признавая закономерный характер исторического процесса, марксизм признает и особо отмечает активную, творческую деятельность людей, которые являются не только продуктом исторических обстоятельств, но и сами активно изменяют эти обстоятельства. Выражаясь проще, исторический процесс, с одной стороны, развивается по объективным законам – самостоятельно, независимо от чьей-либо воли, а с другой – субъективно, ибо, говоря марксистским языком, историю делают сами люди. По тому, *что создают* они, *каковы результаты* их деятельности, в чем смысл *ценностных устремлений* и *интересов*, мы оцениваем каждый шаг всемирной истории в целом, того или иного народа в том числе.

Для науки и социальной практики очень важно увидеть, с одной стороны, процесс восхождения общества от низших ступеней к высшим, а с другой – найти закон изменяющихся явлений – «закон развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой»⁴. Только так, только на такой основе мы можем ответить: *что есть ценность как общественный феномен; как возникают и развиваются ценности; насколько многообразен и специфичен мир ценностей; что есть ценности на различных стадиях развития человечества (в том числе, например, в условиях капитализма и социализма); наконец, в чем родство, близость общечеловеческих и классовых ценностей и в чем их различие и т. д. и т. п.* В таком теоретическом и социально-практическом исследовании сразу возникает проблема надежности и достоверности самих подходов к объекту изучения, предлагаемых решений, выводов и оценок, иначе говоря, получения не субъективно желаемых и заранее привлекательных ответов, а объективных данных о реальной

реферат канд. диссерт. Минск, 1964, с. 72.

³ Йоас Ханс. Возникновение ценностей. Перевод с немецкого К. Г. Тимофеевой. СПб., 2013, с. 9. Трансценденции (от позднелат. *transcendentia* или *transcendentalia* – переступающий, выходящий за рамки) – понятие средневековой схоластики, обозначающее наиболее универсальные, высшие определения бытия. Кант считал трансцендентным бога, душу, бессмертие. В общепотребительном значении трансцендентный – сверхчувственный, потусторонний, сверхъестественный.

⁴ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов). Полн. собр. соч., т. 1, с. 166.

действительности, процессах и явлениях, которые в ней протекают. А это означает одно: *приобретение объективных знаний и выводов о человеке и мире в целом может быть обеспечено лишь на основе научной теории и методологии*⁵.

Человеческая мысль издавна была занята поиском надежных методологических оснований, позволяющих людям наиболее полно объять и понять объективный мир. *Люди всегда учились мыслить*: на самых ранних этапах в деятельности, в практических формах их взаимодействия с окружающим миром уже была представлена методология, хотя и неявно. Как любил говорить Э. В. Ильенков, «не боги научили людей обжигать горшки – они научились этому сами»⁶. В дальнейшем методология вычленяется в специальный предмет рационального познания и фиксируется как *система социально апробированных правил и нормативов познания и действия, которые соотносятся со свойствами и законами действительности*. Зачатки методологических знаний видны на ранних ступенях развития культуры (Древний Египет, например). Древние греки (**Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель**) проблемам методологии уделяли первостепенное внимание. Так, Сократ выдвинул на первый план диалектическую природу мышления как совместного добывания истины в процессе сопоставления различных представлений, понятий, их сравнения, расчленения, определения и т. д. Учение о переходе от смутных представлений к расчлененным и отчетливым общим понятиям рассматривалось Сократом как метод совершенствования искусства жить. Из античной эпохи дошло до нас примечательное выражение «*Платон мне друг, но истина дороже*»...

В Новое время проблемы методологии получают дальнейшее плодотворное развитие. Нарождающаяся капиталистическая формация вела к бурному развитию производительных сил, революционным изменениям в науке и технике. В духовной жизни капиталистических стран резко возрастала роль научных представлений о природе, обществе, самом человеке. Это стало возможным в результате развития научного знания, как естественных фундаментальных наук (физики, математики, химии, биологии, медицины), так и гуманитарных (философии, истории, психологии, литературоведения). Научные знания коренным образом меняли представления о материи, пространстве, времени, движении, о путях развития флоры и фауны, о месте человека в природе и обществе, о происхождении и развитии жизни на Земле. Эти изменения не только подрывали почву под религиозными догматами, опровергая мифы о сотворении мира и человека, его смысле жизни и предназначении. Они одновременно затрагивали ту механистическую картину мира, которая господствовала в сознании образованной (интеллектуальной) части западного общества и соответствовала «ньютоновскому» этапу развития естествознания.

На этой основе происходят коренные изменения в методологии науки. **Ф. Бэкон, Г. Галилей, Р. Декарт** сделали многое в преодолении догматов схоластики, отстаивании принципов механики, роли точного эксперимента – особенно в установлении закономерных причинных связей между явлениями. Так, Р. Декарт разработал правила рационалистического метода, первыми среди которых является требование допускать в качестве истины только такие положения, которые осознаются ясно, отчетливо. Выдающиеся немецкие философы **И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель** в противовес механистической методологии, метафизически трактовавшей пути и способы познания, развили диалектическую методологию. Учение Канта, например, утверждало принцип достоверности знания. Диалектика великого мыслителя Гегеля имела характер всеобщего метода познания и духовной деятельности. Разработанные Гегелем категории и законы диалектики образовали тот мыслительный аппарат, который поз-

⁵ Методология (от метод и греч. logos – слово, понятие, учение) – система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе.

⁶ Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991, с. 44. Эвальд Васильевич Ильенков – выдающийся советский философ-марксист, чьи работы отличаются огромной эрудицией, глубиной и смелостью мысли, нестандартностью решений, самостоятельностью в поисках ответов на мировоззренческие проблемы общества.

волил под принципиально новым углом зрения исследовать взаимосвязи, противоречия и развитие бытия и мышления. Важнейшую роль в методологии Гегеля играет принцип восхождения от абстрактного к конкретному – от общих и бедных содержанием форм к расчлененным и наиболее богатым содержанием, к системе понятий, позволяющих постичь предмет в его сущностных характеристиках, преодолеть элементы субъективного отношения к этому предмету. Метод выступает *«как некоторое стоящее на субъективной стороне средство, через которое оно соотносится с объектом»*⁷.

Качественно новым этапом в развитии рациональных принципов научной методологии стал марксизм. Его появление в середине XIX столетия было подготовлено ходом истории, обусловлено объективными общественными потребностями. Социальной основой появления марксизма явился рост противоречий капитализма, выступление пролетариата как самостоятельной политической силы. Марксизм вобрал в себя все положительное содержание предшествующей научной и общественной мысли, которая была переработана и критически освоена великими немецкими мыслителями XIX века **К. Марксом** и **Ф. Энгельсом**. *«Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм»* (В. И. Ленин).

Марксистская диалектико-материалистическая методология, носящая всеобщий характер, конкретизируется применительно к различным сферам практической и теоретической деятельности соответственно их условиям и задачам. Если в домарксистской научной мысли понятие методологии охватывает преимущественно познавательную деятельность, то новый подход к методологии, утвержденный марксизмом, позволил существенно расширить сферу методологии и дать теоретическое обоснование способов и приемов организации всего многообразия видов человеческой деятельности. Специфика этих сфер предполагает разработку методов, адекватных изучаемым и преобразуемым объектам. *При многообразии методов неизбежно возникает проблема выбора наиболее адекватного метода и его оценки с точки зрения перспектив решения конкретных теоретических и социально-практических задач. Это придает методологии аксиологический аспект, побуждая оценивать методы с точки зрения как их истинности, так и эффективности.*

Важнейшим теоретическим пунктом каждой методологии является вопрос об отношении мышления к бытию, духовного к материальному, субъективного к объективному. *«Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию»*⁸, – писал Ф. Энгельс. Что чем порождается – материальный мир сознанием, духом, или наоборот, сознание материальным миром – такова первая сторона основного вопроса философии. *«Философы разделились на два больших лагеря согласно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира, ...составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма»*⁹.

Вопрос об отношении мышления к бытию предполагает и выяснение характера взаимоотношения между объектом и субъектом познания. Последовательно научное решение основного вопроса философии было дано марксизмом, который признает материю объективной реальностью, существующей вне, до и независимо от сознания, и рассматривает сознание как свойство высокоорганизованной материи, характеризует общественное сознание как отражение общественного бытия, то есть прежде всего материальной жизни общества.

⁷ Гегель Г. Соч., т. VI, М., 1939, с. 299.

⁸ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 282.

⁹ Там же, с. 283.

За отношением мышления к бытию фактически стоит отношение человека к миру как к целому, включающему в себя **ЧЕЛОВЕКА** как свою одухотворенную и самосознающую часть. Впервые в истории мысли именно марксизм дал подлинно научное решение вопроса о сущности человека как совокупности всех общественных отношений¹⁰. *Осуществляя целостный подход к феномену человека, рассматривая его в единстве производственной, социокультурной, духовной форм деятельности, марксизм видит человека как величайшую из всех ценностей, как средоточие смысла и поступательного хода истории.*

Другим важнейшим пунктом научной методологии выступает принцип историзма, который был обозначен в философских системах Д. Вико, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, И. Фихте, Гегеля, К. Сен-Симона, А. И. Герцена, но последовательно был разработан К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. Марксистский историзм исходит не просто из движения объективного мира, не просто из его изменяемости во времени, но именно из его **развития**. Изучаемый объект рассматривается:

- **во-первых**, с точки зрения его внутренней структуры, причем не как механического множества отдельных элементов, связей, зависимостей, а как органических совокупностей этих структурных составляющих, как внутренне связанного и функционирующего целого, как системы;
- **во-вторых**, с точки зрения процесса, то есть следующих друг за другом во времени совокупности исторических связей и зависимостей его внутренне составляющих;
- **в-третьих**, с точки зрения выявления и фиксирования качественных изменений в его структуре в целом;
- **в-четвертых**, с точки зрения раскрытия закономерностей его развития, законов перехода от одного исторического состояния объекта, характеризующегося одной структурой, к другому историческому состоянию, характеризующемуся другой структурой.

Выражая сущность марксистского понимания принципа историзма, В. И. Ленин подчеркивал: *«Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к... вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, – самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это – не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»*¹¹.

В соответствии с принципом историзма, разработанным марксистско-ленинской наукой, любые процессы развития общества (в экономической, политической, социальной, культурной и иных сферах) должны рассматриваться в том виде, в котором они протекали в действительности или протекают в нашей жизни сегодня, в том числе прямо или косвенно с нашим участием. **Именно так автор настоящей работы стремится анализировать проблему ценности в целом, но в первую очередь – социализм как общечеловеческую ценность. Конкретным предметом исследования выступают ценности советского социализма. Однако эта книга – не хронологическое описание самого процесса строительства социализма в СССР, а попытка показать гуманистический смысл и историческую логику в ценностном мире советского многонационального народа, ставшего первопроходцем в практическом утверждении начал коммунистической общественной формации на Земле. В работе приводится большое число выдержек, фрагментов из работ различных авторов, в том числе тех, чья точка зрения подвергается критике. Это – не «цитаты» в традиционном смысле слова, а документы, факты, позиция, линия поведения сторонников и**

¹⁰ См.: Маркс К. Тезисы о Фейербахе. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.

¹¹ Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Полн. собр. соч., т. 39, с. 65.

противников социалистического мироустройства. Это поможет читателю лучше разобраться и понять, в какую сторону дует ветер истории...

А также осознать свое собственное предназначение: в каком идти, в каком сражаться стане...

Раздел первый. Теория ценностей и ее отражение в классовой борьбе между социализмом и капитализмом

...Возникновение понятия ценность – это отнюдь не безобидная понятийная инновация, что отчетливо ощутили прежде всего те, кто продолжал верить в возможность сохранить метафизическое единство истины и блага.

...Коммунитаристская критика либерализма имеет шансы на успех только в том случае, если ей удастся доказать, что она представляет собой более адекватное понимание роли справедливости в действии и предлагает более взвешенную критику «разговоров» о правах и о ценностях.

Ханс Йоас¹²

...В условиях монополии на философскую истину (имеется в виду СССР. – В. С.) аксиология оказалась тем «троянским конем», который подтачивал устои официального философствования, вводил принципы методологического плюрализма (хотя формально обсуждение шло в рамках марксистской философии)»

В. Л. Абушенко¹³ (курсив здесь и далее мой. – В. С.)

В приведенных эпиграфах из работ двух совсем не марксистских авторов не случайно выражена одна и та же мысль: проблема ценности из предмета академического исследования превратилась в злободневную социально-классовую, политическую и идеологическую проблему современного общества. Сегодня тема ценностного осмысления реального мира и его будущего все активнее возникает в общественном сознании. Контрреволюция, разрушившая СССР, дикая реставрация капитализма на Украине, в России, на всем постсоветском «пространстве» до дна обнажила подлинную, глубинную сущность этого реакционного процесса – она становится понятной не только для интеллектуалов, но и для всех мало-мальски думающих людей. *Вольно или невольно все мы сравниваем: что потеряли, загнанные в капиталистический «рай», а что в нем приобрели. Субъективное восприятие и оценочные суждения начинают приобретать характер определенной закономерности. То дает о себе знать властное (объективное) действие диалектического закона отрицания отрицания.* Во все еще пестром, зигзагообразном движении и украинского, и российского общества проявление данного закона можно увидеть невооруженным глазом: в массовом сознании идет воспоминание о том, что в угаре «перестройки» и «реформ» отрицалось и на чем, собственно, сыграла контрреволюция. Сегодня, задыхаясь в тисках нещадной эксплуатации – физической и духовной, – думающие, прозревающие и не смирившиеся с рабским положением люди всё пристальнее всматриваются в ценностно-смысловые конструкции порушенного социализма, сравнивают их с буржуазным, капиталистическим укладом и в этом сравнении пытаются найти ответы на кричащие проблемы современного бытия и по возможности – будущего гуманистического мироустройства. Но такой ответ не лежит на поверхности, его нельзя выразить двумя, тремя банальными фразами в духе известного выражения «*что такое хорошо и что такое плохо*», он может быть получен только в процессе серьезного теоретического и социально-практического анализа всей совокупности данных, почерпнутых из самой жизни, из истории.

¹² Йоас Ханс. Возникновение ценностей. Перевод с немецкого. СПб., 2013, с. 36–37, 276. Ханс Йоас – профессор социологии в Свободном университете г. Берлина (ФРГ).

¹³ Абушенко В. Л. Аксиология. // Всемирная Энциклопедия. Философия. XX век. М. – Минск, 2002, с. 23.

Глава первая. Развитие ценностных отношений, взглядов и теорий: историческая и социально-классовая детерминированность

За многовековую историю человеческая мысль создала бесчисленное множество мифологических, религиозных, философских, исторических, социологических взглядов и концепций, объясняющих феномен ценностей, так что может возникнуть иллюзия о завершенности исследовательской деятельности в этой сфере. Однако и сегодня новые поколения людей задаются все теми же вечными вопросами, имеющими ценностно-смысловое значение: «зачем живет человек?»; «в чем смысл жизни?»; «что есть благо?»; «что такое прекрасное и безобразное?»; «кто является истинно счастливым: богатый, власть предержащий, а, может быть, умный и образованный, не отягощенный грузом накопления богатства и жаждой власти?»; «в чем причина нынешнего духовного кризиса: идет рост преступности, падение нравственных, этических, правовых норм и ценностей?»; «почему падает значение труда как ценности и возрастает авторитет богатства, власти, денег, полученных несправедливым путем?»; «много говорят о кризисе самого человека, но нет ответа, чем он порожден: антропологией, психологией, или все же рыночной экономикой, буржуазной властью, массовой культурой капитализма» и т. д. и т. п.

Здесь приведена малая толика из огромного числа подобных «проклятых» вопросов, которые возникают и множатся в современном украинском и российском обществе, причем не только в старшем, но и в молодом поколении. Не будем наивными: свои ответы дают президенты и премьеры, министры и советники властных структур, либеральные философы, политологи, прикормленные деятели из медиаиндустрии, шоумены, эстрадники и клоуны, а вместе с ними, рядом с ними – отцы церкви, мистификаторы, астрологи. Люди, сидящие у телевизоров, глотают эти «ответы» и, говоря словами Мориса Метерлинка, становятся «слепыми», добавим от себя – и глухими. Но эта «слепота» и «глухота» не отдельного человека, а значительной массы людей, может быть – народов.

Кто же может дать им настоящий ответ на жгучие вопросы современного бытия человека и человечества? Теоретическое сознание, не впадшее в квазиантропологизм и идеалистический социологизм, отвечает: **такие ответы дает марксизм**. Выдающийся российский историк и философ Ю. И. Семенов подчеркивает значимость марксистской теории исторического развития. «Хотя эта концепция исторического развития была создана Карлом Генрихом Марксом (1818–1883) и Фридрихом Энгельсом (1820–1895) еще в середине XIX в., она, бесспорно, является учением и современным». Согласно марксистскому «материалистическому пониманию истории, фундаментом, базисом любого конкретного общества, т. е. социально-исторического организма, является определенная система социально-экономических (производственных) отношений. Существует несколько типов социально-экономических отношений и, соответственно, несколько качественно отличных друг от друга их систем или общественно-экономических укладов (рабовладельческий, феодальный и т. п.). Каждая такая система социально-экономических отношений является общественной формой, в которой происходит процесс производства. <...> Типы социо-исторических организмов, выделенные по такому признаку, получили название общественно-экономической формации»¹⁴.

В. И. Ленин определял общественно-экономическую формацию как совокупность или систему определенных производственных отношений. Вместе с тем он никогда не сводил ее

¹⁴ Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности и до наших дней. М., 2003, с. 125–128.

полностью только к системе производственных отношений. Для него общественно-экономическая формация всегда была типом общества, взятого в единстве всех его сторон и проявлений. Ленин характеризовал систему производственных отношений как «*скелет*» общественно-экономической формации, который всегда обличен и «*плотью и кровью*» других общественных отношений. «*Капитал*» Маркса, говорил Ленин, «имел такой гигантский успех, что эта книга “немецкого экономиста” показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую – с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»¹⁵.

«*Общественная формация как живая*» – из этого понятия становится ясно, что марксизм-ленинизм как никакая другая теоретическая система способен и сегодня давать ответы на животрепещущие проблемы, волнующие человека; не иллюзорность, субъективизм, схоластика, а научная точность, строгость, реализм в обращении с жизнью делают это учение единственным инструментом в понимании и оценке всех и всяческих проявлений жизненного процесса, важнейшей составной частью которого, безусловно, являются ценностные отношения людей в процессе их жизнедеятельности.

В теории ценностей буржуазные философы давно обнаруживают методологическую беспомощность. Давая научное определение ценности и определяя сам предмет теории ценностей, они теряют прочность научного фундамента, каким, собственно, и выступает методология. Одна группа буржуазных теоретиков определяет ценность как продукт деятельности отдельного индивида, целиком зависящей от его воли, как продукт, служащий удовлетворению личных потребностей индивида. Единственным критерием ценности они считают желания субъекта, его субъективные интересы, объявляют ценность выражением индивидуального сознания. Такая трактовка природы ценностей присуща прагматизму, неореализму, «критическому» реализму, экзистенциализму, неопозитивизму. Еще одна группа буржуазных философов, наоборот, используя платоновское учение о царствах идей, учение средневекового схоласта Фомы Аквинского о двух видах истины, рассматривает ценность как элемент надмирового начала, продукт «высшего разума». Ценность в этом случае выступает в качестве определенной духовной основы объективной действительности, условия ее бытия. Человек познает эти ценности в процессе «откровения», в моменты общения с богом: такова позиция неотолизма, персонализма, протестантизма, современного православия в России¹⁶.

Марксизм, опираясь на прочный методологический фундамент, вполне правомерно и доказательно опровергает идеалистические и фидеистические представления о внеисторической, надсоциальной, божественной природе ценностей, подчеркивая и обосновывая общественно-практическую сущность, историчность и познаваемость ценностей. Ценностные системы формируются и трансформируются в историческом развитии общества. Воззрение на историю общества как реализацию системы «*вечных ценностей*» или как последовательную смену одного типа ценностей другим (например, трансцендентно ориентированных – светскими, а безусловных – условными) равно неприемлемы для материалистического понимания истории.

Марксистский конкретно-исторический анализ генезиса и развития ценностных систем показывает, что каждая исторически и социально выраженная общественная форма характеризуется специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции. В ней фиксируются те критерии

¹⁵ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов.) Полн. собр. соч., т. 1, с. 13.

¹⁶ Антонович И. Американская буржуазная аксиология на службе империализма. Минск, 1967, с. 9.

социально признанного (данным обществом, классами и социальными группами), на основе которых развиваются более конкретные и специализированные системы нормативного контроля, соответствующие общественные институты и сами целенаправленные действия людей – как индивидуальные, так и коллективные. Усвоение этих критериев на уровне структуры личности составляет необходимую основу формирования личности и поддержания нормативного порядка в обществе. Интеграция, внутренняя противоречивость и динамизм общественных систем находят свое выражение в структуре ценностных систем и способах их воздействия на различные общественные группы. Важный элемент ценностных отношений в обществе – системы *ценностных* ориентаций личности, консолидации социальных групп и классов.

Когда, на каком этапе исторического развития общества начинается процесс становления ценностных отношений? Следует согласиться с теми учеными, которые сделали вывод о том, что становление ценностного отношения, ценностной ориентации человека начинает происходить уже в первобытном обществе¹⁷. С точки зрения науки, первобытная эпоха – весьма значительный период, когда закладывались почти все основные феномены культуры: орудия и средства труда; охота и рыболовство; жилище и одежда; земледелие и животноводство; транспорт; металлургия и металлообработка; язык и мышление; словотворчество; ранние формы религиозных верований и мифологии; зачатки научных знаний, изобразительного искусства, музыки, театра. Исторический процесс *культурогенеза*¹⁸ был одновременно и началом процесса *аксиогенеза*¹⁹. В ходе исторической эволюции возникало *праценностное сознание*: человек испытывал потребность оценивать и осмысливать окружающий его мир и себя в этом мире – ведь инстинктивный регулятор поведения, унаследованный от животного состояния, отмирал и должен был быть заменен новым, вырабатываемым культурой.

Переход от первобытного (доклассового) общества к классовому – рабовладельческому был гигантским шагом вперед в истории человечества. Этот переход ознаменовался бурным ростом всех сфер общественной жизни: а) материального производства; б) области социально-политической деятельности; в) сферы духовной, социокультурной деятельности. Этот исторический процесс сопровождался становлением и нового ценностного сознания, адекватного реальностям возникшего мироустройства, качественно иным социально-классовым отношениям. Так возникают автономизированные ценности групповых субъектов – *правовые, политические, религиозные*; ценности индивидуального субъекта – *эстетические, нравственные*; ценности синтетические – *художественные*²⁰.

Каждая новая ступень в развитии общества сопровождается поиском и утверждением адекватной ему системы ценностей. Иначе говоря, каково общественное устройство – таковы и его ценности, имеющие объективную основу в материальном мире. Говоря словами К. Маркса, основой ценности выступает общественное бытие предметов и явлений объективного мира. Решающим фактором духовной жизни при переходе от античного (рабовладельческого) общества к феодальному (средневековому) явилось *коренное переосмысление всех общественных ценностей: от преобладания интереса к земному и материальному общество обращается к системе морали и религии*. Высшей реальностью стали считать потусторонний мир, в земном же существовании – видеть лишь подготовительную ступень к царству небесному. Такая система духовной ориентации с наибольшей ясностью проявилась в христианстве и повлияла на все стороны практической деятельности людей: материальное производство не рассматривалось как самоцель и не находило оправдания в богатстве; производственный идеал – самообеспечение, создание условий для

¹⁷ См.: Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997, с. 90, 92.

¹⁸ *Культурогенез* (лат. culture – культура и греч. genesis – возникновение, происхождение) – процесс зарождения культуры.

¹⁹ *Аксиогенез* (лат. axia – ценность, греч. genesis – возникновение) – процесс зарождения ценностей, ценностного сознания.

²⁰ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997, с. 95.

«достойного» с сословной точки зрения существования человека, и в этих пределах трудовая активность оправдывалась и даже возводилась в этическую ценность. Богатства в условиях феодального общества ценились прежде всего благодаря своей знаковой функции: их следовало тратить, дарить приближенным и вассалам, жертвовать на постройку церквей и т. д. Богатство становилось знаком щедрости, широты натуры, гостеприимства феодала, престиж и влияние которого повышались. Так поддерживалась рыцарская честь – главная ценность в моральном кодексе господствующего класса.

В недрах феодализма постепенно созревают и развиваются элементы буржуазного общества: впереди этого процесса шли города. В рамках свободных городов развивались новые средства и производства, требовавшие непосредственного производителя, избавленного от личной зависимости и сословного неравенства. В городах менялся стиль и ритм общественной жизни, росли свободомыслие и идеологическое сопротивление феодалам и засилью церкви. Возрастание значения денег и торговли, предпринимательской деятельности подрывало систему феодализма, выдвигало на первый план вещные, коммерческие отношения. *Городское общество постепенно переориентировалось на новые ценности*: знатности происхождения и «героической лени» феодалов противопоставлялись индивидуальные способности и предприимчивость, консервативной традиции – новаторское поведение, земледелию – опоре политической власти – деньги, движимое богатство, условному держанию – безусловная частная собственность, вере в религиозные авторитеты и букву Священного Писания – исследовательская пытливость, рациональное поведение, ортодоксальной церкви – боевая ересь, свободомыслие. Этот процесс в истории Европы занимает эпоху «первоначального накопления капитала», которая завершается буржуазными революциями, более или менее радикально покончившими с феодализмом.

Капитализм, последняя в истории человечества антагонистическая общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности, эксплуатации трудящихся и ограблении колоний, сыграл революционизирующую роль в развитии мирового социального прогресса. *Буржуазия, господствующий класс капиталистического общества, утверждала специфически капиталистические ценности – индивидуализм, предприимчивость, идеи равных возможностей и личного успеха, конкуренции – они стали моральными и идейными принципами на многие столетия.* На основе процессов концентрации и централизации капитала и производства свободная конкуренция к началу XX столетия сменяется монополией. По мере перерастания капитализма в империализм господствующей становится качественно новая форма капитала – финансовый капитал и персонифицирующая его финансовая олигархия. В эпоху империализма буржуазия «из поднимающегося передового класса стала опускающимся, упадочным, внутренне мертвым, реакционным»²¹. Буржуазные ценности вместе с самим обществом переживают глубокий кризис. Капитализм создает материальные и иные предпосылки социализма – перехода человечества на иную, более высокую ступень социального прогресса. За капитализмом начнется эпоха всемирного социализма – новой социально-экономической, политической, социокультурной и ценностно-смысловой системы.

Конкретно-исторический анализ позволяет достоверно установить важный научный факт: проблема ценностей возникает, становится особенно актуальной в переломные периоды общественного развития, в эпохи обесценивания культурной традиции, дискредитации («износа») идеологических и других устоев того или иного общества. Так, в эпоху Античности кризис афинской демократии заставил Сократа впервые поставить вопрос: «Что есть благо?». Сразу заметим, что это – основной вопрос всей ценностной теории. В античной и средневековой философии ценностные (этико-эстетические

²¹ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., т. 26, с. 145–146.

и религиозные) характеристики включались в само понятие реальности, истинного бытия. В Средневековье проблема ценностей присутствовала в учениях отцов церкви, озабоченных укреплением католицизма, стремившегося *«не только к самостоятельности, а к поглощению государства, общества и культуры»* (Л. П. Карсавин, русский историк-медиевист). Особое место поиск ценностей занял в трудах мыслителей других переломных эпох: Ренессанса (Возрождения), Реформации, Просвещения.

Так с течением времени, в ответ на потребности общественного развития возникали взгляды, формировались ценностные теории, складывалась наука, которая позже получит название **аксиологии**. Сам термин *«аксиология»* приписывают французскому философу П. Лапи, который ввел его в 1902 году, и немецкому философу Э. Гартману. В современном понимании **аксиология** (греч. *axia* – ценность, *logos* – слово, учение) – *это философское учение о ценностях, их происхождении, сущности, функциях, типах и видах*. Являясь одной из фундаментальных проблем для всего гуманитарного и социально-научного познания и преобразования мира, анализ ценностей входит в качестве аксиологического компонента не только в философию, но и во многие другие науки: историю, социологию, психологию, этику, культурологию, а теперь и в политологию, юриспруденцию.

Исходным ключевым понятием для аксиологии является термин *«ценность»*, а также различные производные от него: *ценностное сознание; ценностные ориентации; ценностно-нормативные компоненты; ценности культуры* и т. д. Исследователи единодушны в том, что понятие «ценность» проделало путь из экономической сферы через экономическую науку XVIII в. в философию XIX в., а уже оттуда в XX в. пришло в социальные науки, культурологические исследования, язык публичного общения, а теперь, в наши дни, и в политику. Единого, общепринятого определения понятия «ценность», как ни парадоксально это звучит, нет. С одной стороны, все довольно просто: ценности – это то, что люди ценят. Но эти оценки всегда субъективны, а потому могут быть самыми различными. Не зря в народе издавна говорят: «На вкус и на цвет товарища нет»; а значит, в этом смысле нет и какого-то единого критерия для определения – **что есть ценность...** К тому же сам мир ценностей весьма сложен и трудноописуем. Ценности разнообразны и неоднородны. Все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве *«предметных ценностей»* как объектов ценностного отношения, то есть оцениваться в плане добра и зла, истины или неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т. д. Способы и критерии, на основании которых производятся сами акты оценивания соответствующих явлений, закрепляются в общественном сознании и культуре как *«субъективные ценности»* (установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений), выступая ориентирами деятельности человека. «Предметные» и «субъективные» ценности являются, таким образом, как бы двумя полюсами ценностного отношения человека к миру.

Существуют различные варианты классификации ценностей: 1) *смыслосознательные* (представления о добре и зле, счастье, цели и смысле жизни); 2) *витальные* (жизнь, здоровье, безопасность, семья и т. п.); 3) *социальные* (труд и трудолюбие, общественный статус и признание, равенство, справедливость, патриотизм и др.); 4) *политические* (гражданские свободы, законность, национальный суверенитет, мир, дружба между народами и т. д.); 5) *моральные* (добро, честь, порядочность, любовь, уважение к старшим, воспитанность, образованность и т. д.); 6) *утилитаристские* (комфорт, богатство, личный успех, предприимчивость, конкурентоспособность и т. д.); 7) *религиозные* (Бог, Священное Писание, Вера, Любовь, Надежда и др.); 8) *эстетические* (прекрасное, возвышенное, гармония, художественное творчество и

т. д.); 9) *экологические* (природа, море, горы, животный мир и т. д.). Существуют и другие виды классификаций ценностей²².

В любой ценностной системе всегда присутствуют *общечеловеческие и классовые ценности*. Общечеловеческие – это ценности, имеющие значение для всего человечества. Они в той или иной форме разделяются всеми социальными общностями, классами, социальными группами, народами, хотя не у всех выражены в одинаковой форме. Специфичность их выражения и проявления зависят от особенностей социально-экономического, культурно-исторического развития той или иной страны, типа формации (цивилизации), ее религиозных традиций и др. **С содержательной стороны общечеловеческие ценности – это предельные, исторически и социально нелокализуемые ценности. Они носят длительный, а многие – постоянный, непреходящий характер. Именно поэтому они выступают в качестве регуляторов поведения и жизненных ориентаций для всех людей: в труде, в быту, в политике, науке, в семейных, личных, внутригрупповых, межклассовых и межгосударственных (международных) отношениях.** Выражая опыт всего человечества, эти ценности сформулированы в различных духовно-нравственных системах в виде определенных общечеловеческих заповедей. Такими общечеловеческими ценностями являются *личность человека, его жизнь, свобода, достоинство, благосостояние, счастье* и др.

Классовые ценности – это коренные ценности того или иного класса, то есть, большой группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а также по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Различают классы антагонистические и неантагонистические. Первые – это классы всех формаций, основанных на эксплуатации человека человеком: *рабы – рабовладельцы, крестьяне – феодалы, пролетарии – буржуазия*. Их коренные интересы не только различны, но и несовместимы. Следовательно, различны и ценности этих классов. Каждый читающий эти строки при желании может сам выявить несовместимость ценностей эксплуатируемых и эксплуататоров.

Наконец, ученые различают *финальные, инструментальные и производные ценности*²³. Финальные ценности – это высшие ценности и идеалы, важнее и значимее которых нет ничего. Они являются конечными целями человеческих устремлений, главными жизненными ориентирами. Направленность на такие ценности определяет ведущие интересы личности и смысл всей ее жизни. Например, свобода, честь, достоинство, справедливость, правда необходимы людям не ради решения каких-то других задач, а ради самих себя, ради самооценки личности человека. Идейная убежденность, сопрягающаяся с нравственной чистотой и кристальной честностью, для многих революционеров, коммунистов как в прошлом, так и в настоящем времени выступают финальными (высшими!) ценностями. Именно они, говоря словами К. Маркса, *«овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, – это узлы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»*²⁴.

Инструментальные ценности (комфортные условия труда, материальные блага и др.) представляют собой средства и условия, необходимые в конечном счете для достижения и сохранения финальных ценностей. *Производные ценности* (орден, медаль, грамота, подарок и др.) – это следствия или выражения других ценностей, имеющих значимость лишь как признаки и символы последних.

²² См.: Ерасов Б. С. Социальная культурология. Ч. 2. М., 1994; Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб., 1992; Пархоменко И. Т., Радугин А. А. Культурология в вопросах и ответах. М., 2001; Солонин Ю. Н., Каган М. С. Культурология. М., 2007 и др.

²³ См.: Солонин Ю. Н., Каган М. С. Культурология. Учебник. М., 2007, с. 139–142.

²⁴ Маркс К. Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung». // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 118.

Все вышесказанное свидетельствует: мир ценностей огромен, разнообразен и сложно-описуем. Не менее сложно и противоречиво человеческое отношение к этому миру, ибо сам человек – это высшая ценность, субъективно отражаемая в его сознании и поведении. Для простоты применения в современной научной литературе понятие «ценность» чаще всего употребляется в двух смыслах: 1) *оно понимается как значение некоторого предмета или явления для человека, то есть как свойство или качество этого предмета или явления*; 2) *ценностью считается само явление (идеальное или материальное), имеющее значение для человека*²⁵. **Ценностно-смысловые ориентации**, формирующиеся на основе ценностей, это сложная, многообразная и меняющаяся система идейно-мировоззренческих, социально-экономических, духовно-нравственных детерминант целеполагания, поведения и деятельности людей. В качестве таких детерминант выступают различные представления, интересы, потребности, знания, мотивы, психологические побуждения, установки, переживания, в конечном счете – цели людей.

Историю становления самих ценностей, формирования ценностных отношений следует отличать от истории разработки ценностной теории, то есть аксиологии. Люди издавна жили в мире ценностей, ценностных взаимоотношений и действий, но далеко не сразу стали осознавать (оценивать) это, тем более выражать такое осознание в понятийной форме. Подобно тому как они всегда жили в истории, но историками они смогли стать намного позже; человеческая культура своими корнями уходит в первобытную древность, но осознание этого факта к людям пришло уже в эпоху цивилизации. Формирование ценностного сознания в этом смысле не является исключением. Выработка научного определения «ценность», раскрывающего общеисторический и общецивилизационный смысл и сущность данного феномена, его роль, место и значение для человека и общества, растянулась на столетия и потребовала усилий многих выдающихся умов. Такие мыслители как **Аристотель, Платон**, а позже **Спиноза, Локк, Руссо, Вольтер, Лессинг, Ламетри, Гольбах, Гельвеций** и другие пытались в разные эпохи – от Античности и до Нового времени – с различных позиций осмыслить ценности человеческого бытия, формировали теорию ценностей. При этом изначально в аксиологии шла борьба двух направлений мысли – идеалистической и материалистической, которая, впрочем, продолжается и в наши дни. За этим кроются и гносеологические, и социальные корни теории ценностей, которые в концентрированной форме аккумулируются в интересах людей.

Становление аксиологической теории и разработка понятия «ценность» связаны прежде всего с именами многих западноевропейских исследователей разных эпох и стран. Важную роль в этом процессе сыграл немецкий философ, врач, естествоиспытатель **Рудольф Герман Лотце** (1817–1881), который ввел в научный оборот понятие «ценность». В его работах теория ценностей рассматривалась в духе неокантианства, феноменологии и философии жизни. Для философии жизни и особенно для общественной дискуссии еще большее значение, по мнению Ханса Йоаса, имело необычное употребление понятия «ценность» в работах Фридриха Ницше. Однако, замечает современный немецкий ученый, исходной точкой и своеобразным ориентиром для всех этих направлений развития служила философия **Иммануила Канта**. Исследование сущности, онтологического статуса, мировоззренческих и социальных функций ценностей, их типологии содержится в работах многих западных ученых, в том числе **Э. Дюркгейма, Э. Спенсера, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Д. Дильтея, М. Шелера, Н. Гартмана, У. Джеймса, Г. Зиммеля, Д. Дьюи, М. Вебера, Т. Парсонса, Ф. Адлера, Ч. Тейлора** и др.

За длительную историю произошло формирование нескольких типов ценностных теорий, со своей методикой, научным аппаратом, отличительными подходами к объекту иссле-

²⁵ Смирнов П. И. Ценностные основания общества (концепция исследования). Автореферат докторской диссертации. СПб., 1994, с. 11.

дования. Среди наиболее известных – *натуралистический психологизм; трансцендентализм; персоналистический онтологизм; культурно-исторический релятивизм; социологизм*. По возможности кратко рассмотрим каждый тип:

а) в **натуралистическом психологизме** (А. Мейнонг, Р. Б. Перри, Дж. Дьюи, К. И. Льюис) общим является взгляд о том, что источник ценностей заключается в биопсихологически интерпретированных потребностях человека, а сами ценности могут быть эмпирически фиксированы как специфические факты наблюдаемой реальности. В данной концепции значительную роль играет понятие стандартизации ценностей на основе весьма неопределенно понимаемой «*полезности*», или «*инструментальности*». С другой стороны, интерпретация ценности как эмпирически констатируемого феномена означает, в сущности, сведение ценности к факту, то есть происходит смешение ценности с предметной действительностью;

б) для **аксиологического трансцендентализма**²⁶ (В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.) ценность – это идеальное бытие, бытие нормы, соотносящееся не с эмпирическим, а с «чистым», трансцендентальным, или нормативным, сознанием. Будучи идеальными предметами, ценности, по этой концепции, не зависят от человеческих потребностей и желаний. Однако, с другой стороны, идеальное бытие должно опираться на реальность. Это явное противоречие в обосновании онтологической природы «нормативного» сознания приводит в данной ценностной теории либо к позиции, исходящей из субъективного эмпирического сознания, идеализирующей абстракцией от которого и выступает чистая нормативность, либо к признанию чистого спиритуализма, постулирующего сверхчеловеческий «логос»²⁷. **Г. Риккерт**, будучи одним из родоначальников аксиологии, разделял все ценности на шесть классов: логические (*в научных достижениях*); эстетические (*в произведениях искусства*); мистические (*в культах*); религиозные, нравственные, личностные;

в) **персоналистический онтологизм** (М. Шелер, Н. Гартман, Ф. Brentano и др.) – сложное, противоречивое течение в аксиологии. Так, немецкий философ Ф. Brentano, различая акты представления, суждения и «любви и ненависти», источником ценностей считает представления, как более фундаментальные феномены, чем акты выбора (суждения). В основе объективности ценности лежит объективность всеохватывающего чувства «любви-ненависти» (предпочтений и отвержений). Для другого немецкого философа-идеалиста Н. Гартмана (основоположника так называемой критической онтологии²⁸ основным вопросом была проблема соотношения ценностей и свободы воли, рассматриваемая как отношения двух родов сил («детерминаций»): идеальной (ценностей, являющихся ориентиром для воли) и реальной (воли, осуществляющей ценности). Гартман попытался обосновать ценности вне религиозной аргументации и не прибегая к авторитету бога. Наиболее авторитетным представителем онтологической аксиологии был еще немецкий философ-идеалист – **Макс Шелер** (1874–1928). Его называют одним из основоположников аксиологии, социологии познания и философской антропологии как самостоятельных дисциплин. Он выстраивал ценности в иерархию: на низшей ступени находились ценности чувственные («приятное»), над ними – жизненные, или

²⁶ *Трансцендентализм* (позднелат. transcendentia, или transcendentalia, от лат. transcens – переступающий, выходящий за пределы) – понятие средневековой схоластики, обозначающее наиболее универсальные, высшие определения бытия. Термин «*трансцендентальный*» характеризует высшие и универсальные предметы метафизического познания (единое, истинное, благое).

²⁷ *Спиритуализм* (от лат. spiritualis – духовный) – термин, обозначающий объективно-идеалистическую концепцию, которая рассматривает дух в качестве первоосновы мира, субстанции, независимой от материи. «*Логос*» (от греч. logos – слово, понятие, разум) – категория, широко употреблявшаяся в античной и средневековой философии и имевшая различное содержание в конкретных философских и религиозных учениях. Так, для Филона Александрийского ЛОГОС есть «образ бога» и как бы «второй бог», посредник между потусторонностью бога и постусторонностью мира. Христианская догма утверждает субстанциональное тождество Логоса богу-Отцу, чье «слово» он представляет собой, и рассматривает его как второе лицо Троицы.

²⁸ *Онтология* (греч. on,ontos – сущее, logos – учение) – учение о бытии как таковом; раздел в философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, наиболее общие сущности и категории сущего.

витальные («*благородное*»), еще выше – духовные, в том числе эстетические («*прекрасное*»), морально-правовые («*справедливое*»), гносеологические («*истинное*»), а на верхней ступени иерархии – религиозные («*святое*»). М. Шелер остро ощущал кризис западноевропейского общества и его культуры. Отвергая социализм, он в своей этической системе возлагал надежды на «третий путь» – пробуждение чувств нравственной ценности в сознании индивида, пытался построить иерархию объективных ценностей. Полагал, что любовь – это акт восхождения, сопровождающийся мгновенным прозрением высшей ценности объекта. Специфика любви, по Шелеру, состоит в том, что она может быть направлена лишь на личность как носителя ценности, но не на ценность как таковую. Реальность ценностного мира, считал он, гарантирована «вневременной аксиологической серией в боге», несовершенным отражением которой служит структура человеческой личности. В работах М. Шелера явственно виден дуализм мира ценностей как идеальных заданий и наличного реального бытия:

г) для культурно-исторического релятивизма²⁹ (В. Дильтей, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.) характерна идея аксиологического плюрализма, то есть множественности равноправных ценностных систем, опознаваемых с помощью исторического метода. По существу, это означало критику самой программы ценностной теории как абстрагирования от культурно-исторического контекста и произвольного увековечивания какой-либо одной «подлинной» системы ценностей. При этом для многих представителей этого направления аксиологической теории был характерен интуитивистский подход к истолкованию ценностного смысла культур. Немецкий философ-идеалист **О. Шпенглер** (1880–1936) в широко известной книге «Закат Европы» писал, что единой общечеловеческой культуры нет и быть не может. Он отказался от идей всемирного единства истории и прогресса как общей направленности исторического развития, отрицал какой бы то ни было высший смысл истории, а также опровергал гипотезу об эпохальном ее членении («*наподобие какого-то ленточного червя, неутомимо наращающего эпоху за эпохой*»). Культуры, по мнению Шпенглера, возникают «с возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле», и столь же бесцельно уходят со сцены, не оставляя после себя ничего. Он писал, что Европа и ее культура клонятся «к закату», рационалистическая цивилизация означает деградацию высших духовных ценностей культуры. К социализму относился враждебно: «*социализм, – по его убеждению, – вопреки внешним иллюзиям – отнюдь не есть система милосердия, гуманизма, мира и заботы, а есть система воли к власти... “благоденствие” в экспансивном смысле... Все остальное – самообман*». Нетрудно заметить, что современные критики социализма с удовольствием используют релятивистскую логику О. Шпенглера, но в отличие от него увековечивают западную (капиталистическую) цивилизацию;

д) социологическая концепция в ценностной теории (М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс и др.) – одна из самых молодых и влиятельных в первой половине XX столетия. **М. Вебер** первым ввел проблематику аксиологии в социологию. В своей «понимающей социологии» неокантианское представление о ценности как норме, способом бытия которой является значимость для субъекта, применил к интерпретации социального действия и социального знания. Другая линия внедрения аксиологических идей в социологию прослеживается в работах польского социолога Ф. В. Знанецкого и русско-американского социолога и культуролога П. А. Сорокина. Природа социальной системы, по Знанецкому, определяется характером социальных действий индивидов, в основе которых находятся ценности и установки. **Сорокин** рассматривал историческую действительность как иерархию в разной мере интегрированных культурных и социальных систем. В основе его идеалистической концепции – идея о приоритете сверхорганической системы ценностей, значений, «чистых культурных систем», носи-

²⁹ Релятивизм (от лат. *relativus* – относительный) – методологический принцип, состоящий в метафизической абсолютизации относительности и условности содержания познания. «...Положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм». В. И. Ленин.

телями которых являются индивиды и институты. Исторический процесс, по Сорокину, есть циклическая флуктуация типов культур, каждый из которых – специфическая целостность и имеет в основе несколько главных философских посылок (представление о природе реальности, методах ее познания). **Т. Парсонс** – американский социолог-теоретик, один из главных представителей структурно-функционального направления в буржуазной социологии, отстаивал необходимость построения общей аналитической логико-дедуктивной теории человеческого действия как основы решения частных эмпирических задач. Человеческое действие, считал Парсонс, – это самоорганизующаяся система, специфика которой заключается, во-первых, в символичности, то есть в наличии таких символических механизмов регуляции, как язык, ценности и т. д.; во-вторых, в нормативности, то есть в зависимости индивидуального действия от общепринятых ценностей и норм; в-третьих, в волюнтаристичности, то есть в известной иррациональности и независимости от познаваемых условий среды и в то же время зависимости от субъективных «определений ситуации».

Введенная Парсонсом система критикуется как «справа», так и «слева». Буржуазные социологи критикуют ее за интеллектуальную усложненность, социологи-марксисты – за формализм, внеисторичность, идеалистическую направленность, недооценку социальных противоречий и конфликтов, апологетические установки в отношении буржуазного общества, а также за необоснованные притязания на роль всеобъемлющей социологической и антропологической теории.

Как видно из довольно краткого обзора различных ценностных концепций, рожденных на Западе в разное время, единой, общепринятой аксиологической теории там не появилось, существует множество версий, порой разнонаправленных и противоречащих друг другу. Как замечает немецкий социолог Ханс Йоас в своей книге «Возникновение ценностей», западные аксиологические теории носят *«конкурирующий характер»*...³⁰ Однако при всей своей конкурентности они не выходят за рамки буржуазной системы ценностей, наоборот, проявляя некоторую критичность, защищают буржуазный мир, ищут для излечения его болезней новое *«аксиологическое лекарство»*... Так было в XIX веке, так продолжается и в веке XX. Так, уже в начале XIX в. в буржуазной теории ценностей произошел крутой поворот от непоследовательного материалистического представления о ценности к откровенному идеализму и метафизике³¹. Философия Лотце, представляющая ценности спекулятивными, надисторическими конструкциями, стала показательным пунктом на этом пути. Развивая идеалистические положения Гегеля и Канта, Лотце утверждал диаметрально противоположность между бытием и ценностью. *«Бытие не имеет ценности, ценность не имеет бытия»*³², – писал он. Этот категорический императив – прямой путь к апологетике бытия капитализма.

Советский философ доктор философских наук И. И. Антонович в своих работах раскрыл апологетический характер буржуазной аксиологии. Наиболее ярко он проявился в философии иррационализма и волюнтаризма немецкого теоретика **Фридриха Ницше** (1844–1900). Пытаясь утвердить, в противовес реально существующим общественным отношениям, «естественный», ничем не сдерживаемый поток «жизни», Ницше предпринимает ультрарадикальную критику всех «ценностей», в том числе христианства («Антихристианин», 1888), и утверждает свою систему «ценностей». *«Разум даже в самом мудром человеке составляет исключение: хаос, необходимость, вихрь – вот правило»*...²⁰ Прежним культурным ценностям, которые Ницше назвал *«смердящей ложью»*, он противопоставил *«активный нигилизм»*, идеи *«сверхчеловека»*, *«волю к власти»*, мораль, гласящую: *«падающего толкни»*... Человеку, не читавшему философских сочинений Ницше, весьма трудно понять смысл его культурно-ценностного

³⁰ Йоас Ханс. Возникновение ценностей. Перевод с немецкого. СПб., 2013, с. 10.

³¹ Антонович И. И. Американская буржуазная аксиология на службе империализма. Минск, 1967, с. 23.

³² См.: Лотце Г. Микрокосм. Ч. 2. СПб., 1866, с. 12.

«нигилизма». В этом весьма существенно помогают многочисленные афоризмы, разбросанные там и сям по страницам его книг. Вот некоторые из них:

- «сверхчеловек – смысл земли»;
- «мораль – самая опасная из всех опасностей»;
- «наша старая мораль – просто комедия»;
- «делайте что хотите, но умейте хотеть»;
- «мудрость – женщина, она любит только война»;
- «не умеющие повелевать должны повиноваться»;
- «восстание – это доблесть рабов. Вашей доблестью путь будет послушание»;
- «счастье мужчины – “Я хочу”. Счастье женщины – “Он хочет”»;
- «все создающие жестоки и беспощадны»;
- «любите мир как средство к новым войнам»;
- «если идешь к женщине – не забудь захватить плетку»;
- «война и мужество совершали больше великих дел, чем любовь к ближнему»;
- «только там, где есть жизнь, есть и воля, стремление не к жизни, а к власти»³³;
- «людям не достает кулаков, пальцы не умеют складываться в кулак»;
- «что падает, то надо еще и подтолкнуть»;
- «более высокая культура сможет возникнуть лишь там, где существуют две различные общественные касты: каста работающих и каста праздных, способных к истинному досугу; или, выражаясь сильнее: каста принудительного труда и каста свободного труда»³⁴;
- «такое высокоразвитое и потому неизбежно вялое человечество, как современное европейское человечество, нуждается не только вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне – т. е. во временном возврате к варварству, – чтобы не потерять из-за средств к культуре самой своей культуры и жизни»³⁵.

В соответствии с трактовкой Ницше «философии жизни» главным проявлением воли к жизни является «воля к власти», и все, что мешает ее свободному развитию, ведет к деградации, но прежде всего – христианская мораль сострадания, искупления, любви к ближнему. А потому ницшеанство нигилистически относилось к существующей морали, оно стремилось взорвать ее в интересах некоего «будущего» – «тысячелетнего царства Заратустры», которое мыслилось как строго иерархическое общество с четким делением на новую аристократию и рабов. А это и есть апология капитализма, только на смену нынешнему должен придти «новый», «вечный» буржуазный уклад, с «новой» аристократией и неизменным классом рабов...

В книге «По ту сторону добра и зла» Ницше утверждает, что «независимость – это удел очень немногих, это преимущественное право сильных...». Он убежден, что *«в наш слишком народный, или лучше сказать, протонародный век “воспитание” и “образование” по самой сущности своей должны быть искусством обманывать – обманывать относительно ее происхождения чернь, унаследовавшую от предков свои телесные и душевные свойства». В этой связи стало возможным рассматривать культуру со знаком «минус», как опыт ложный, подавляющий и закрепляющий человека.* Да и «преодоление морали, в известном смысле даже самопреодоление морали – пусть это будет названием той долгой тайной работы, которая представлена самой тонкой, самой честной и вместе с тем злобной современной совести как живому пробному камню души»³⁶.

³³ Ницше Ф. Ценность европейской культуры. М., 1895, с. 7.

³⁴ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1990, с. 431.

³⁵ Там же, с. 450.

³⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. Соч. в двух томах. Т. 2. М., 1990, с. 267

Философия Ницше оказала серьезное влияние на многие направления буржуазной мысли XX в.: философию жизни, прагматизм, экзистенциализм, символизм. С одной стороны, ницшеанство явилось, по существу, разоблачением буржуазного общества, его культуры и системы ценностей, а с другой – эта крайне реакционная философия служила в эпоху империализма самым агрессивным силам, рвущимся к мировому господству. Волонтаристские, аморальные установки о ценностях, предложенных Ницше, стали основой идеологии фашизма и оправданием неслыханных зверств национал-социалистов в период Второй мировой войны. И в наши дни Ницше со своей аксиологией продолжает оставаться «духовным отцом» многих профашистских аксиологических концепций в капиталистических странах. Его античеловеческий призыв «падающего толкни», «сверхчеловек – смысл земли» сегодня пронизывает идеологию, политику, мораль, всю систему ценностных представлений Соединенных Штатов Америки, исповедующих социал-дарвинистские и фашистские взгляды. Человечеству в XXI веке предстоит тяжелая, самоотверженная борьба против новой угрозы носителей «общечеловеческих ценностей», стремящихся к мировому господству, восстановлению эксплуататорских порядков на все страны и народа планеты.

Глава вторая. Российская аксиологическая мысль в контексте социально-классовых отношений

Весьма неоднозначны и спорны точки зрения на развитие российской аксиологической мысли. С одной стороны, уже утвердилось представление о том, что русская философия не знала теории ценностей. С другой стороны, существует немало утверждений о том, что в силу своего исторического, социокультурного и национального своеобразия русская общественная мысль была насквозь аксиологичной. И в первом, и во втором случае есть свои аргументы и контраргументы. Так, М. С. Каган – авторитетный исследователь в области теории ценностей – считает, что «русская философия осознала себя в качестве самостоятельной и не зависимой от теологии области знания» только с начала XVIII века. «До того времени русская мысль... находилась под сильным влиянием богословия (опиравшегося на византийскую традицию), которое... не знает теории ценности, поскольку признает только одну подлинную ценность». М. С. Каган делает вывод о том, что даже «непримиримые идеологические противники оказывались едиными в том, что *свои ценности* провозглашали *истинами*, и не нуждались поэтому в какой-то особой “теории ценности” – ее не было ни у В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Франка, ни у Г. Плеханова и В. Ленина»³⁷. Это утверждение оспаривают некоторые российские ученые настоящего времени. П. И. Смирнов из Петербурга считает, что в работах С. Франка, Н. Бердяева, Н. Лосского, П. Сорокина (русско-американского социолога и культуролога) уже исследовалась сущность ценностей³⁸.

Не будем впадать в «квасной патриотизм»: российская аксиология в сравнении с западноевропейской явление действительно более позднее. И в этом факте нет ни грена уничтожительного состояния ценностной теории в российском научном сообществе. **Во-первых, у каждого народа есть свои национальные особенности развития культуры, науки, интеллектуальной мысли.** У одних народов происходит развитие философии в «научообразном выражении», у других – в литературе, искусстве, нравоучениях, фольклоре. Выдающийся русский советский философ А. Ф. Лосев сформулировал следующие отличительные особенности русской философии:

1) русской философии, в отличие от европейской, и более всего немецкой, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Познание сущего, его скрытых глубин может быть постигнуто не посредством сведения к логическим понятиям и определениям, а только в символе, в образе посредством силы и воображения и внутренней жизненной подвижности (*Lebens Dynamik*);

2) русская философия неразрывно связана с действительной жизнью, поэтому она часто является в виде публицистики. ...Среди русских очень мало философов *par excellence* (по преимуществу): они есть, они гениальны, но зачастую их приходится искать среди фельетонистов, литературных критиков и теоретиков отдельных партий;

3) в связи с этой «живостью» русской философской мысли находится факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В сочинениях Жуковского, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького, говорит А. Ф. Лосев, часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме. И эти проблемы раз-

³⁷ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997, с. 30–31.

³⁸ Смирнов П. И. Ценностные основания общества (концепция исследования). Автореферат докторской диссертации. СПб., 1994, с. 5.

решаются здесь таким образом, что непредубежденный и сведущий судья назовет эти решения не просто «литературными» или «художественными», но философскими и гениальными³⁹.

Во-вторых, если посмотреть на отечественную философию и ее аксиологическую составляющую шире, масштабнее, то нельзя не признать следующее: русская общественная мысль в течение столетий была наполнена глубоким ценностным отношением ко всем проявлениям жизни: природе, человеку, обществу, государству и т. д. По свидетельству В. В. Зеньковского, русская философская мысль «сплошь историософична». Она постоянно обращена к вопросам о начале и о конце истории, ее сокровенном смысле и путях его постижения, о ее всеобщих основах и уникальности исторического пути отдельных народов и цивилизаций, о соотношении «данности» и «заданности» исторического процесса, прогресса и возврата к «началам» исторического бытия, конечности исторических времен и эсхатологической вечности. Через осмысление исторической миссии России, ее отношения к Западу и его ценностям, их места и роли в развитии мировой цивилизации российские мыслители приходили к ценностно-смысловому универсализму в интерпретации мирового исторического процесса и судеб всего человечества.

Особенностью русской философско-исторической (она же в своем содержательном смысле была и аксиологической) традиции является то, что она никогда не была ориентирована на абстрактное теоретическое постижение мира. Вопрос об истине (одной из главных ценностных проблем) для нее всегда выступал не только в смысле адекватности теории действительности, но и в соотнесенности с категорией **«Правда»**, несущей в себе нравственно-практический, аксиологический потенциал, который побуждает к стремлению не только понять мир, но и преобразовать его в соответствии с идеалами Добра, Истины, Красоты, Справедливости⁴⁰. Через всю историю русской общественной мысли проходит идея социальной справедливости. Уже в феодальном обществе Руси она составляет область коренных интересов всех слоев и сословий XIV–XVI вв. *Помним ли мы об этом?*

Выдающийся советский историк А. И. Клибанов (1910–1994) поставил для науки фундаментальный вопрос: **«Есть в истории культуры и такая проблема, как проблема забытых ценностей»**⁴¹ (выделено мной. – В. С.). **«Европоцентристское пренебрежение к средневековой Руси»**⁴² проявится уже в XVIII в. в русском дворянском сообществе, испытывавшем мощное воздействие процесса европеизации отечественной культуры. Не случайно академик А. М. Панченко определял *«культуру как состязание»*... Это состязание будет проходить и в последующие годы. Русский естествоиспытатель, социолог и публицист Н. Я. Данилевский (1822–1885) в своей работе «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1869) протестовал против «европейничанья», отвергал взгляды об универсальном характере германо-романской цивилизации, ее претензии быть *«общечеловеческим стандартом»*⁴³. Написанная 145 лет тому назад, книга Данилевского удивительно созвучна нашим временам, когда на просторах России, Украины

³⁹ Лосев А. Ф. Русская философия. // В кн. А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991, с. 71. **Алексей Федорович Лосев** (1893–1988) – выдающийся русский советский философ XX столетия, автор 400 великолепных научных работ, среди которых особое место занимает фундаментальная 8-томная «История античной эстетики» (1963–1980, 1992–1994). Мировоззрение ученого формировалось на основе глубокого овладения философским учением Платона, сквозь призму которого он воспринимал и интерпретировал самые различные проявления духовной культуры. В поздних своих работах А. Ф. Лосев сблизил свое философское учение с марксизмом и на его основе пришел к выводу: *«Человечество движется к коллективизму, а значит, к социализму»*.

⁴⁰ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории. // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М., 2001, с. 376.

⁴¹ Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996, с. 275.

⁴² Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000, с. 56.

⁴³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995, с. 42–43, 77–78 и др.

и дальше, за их пределами, господствует **разновидность европоцентризма – америкоцентризм**, нагло и агрессивно внедряемый в общественное сознание либералами-контрреволюционерами. Тотальное внедрение идеологии **европоцентризма**⁴⁴ закрывает многое из ценностного наследия русского, украинского, белорусского и других народов, некогда входивших в состав Российской империи, а позже создавших общее Отечество – Союз Советских Социалистических Республик. Если в прошлом, говоря словами академика А. М. Панченко, отрицалось *«почти все, что было создано за семь столетий, прошедших со времен Владимира Святого»*, отрицались *«книги и профессиональная музыка, иконы, фрески и зодчество, навыки общения с людьми, одежда, праздники, развлечения, событийная культура и культура обиходная, вся национальная топка и аксиоматика»*⁴⁵, то сегодня, спустя 300 лет, либералами-америкоцентристами Россия (СССР) зачисляется в разряд нецивилизованных, варварских стран, чуждых свободе и демократии.

Так возникает проблема «забытых ценностей» любой эпохи, будь то русское Средневековье или Советский Социализм. При этом речь идет о главном споре эпох – споре об исторической правде и правоте (А. М. Панченко). Но, как свидетельствует вся история человечества – от рабовладения и до сегодняшнего дня, – у каждого социального субъекта деятельности – человека, социальной группы, прослойки, класса – свое собственное представление и о «правде», и о «правоте»... Поэтому вновь и вновь повторим: **такой «спор» и поиск «правды» всегда носил – не мог не носить! – классовый характер.**

Если обращаться именно к русскому Средневековью, то мы должны – просто обязаны – вспомнить, что сквозь всю древнерусскую публицистику, литературу, фольклор проходит ценностно-смысловая антитеза **«Правда» – «Кривда»** как форма осознания основного классового антагонизма в условиях феодального общества. **Народный идеал «Правды» в Древней Руси был антифеодальным: это идеал свободного труда на свободной земле. «Правда» в том, что земля есть «Божья» земля, то есть всеобщее достояние тружеников, и что порабощение человеком человека есть дело дьявола. Идеал «Правды» перерастал в мечту о справедливом общественном устройстве, каковое представлялось в одних случаях в образах земного рая, а в других – в образах социальных порядков, как бы переходных к «царству Божию на земле».** Это были социальные утопии эсхатолого-хилиастического ряда, известные в Средние века, отчасти и в Новое время, в странах Европы и Азии.

В истории и культуре русской общественной мысли Средневековья идейное наследие **И. Пересветова, А. Никитина, Ф. Карпова, Я. Шишкина, З. Отенского** занимает центральное место. «Государство правды» Федора Карпова, «Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова, «О праведном и неправедном суде» Зиновия Отенского и Якова Шишкина, а также «Слово о правде и кривде» (автор неизвестен) – эти и некоторые другие произведения, дошедшие до нас, раскрывают аксиологическую направленность русской общественной мысли той эпохи.

В контексте «забытых ценностей» мы должны вспомнить и другой не менее важный факт: уже в XVI–XVII вв. в российской действительности складывается человек новой духовной формации, становящийся носителем новых идей и литературным героем своего времени.

⁴⁴ Европоцентризм – мировоззренческая, культурфилософская и аксиологическая концепция, согласно которой Европа с присущим ей социальным, экономическим, политическим укладом и духовно-ценностным потенциалом объявляется центром мировой цивилизации и культуры. Уже в Древней Греции разграничивали Восток и Запад как противоположности варвара и эллина, «дикости» и «цивилизованности». Такое противопоставление имело отчетливо выраженную ценностную окраску. Возвеличение Запада прослеживается в европейском аксиологическом сознании на протяжении столетий, вплоть до наших дней. Сегодня оно носит ярко выраженный классовый характер: империализм объявляет себя высшей ценностью, «концом истории», за которым общественное (формационное и цивилизационное) развитие (социальный прогресс) исчезает.

⁴⁵ Панченко А. М. История и вечность в системе культурных ценностей. В его книге «О русской истории и культуре». СПб., 2000, с. 56.

Духовная история российского общества еще в первой половине XVI в. выдвинула проблему самоценности человека, которая страстно дебатировалась представителями всех общественных кругов, как ее сторонниками, так и противниками. «Среди публицистов 30–50-х гг. XVI в. лишь немногие обошли в своем творчестве проблему самовластия человека, – говорит авторитетнейший исследователь русского средневековья А. И. Клибанов. – Далеко не все сочинения их дошли до нас, и возможно допустить, что проблему эту не обошел ни один (или почти ни один) из них. Здесь и Максим Грек, и Ермолай-Еразм, и Зиновий Отенский, и анонимный автор “Валаамской беседы”, и сам царь Иван IV, и его неустанный обличитель А. М. Курбский»⁴⁶. Средневековая Русь знала принцип диспута (существовал даже особый жанр «прения»), и реальные, очные и заочные, устные и письменные учено-философские споры. В XVII в. ученые прения стали неперенным элементом культуры. Именно в них древнерусские мыслители обсуждали животрепещущие проблемы бытия через призму «правды» и «кривды», социальной справедливости и несправедливости, самоценности человека и его жизни.

Духовная история русского общества, выдвинув проблему *самоценности человека*, явно опережала ход социально-экономического развития страны. Но исторический процесс никогда не был равномерным и линейно однообразным. Потому и происходило общественное развитие, что многие идеи опережали свое время и тем самым ускоряли его ход, одновременно мостили дорогу будущему. Известнейшие слова А. М. Горького «**Человек – это звучит гордо!**» имеют корни в «народной правде и народном разуме», – делал вывод историк А. И. Клибанов. Мыслители первой половины и середины XVI в. наряду с проблемой *самоценности человека* и в сущностной связи с ней выдвинули еще одну поистине стратегическую в своей исторической значимости проблему – *равенства народов и вер и «самобытия» мира*⁴⁷. **Забыть обо всем этом и многом другом из истории народов России, Украины, а в недавнем прошлом СССР – значит грубо ее исказить, выхолостить, обесценить наше великое и самобытное духовное наследие, а сами народы представить в виде генетически неполноценных субъектов социокультурного творчества, не способных, якобы, создавать демократические ценности. Именно так сегодня изображают ситуацию многие отечественные и зарубежные ультралибералы. Опасная социал-дарвинистская, если не сказать больше, затея...**

А. И. Клибанов, много сделавший для научного анализа генезиса ценностных отношений в средневековой Руси не был одиночкой на данном поприще. Институт философии АН УССР в содружестве с учеными из Института философии АН СССР много лет успешно организовывал специальные конференции – семинары по изучению отечественного культурного наследия XI–XVII веков. Это были интереснейшие и глубоко содержательные «мероприятия» философской жизни советского времени. В основном в Киеве, а иногда в Чернигове, Ровно, Луцке, Львове, Одессе собирались специалисты-русисты, обсуждая специальные научные проблемы эпохи. Киевские «посиделки» сформировали нечто подобное научному клубу. Сегодня об этом можно только мечтать: пелена социального беспамятства и либерального реванша не

⁴⁶ Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996, с. 154.

⁴⁷ Там же, с. 111. Возможно, кому-то эти утверждения покажутся преувеличением и даже грубой натяжкой. Поэтому обратимся к отзыву всемирно известного ученого академика Российской академии наук В. Л. Янина о книге А. И. Клибанова «Духовная культура средневековой Руси». Академик говорит: «Книга Александра Ильича Клибанова... – горько говорить об этом – завершает серию его блестящих монографических исследований русской средневековой мысли. Эта книга занимает важнейшее место в разработанной ученым концепции формирования социальных идей переломного для России времени. Она составляет необходимую часть комплексного исследования, главнейшие срезы которого, демонстрируя многофакторность изучаемого процесса, проходят по разным уровням социальной стратификации. <...> Работа изобилует множеством важных находок и частных решений. <...> Однако центральное место в книге составляют главы, посвященные проблеме социальной справедливости и проблеме самоценности человека...» (Отзыв помещен в конце книги А. И. Клибанова, с. 364–365).

даст развиваться братской русско-украинской научной мысли – капитализм нахрапом внедряет свои классовые, узко эгоистические ценности...

Процесс формирования ценностных отношений и вызревания аксиологических идей в России невозможно представить в науке без XVIII столетия – одного из важнейших и плодотворнейших этапов в развитии русской и всей российской общественной мысли. Именно тогда на авансцену культурной жизни страны выходит целая плеяда писателей, поэтов, публицистов, ученых: **М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, Я. П. Козельский, А. Я. Поленов, А. Н. Радищев, Н. П. Румянцев, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, И. А. Крылов, Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий** и многие другие. В XVIII в. берет свое начало российское просветительское движение: в нем явственно проявляются первые буржуазные идеи, близкие ренессансно-гуманистическим концепциям просветительской мысли Франции (естественному праву, общественному договору, просвещенному абсолютизму и др.). Развиваясь в русле идей Просвещения, шедших с Запада, **русское просветительство имело свои собственные ценностно-смысловые ориентиры. Его отличали:**

- *глубокая социальная направленность деятельности русских мыслителей* – борьба против закоренелого крепостничества, бедственного положения крестьянства – основной массы населения страны, паразитического образа жизни дворянства и его потрясающего невежества;
- *резкая гуманистическая обращенность* – человек объявляется высшей ценностью, развивается учение о связях человека с условиями жизни, определяющими его зависимость от конкретной социальной среды;
- *возникает новая ценностно-смысловая черта русского гуманизма – морализм*: в педагогических кругах появляются утопические иллюзии относительно «создания новой породы людей», воспитания «умонаклонения к добру» и даже проповедуется первенство нравственности над разумом;
- *получает новый импульс свободомыслие* и многообразный феномен духовной деятельности, связанной с критическим отношением к религии и ее институтам.

Провозвестником своеобразной русской философии и ее составляющей – представлений о ценностях в XVIII в. был **Григорий Саввич Сковорода (1720–1794)** – украинский философ, поэт, педагог. Его жизнь и учение, по словам А. Ф. Лосева, *«совершенно уклоняются от западноевропейской традиции и вводят нас в суть самобытной русской философии»*⁴⁸. Г. С. Сковорода – человек необычной судьбы и самобытной философской мысли. Родился в селе Ивановка (потом Сковородиновка) Харьковской области. Учился в Киево-Могилянской академии. С 1759 г. около десяти лет преподавал гуманитарные дисциплины в Харьковском коллегиуме. С 70-х годов вел образ странствующего нищего философа. Его сочинения при жизни распространялись в рукописях. С посохом в руке он обошел многие страны Европы, знал языки, изучал философию, был знатоком античной и патристической («отцов церкви») философии. *«Это был истинный Сократ на русской почве, – говорит А. Ф. Лосев, сам великодушный знаток античности, – и не меньше, чем греческий Сократ, он видел свою жизненную задачу в духовном рождении человека, в посвящении его в философию»*⁴⁹.

Г. С. Сковорода был тесно связан с традициями украинской демократической культуры, из которой черпал мудрости народной жизни. Он бродил по рынкам и ярмаркам и повсюду излагал свои одухотворенные учения. Как истинный мудрец, он углублялся во все мелочи и проявления человеческого бытия, свое познание вел от человека и через человека. Отсюда вытекает основная идея философии Сковороды – *антропологизм. Человек – это микрокосм.*

⁴⁸ См.: Лосев А. Ф. Русская философия. // А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991, с. 74.

⁴⁹ Лосев А. Ф. Русская философия. В кн. А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991, с. 74.

Единственная истинная жизнь – *человеческое сердце* – есть инструмент этого познания. Вторая основная идея системы украинского мыслителя – *мистический символизм*. Это очень важная черта и одна из оригинальнейших особенностей его философии, считал А. Ф. Лосев. Более чем за 100 лет до возникновения современного художественно-философского символизма Г. С. Сковорода говорил о третьей, «символической» реальности, связующей большой и малый мир (первый – макрокосм, или Вселенная, второй – микрокосм, или человек), идеально их в себе отражающей. Ее наиболее совершенный образец, по Сковороде, это Библия. Каждый из этих миров состоит из «двух натур»: видимой («тварь», сотворенный мир) и невидимый («бог»). В обнаружении невидимой натуры через видимую состоит, по его учению, основная проблема человеческого существования, которая решается *в подвиге самопознания*, в обнаружении «*внутреннего*», «*сердечного*», «*единого*» человека. Что это, как не поиск ответа на «вечные» аксиологические вопросы – проблемы: «*что есть человек?*»; «*в чем состоит смысл его бытия?*»; «*как он связан с Природой?*» и т. д.

Многие мысли, которые мы находим у западноевропейских философов, были высказаны Г. С. Сковородой задолго до них. Так, в своей педагогике он уже в 50-е годы XVIII века, то есть до Ж.-Ж. Руссо, проповедовал принцип возврата к природе и делал это не случайно, интуитивно, а в полном соответствии со своими теоретическими воззрениями. Первым в Европе он осудил искусственное разделение, которое французское Просвещение внесло в отношения природы и искусства. «*Не мешай только ей (природе), а если можешь, отвращай препятствия и будто дорогу ей очищай: воистину сама она чисто и удачно совершит... Яблони не учи родить яблока, уже сама натура ее научила... Учитель и врач несть учитель и врач, а только слугитель природы единственные и истинные и врачевницы и учительницы*, – говорил Г. С. Сковорода. – *Природа превосходит науку. Вот кто его учит. (Она) самый лучший учитель*»...⁵⁰

Но что есть природа в человеке? *Это его сердце*... Также и здесь, писал А. Ф. Лосев, следует подчеркнуть гениальность Сковороды, преодолевшего многие ступени развития западноевропейской философии, не воспроизводя ее рационализма и других черт⁵¹. Добавим от себя, в том числе аксиологического индивидуализма и эгоизма, которые в конце концов проявят себя в крайне негативном свете. Антропологизм, как и вся философия Г. С. Сковороды, есть не что иное, как аксиологический гуманизм, выраженный в условиях определенного исторического времени.

XIX век – особая эпоха в развитии русской национальной культуры, чаще всего называемая «золотым веком». Это было время небывалого взлета художественной литературы, музыки, живописи, театра, естественных и гуманитарных наук. На широкую публичную арену вышли многочисленные общественно-политические течения: в начале столетия декабризм; в 40-е годы западничество и славянофильство; в 50–60-е – либерализм; во второй половине века – народничество; в 60–70-е – почвенничество (как особый тип сознания и идеологического течения); в 80–90-е годы – возникает самостоятельная русская социалистическая мысль и русский марксизм; на рубеже XIX–XX вв. в России появляется ленинизм, который будет назван марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций, крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества.

Об этом историческом периоде создан поистине «Монблан» научной, художественной, публицистической литературы, освещающей, казалось бы, все магистральные пути и «проселочные» дороги развития общественной мысли, в том числе становление ценностных отноше-

⁵⁰ См.: Сковорода Г. Твори в двух томах. Київ, 1961. Том 1, с. 363.

⁵¹ Лосев А. Ф. Русская философия. В кн. А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет. Очерки истории русской философии. Свердловск, 19991, с. 76.

ний и возникновение аксиологических взглядов. На первый взгляд, об этом времени невозможно говорить с позиции «*потерянных*», «*забытых ценностей*»... Увы, в действительности дело обстоит еще хуже, чем с русским Средневековьем, ценностную парадигму которого восстанавливал и защищал А. И. Клибанов (один из моих научных наставников в аспирантские годы). О XIX столетии, если не в целом, то о важнейших его свершениях впору сегодня говорить как о ценностях, сознательно и целенаправленно вычеркнутых и вычеркиваемых представителями определенных мировоззренческих и политических ориентаций. Талантливый русский философ, блестящий знаток эпохи Просвещения и революционно-демократического движения в России Владимир Федорович Пустарнаков (1934–2001) в конце своей жизни с горечью и болью писал: «*И почему нам, живущим в светском, претендующем на демократичность государстве, нужно уступать нынешним пропагандистам ура-патриотизма, апологетам русской религиозной философии, которые пытаются вычеркнуть из истории отечественной философии “обиженных” в недавнем прошлом славных сынов России, ее настоящих просветителей в любом смысле этого понятия?*»⁵²

О каких настоящих просветителях и их философском наследии ведет речь В. Ф. Пустарнаков? Родоначальником русского Просветительства он называет **В. Г. Белинского**, который доказывал, что спасение России – в успехах цивилизации, просвещения, гуманности, в пробуждении в народе чувства человеческого достоинства, в обеспечении прав и законов, соответствующих здравому смыслу и справедливости, в гарантиях личности, чести и собственности, в сближении сословий между собой и т. д. Расцвет русского Просветительства падает на 40–60-е годы XIX в., когда воспарил гениальная мысль **А. И. Герцена**, **Н. Г. Чернышевского**, **Н. А. Добролюбова**, **Д. И. Писарева**, **Н. П. Огарева**, их соратников и единомышленников. Именно их и пытаются вычеркнуть из российской истории, а если не получается, то представить эти великие имена и их философское, литературное наследие в окарикатуренном, отталкивающем виде. «*Герцен оказал огромное влияние на русскую, а отчасти и на европейскую культуру, – читаем мы в православном издании под названием “Фома”. – Правда, влияние это было неоднозначным. С одной стороны, Герцен задавал очень высокий, можно даже сказать, преувеличенный этический (он же и аксиологический. – В. С.) стандарт, с другой – его влияние оказалось в итоге разрушительным. <...> Созданное им сочетание этического радикализма и атеизма оказалось в русской истории не только очень живучим, но и крайне разрушительным. Все произошло по хрестоматийной фразе Ленина: “Декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию”*»⁵³ (выделено мной. – В. С.).

В этом неприятии не только Герцена, который «сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»⁵⁴, но и всех революционных демократов (Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и др.) ура- и монарх-опатриоты из православного стана удивительно единодушны с ультралибералами. Расходясь во множестве частных взглядов на сущее, в том числе и в определении приоритетности ценностей, они единодушны в своем антикоммунизме. Православный «Фома» хулит Герцена, а воинствующий либерал Ю. С. Пивоваров (академик, директор Института научной информации по общественным наукам РАН) с нескрываемым удовольствием «опускает» Чернышевского, называя его «*серьезно-скучно-тупым*» и «*похотливым*». При этом признает, что «*ныне стало модным надсмехательство над Николаем Гавриловичем*»...⁵⁵ Надсмехательство, откровенное зубоскальство российских «рыцарей языкоблудия» – это проявление их бешеной «контрреволюционности» (Ленин), которая поистине не знает границ. Как сообщили СМИ,

⁵² См. Пустарнаков В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002, с. 236.

⁵³ Как вера в социализм заменила религию. // Журнал «Фома», май 2012, с. 74.

⁵⁴ Ленин В. И. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

⁵⁵ Пивоваров Ю. С. Два века русской мысли. М., 2006, с. 110.

Дом-музей Н. Г. Чернышевского, основанный в 1918 г. его сыном Михаилом, а с 1920 г. декретом В. И. Ленина объявленный национальным достоянием, под угрозой уничтожения. Праправнуку великого мыслителя Павлу Васильевичу Чернышевскому, живущему на территории старинной усадьбы, известный саратовский предприниматель (В. Кайнов) заявил: *«Вот тут я хочу построить дом, а твою халупу ломаю»*. В ответ на отказ принять «отступные» пошли угрозы...⁵⁶

Либералы и монархопатриоты ненавидят русских революционных демократов прежде всего за социальное содержание и социалистические тенденции их мироощущения и миропонимания, за литературные, научные и публицистические труды, «до краев» наполненные социалистической проблематикой. **Исходная ценностно-смысловая установка революционных демократов – найти новую общественную форму свободного объединения людей, коренным образом отличную от принудительного их объединения в рамках феодально-средневекового строя, но в то же время и отличную от форм, предлагаемых индивидуалистически ориентированными буржуазными идеологами, предпочтение революционерами общего блага, общего интереса сравнительно с благом, интересом частным – не могли не вести к появлению идеи социализма.** **«Идея социализма, – писал В. Г. Белинский, – стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию»**⁵⁷. Такой идея социализма была и для А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. В. Петрашевского, Н. Г. Чернышевского, их друзей и единомышленников.

В наши дни, когда буржуазная контрреволюция стала реальностью, а реставрация капитализма идет вширь и вглубь, их либеральные апологеты стремятся представить социализм в СССР явлением случайным, не имеющим исторических корней и предшественников. Это словно им 15 ноября 1864 года, то есть 150 лет тому назад, А. И. Герцен отвечал: *«Социалист я не со вчерашнего дня. <...> Не мы перенесли на народ русский свой идеал, и потом, как это бывает с увлекающимися людьми, сами же стали им восхищаться, как находкой. Мы просто встретились. События последних годов и вопросы, возбужденные крестьянским делом, открыли глаза и уши слепым и глухим. С тех пор, как огромная северная лавина двинулась и пошла, что б ни делалось, даже самого противоположного в России, она идет от одного социального вопроса к другому»*⁵⁸. А вопросы той давней, царской, эпохи, как и нашей теперь, контрреволюционной, криминально-капиталистической, хорошо известны: **«Кому на Руси жить хорошо?»**; **«Кто виноват?»**; **«Что делать?»**...

Эти социальные вопросы, шедшие и идущие из глубины народной толщи, определяли ценностно-оценочное содержание философской, исторической, политической, аксиологической мысли революционных демократов XIX века. Вот некоторые из их выводов:

- всемирная история – это процесс «очеловечивания» племен и народов, накопления в них «человеческого», общего всем людям, изживания «звериного и безобразного», процесс реализации «всегда присущей человеческой натуре возможности очеловечиться» (Белинский);
- «понятие о *прогессе* как источнике и цели исторического движения, производящего и рождающего события должно быть прямым и непосредственным выводом из воззрения на народ и человечество как идеальные личности» (он же);

⁵⁶ Светлова Е. Что делать праправнуку Чернышевского? // Газета «Московский комсомолец», № 220 (26.352), 7 октября 2013, с. 6.

⁵⁷ Цит. по: Утопический социализм в России. Хрестоматия. Под общ. ред. А. И. Володиной. М., 1985, с. 92.

⁵⁸ Герцен А. И. Письма к противнику. Письмо первое. // Герцен А. И. Избранные публицистические произведения. 1853–1869 годов. Собр. соч., в восьми томах. Том 8. М., 1975, с. 278.

- «благо человека есть общая норма для оценки всех фактов общественной и нравственной жизни, общий принцип всех нравственных и общественных наук» (Чернышевский);
- «во всем чувственном мире человек самое высшее существо; потому человеческая личность есть высшая красота в мире, доступном нашим чувствам, и все другие степени, существующие в нем, имеют значение прекрасного в той степени, в какой намекают на человека и напоминают о человеке» (он же);
- «экономическая история движется к развитию принципа товарищества» (он же);
- «Мы просто люди, глубоко убежденные, что нынешние государственные формы России никуда негодны, – и от души предпочитаем путь мирного, человеческого развития пути развития кровавого» (Герцен);
- «к топору, к этому последнему доводу, мы не будем звать до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора» (он же).

Этих великих сынов России и их великое наследие, говоря словами В. Ф. Пустарнакова, и пытаются вычеркнуть из отечественной истории, культуры, философской и аксиологической мысли ура-патриоты и ультралибералы – тут они союзники. Союзники эти два крыла современного антикоммунизма и в отношении другого периода российской общественной мысли – рубежа XIX–XX вв. Умалчивая или откровенно фальсифицируя подлинные исторические факты и события, приписывая своим идейным оппонентам самые античеловеческие качества, похоронщики истории преследуют прежнюю цель: никакой почвы для социализма в России якобы не было, а его ценностно-гуманистическая направленность не более чем миф... В это историческое время, насыщенное крупнейшими социально-экономическими и политическими событиями, особенно активно разрабатывалась аксиологическая проблематика (в частности, авторами либерально-буржуазного сборника статей «Вехи», некоторыми представителями православных кругов), осуществлялись переводы работ зарубежных авторов. Среди них брошюры профессора Высшей нормальной школы Л. Олле-Лапрюна «Ценность жизни» (1898, г. Харьков); священника М. И. Слущкого «Смысл жизни человека (по произведениям Андреева, Сологуба, Горького, Метерлинка) и решение его в Христианстве» (1910, Харьков); А. Д. Ксенополя «Понятие «ценности» в истории». Перевод с французского (1912, Киев); Ю. Вейденгаммера «О сущности ценности (социологический набросок)» (1911, СПб.); В. О. Баранова «Ценность жизни и основные начала миропонимания» (1911, СПб.); Г. Риккерта «Ценности жизни и культурные ценности». Перевод с немецкого (1913, М.); Д. И. Малеева «Идеальные ценности» (1906, Саратов); Е. Трубецкого «Смысл жизни» (1917, М.) и др.

Эти работы выходили в тот исторический период, который теперь принято называть «серебряным веком» по аналогии с пушкинским периодом (20–40-е годы XIX века) – «золотым веком». Конец XIX – начало XX века именно литературоведами, а вслед за ними философами были названы «серебряным веком» на основании того, что в эти годы поэзия в стране переживала пору своего творческого развития, а вместе с нею изобразительное искусство, театр, архитектура. В наши дни термину «серебряный век» придан расширительный и во многом превратный смысл. Он теперь либеральными философами, социологами, культурологами – апологетами дикого капитализма – преподносится как период не только всеобщего культурного расцвета, но и небывалого, могущественного развития царской России. «Серебряный век» во всех без исключения либеральных изданиях (монографиях, учебниках, статьях, рецензиях, отзывах) противопоставляется советской культуре и советской стране в целом. Этот спекулятивный прием является одним из самых излюбленных и наиболее распространенных антикоммунистических действий либеральных реставраторов капитализма в современной России. «Большевистский переворот», не уставая твердят либералы, монархисты, православные патриоты, дескать, прервал могучую поступь России и отбросил ее на обочину цивилизации, лишил общечеловеческих ценностей.

Между тем рубеж веков – один из сложнейших и самых противоречивых периодов в социальном и аксиологическом развитии России. В стране быстро развивался капитализм: происходила капиталистическая индустриализация экономики, распространение машинного производства и товарно-денежных отношений, возрастала роль городов (урбанизация страны) в общественно-хозяйственной и культурной жизни России. Вместе с развитием капитализма в России быстро рос класс буржуазии, появлялся новый слой финансовой олигархии. Происходило разорение крестьянства, за счет которого увеличивался городской пролетариат. Происходило формирование рабочего нового типа – *потомственного пролетария*. Большинство из них относились к наиболее бесправным слоям населения: только 25 % рабочих жили в своих домах, 31 % снимали жилье у частных лиц, 44 % – пользовались фабричными помещениями (казармы, описанные М. Горьким в повести «Детство», – образ этих жилищ). Среди рабочих, как и среди беднейшего крестьянства, нарастало недовольство своим положением, которое в конце концов выливалось в открытые выступления против власти.

«Серебряный век», как сложное противоречивое время в российском обществе, отличался своими ценностно-смысловыми характеристиками, многие из которых носили полярный характер:

- общим знаменателем мировоззренческих (идейных, политических, социально-экономических), ценностно-культурных (нравственных, этических, эстетических, религиозных) устремлений этого «века» стало **нарастание общего кризиса** российского общества, концентрированное проявление **переходного характера эпохи**, когда безвозвратно уходят в прошлое не только прежние формы быта, труда, политической организации общества, но одновременно **радикальной ломке подвергается и вся система духовных ценностей и ориентиров**;

- в обществе резко проявляется **неприятие растущего капитализма** и его идеологии – либерализма. Даже христианские философы отвергали капитализм, «основанный на эксплуатации труда, классовых антагонизмах, контрастах богатства и бедности», и называли его «человеконенавистничеством» (С. Н. Булгаков)⁵⁹. И наоборот, в России происходило **повсеместное увлечение идеями социализма**. Г. П. Федотов, как и другие мыслители России (М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев и др.), говорили о повальном увлечении социализмом российской интеллигенции, не только нерелигиозной, но и религиозной тоже – вообще вся русская общественная мысль «испытывала огромное и все возрастающее влияние социализма»⁶⁰;

- **страх перед новой пугачевщиной**, «грядущим Хамом» (Д. С. Мережковский) – русской революцией, которая приближалась, может «оказаться судом не только над политикой и деятелями старого режима, но и над частью русского интеллигентского общества» (Н. А. Бердяев);

- **снижение интереса к социальным проблемам** в литературе, искусстве, религиозной философии и, наоборот, возрастание тяги к миру индивидуальному, личностному, «внутреннему» самоощущению человека в условиях нарастающей грозы революции;

- **рост мистицизма, оккультизма, религиозных увлечений**, настроения богоискательства и богостроительства среди широких кругов интеллигенции;

- **рост декадентства** как особого типа мироощущения, наполненного, с одной стороны, желанием вырвать Россию из состояния провинциальности, отсталости, а с другой – настроениями отчаяния, бессилия, душевной усталости, эстетизацией угасания и гибели.

⁵⁹ Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991, с. 60.

⁶⁰ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 1. СПб., 1991, с. 147, 346.

«Серебряный век» в России ознаменовался таким совершенно новым ценностно-смысловым явлением, которое вошло в историю под именами *«ленинизм»* и *«большевизм»* (что в принципиальном смысле – одно и то же!). Насколько же прав М. С. Каган в своем утверждении, что «теории ценности не было у В. И. Ленина»? Если иметь в виду, что Ленин не работал на университетской кафедре и не писал учебных пособий по аксиологии, то действительно ее у него не было, да и не могло быть. Он был великим революционером и гениальным теоретиком-обществоведом: вся его многогранная революционно-практическая интеллектуально-теоретическая деятельность была пронизана ценностным смыслом и отношением к происходящему. Ленинизм от начала, истоков и до самой последней мысли великого сына русского народа – это гуманизм, активный, борющийся, созидательный. Ленинские идеи проникнуты заботой о человеке как высшей ценности, стремлением улучшить жизнь рабочих и крестьян, освободить их от физического и духовного угнетения. В поле зрения великого гуманиста находились совершенно конкретные вопросы: улучшение питания людей, обеспечение их одеждой, жильем, врачебной помощью, приобщение к культуре.

Анализируя социальные процессы в России и мире, вскрывая идейную, политическую, классовую сущность буржуазных и оппортунистических идеологов, В. И. Ленин одновременно показывал присущие им ценностные ориентации. Так, говоря о «духе вековщины», он очень точно указывал на ее эмоционально-ценностное отношение к действительности – уныние, мракобесие, юродство, отрешенный экстаз и др., – на реакционную позицию и роль в условиях нарастающей революции в России. Ленинизм, а вместе с ним и большевизм как политическое течение, в теоретическом, социально-практическом, нравственном, психологическом отношении изначально противопоставил себя ценностно-смысловым установкам либерализма. И вот, как говорил Н. А. Бердяев, *«в судьбе России и русской революции»* произошел *«самый большой парадокс»*: *«либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным традициям и русским исканиям универсальной социальной правды»*⁶¹. А это есть проявление высшей социальной ценности как в теоретическом, так и в практическом смысле слова.

Ленинизм, ставший близким исконным русским исканиям **СОЦИАЛЬНОЙ ПРАВДЫ – РАВЕНСТВА и СПРАВЕДЛИВОСТИ**, – теоретически, интеллектуально подготовил революцию и стал научным – ценностно-смысловым – руководством для революционных масс, а Великая Октябрьская социалистическая революция воплотила в действительность основные положения ленинизма, открыла новую эру в истории человечества – эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. А это значит, что произошел и будет дальше происходить переворот в человеческих отношениях, во всей системе классовых и общечеловеческих ценностей.

Против Ленина и его учения, против большевиков и большевизма велась и ведется бешеная война с использованием всех самых жестоких и низменных средств и приемов. Мы оставляем за скобками аресты, ссылки, каторги, постоянные преследования полиции, расстрелы, тайные убийства. Не менее ожесточенная борьба велась на идеологическом, теоретическом, мировоззренческом направлении. Все, что появлялось социалистического, антимонархического, антиклерикального, преследовалось и государством и церковью. Последняя внесла заметный вклад в борьбу с идеей социальной правды и ее носителями. ... В феврале 1901 года Святейший синод Русской православной церкви принял решение об отпадении (отлучении) Льва Николаевича Толстого от церкви. Таким образом, в перечень отлученных, преданных анафеме «еретиков» к именам Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева и

⁶¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 94–95.

других отвергнутых церковью лиц Синод прибавил имя прославленного писателя, которого во всем мире называли славой и гордостью России. За что же был наказан писатель? За многое, в том числе за то, что в книге «В чем моя вера?» Л. Н. Толстой сказал о враждебности церкви социальной справедливости и правде жизни. Ей враждебно, писал он, *«все то, чем истинно живет теперь мир: социализм и коммунизм, политико-экономические теории, утилитаризм, свобода и равенство людей и сословий и женщин, все нравственные понятия людей, святость труда, святость разума, науки, искусства...»*⁶².

Святейший синод не простил великому мыслителю этой позиции и отлучил его от церкви. Но когда писатель ушел из жизни, в правительственных газетах стали «лить крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к “великому писателю” и в то же время защищать синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой “раскаялся”» (В. И. Ленин)⁶³.

Последовательно и со смыслом в царской России травили другого великого русского писателя – А. М. Горького. Несмотря на протесты выдающихся ученых (математика, академика А. А. Маркова и др.), царское правительство отказалось утвердить избрание Горького почетным членом Академии наук. Упомянутый уже М. И. Слущкий в «Смысле жизни человека» философию М. Горького называет «убогой», поскольку «большинство его героев отвергли Бога и всякую христианскую нравственность», характеризует их «угрюмыми головорезами, которые ни Бога не боятся, ни людей не стыдятся. личная выгода и свобода, личный произвол и разгул всех диких страстей – вот тот идеал, который воодушевляет их на грубые подвиги»⁶⁴.

Обратим внимание, что эти оценочные категории священника Слущкого появились в 1910 году, когда уже читатель увидел горьковские «Очерки и рассказы» (1898–1899), в которых выведены романтические образы свободолюбивых людей («Старуха Изергиль». «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике»), в аллегорической форме звучат призывы к революционному подвигу. В великом романе «Мать» (1906–1907), пьесе «Враги» (1906) перед российской общественностью предстают замечательные образы пролетарских революционеров. «Мать» – книга необычайной судьбы: она сразу получила невиданно широкое распространение. Трудно назвать такую страну на земном шаре, где не было бы издано это произведение. Немногие художественные произведения за всю историю мировой литературы имели такое огромное количество читателей и так сильно и непосредственно влияли на миллионы человеческих судеб.

В «Матери» рассказано не просто о революционной борьбе, а о том, как в процессе этой борьбы, в ее очистительном пламени, внутренне преобразуется человек массы, переживая свое «второе рождение». Это второе – духовное, ценностно-смысловое – рождение особенно замечательно и поучительно у такого человека, как Ниловна. Ведь ей приходится освобождаться из-под нескольких пластов ценностей старого, эксплуататорского, буржуазно-помещичьего общества – классовых, семейно-бытовых, духовных, – она не только человек угнетаемой, бесправной массы, но еще женщина, изначально находящаяся под властью религии и всей системы патриархальных отношений. Хотя Ниловне сорок лет, она уже давно чувствует себя старухой, ибо не пережила по-настоящему ни детства, ни юности, не испытала радости «узнавания» мира. Все это приходит к ней, в сущности, лишь после сорока лет, когда для нее впервые начинают открываться смысл и красота мира, смысл собственной жизни. В той или иной форме такое духовное, человеческое «выпрямление» переживают многие другие герои романа «Мать», в том числе сын Ниловны Павел Власов.

⁶² Цит. по: С. Позойский. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М., 1979, с. 3.

⁶³ Ленин В. И. Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 20, с. 22.

⁶⁴ Слущкий М. И. Смысл жизни человека. Харьков, 1910, с. 24.

В переломную эпоху «серебряного века» М. Горький художественными средствами дал ответ на самые главные ценностные вопросы: *«В чем смысл жизни человека?»*; *«Как изнутри очистить человека?»* и т. п. Воспев очистительное пламя революционной борьбы, раскрыв подлинно общечеловеческий смысл идей социализма, несущих в себе начала не только нового общественного строя, но и совершенно новых нравственных отношений, нового морального «кодекса», великий советский писатель утверждал новую систему ценностных отношений – гуманистическую, человекосозидательную. Ставя в романе «Мать» проблему подлинного и мнимого гуманизма, М. Горький не только опровергал призывы к непротивлению и всепрощению, но и разоблачал попытки приписать революции и революционерам отказ от гуманизма. В то время как буржуазные литераторы, философы (вспомним «Вехи» – «энциклопедию либерального ренегатства») разных течений и оттенков, от черносотенного до анархистского, от православного до либерального, изошрялись в придумывании характеров и ситуаций, призванных доказать, что революционная борьба разжигает в человеке темные инстинкты и будит в нем зверя, – роман «Мать» показывал эту борьбу как единственное средство очистить человека от всего звериного, животного, узко эгоистического и сделать его **ЧЕЛОВЕКОМ**, чтобы имя его звучало гордо. Роман показывал, что если революционная борьба приобретает нередко суровые формы, то виноваты в этом те, кто идет на все, на любое насилие, на любые преступления – лишь бы остановить ход истории.

Вот почему священник Слуцкий в 1910 г. Ниловну и других персонажей романа «Мать» называет «угрюмыми головорезами», а либеральный критик М. Бродский в 2012 г. заявляет, что с «книжных страниц советских писателей глядели муляжи»⁶⁵. Оболганный в царской и выброшенный из образовательной системы ельцинско-путинской России роман «Мать» не канул в неизвестность, как того хотели бы либеральные защитники «общечеловеческих ценностей». **Великое произведение, появившееся на свет свыше ста лет назад, читается во многих странах мира, а его классовые, социалистические ценности принимаются и разделяются людьми разных национальностей.** Недавно еженедельник «Техелка», издающийся в Нью-Дели (Индия), опросил видных политических деятелей страны (министров, парламентариев, руководителей различных политических партий): каков круг их чтения, произведения каких писателей повлияли на их мировоззрение. Опрошенные политики, как выяснилось, читают много. Среди названных писателей немало русских – Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, А. М. Горький, М. А. Шолохов и др. «У нас почему-то принято считать, что роман “Мать” устарел, – пишет Н. Листопадов, генеральный консул России в Южной Индии. – **Индийских же читателей в нем привлекает образ простой женщины, которая от приниженности, забитости и бесправия поднялась до осознания чувства собственного достоинства, проделала путь от беспросветности и безысходности до осмысленной деятельности.** В романе “Мать” им также импонирует актуальная не только для Индии тема борьбы людей за свои права, прежде всего за право на достойную жизнь. Упоминают индийские политики и роман Н. Островского “Как закалялась сталь” в качестве книги с сильным нравственным зарядом»⁶⁶ (выделено мной. – В. С.).

Так продолжает жить великая советская социалистическая литература, обогащая мировую культуру и цивилизацию своими непреходящими ценностями. Н. Листопадов сообщает нам и о другом знаменательном факте из жизни современной Индии: *«Читали и читают индийцы и Ленина, причем не только коммунисты. Один из лидеров коммунистического движения в штате Чаттисгарх, 46-летний Маниш Кунджам сказал, что биогра-*

⁶⁵ Бродский Михаил. В четвертой семье. Обыкновенная жизнь на фоне исчезнувшей природы. // «Новый мир», 2012, № 9, с. 142.

⁶⁶ См.: Николай Листопадов, генеральный консул России в Южной Индии. Дед Шукарь гуторит по-тамильски. // «Литературная газета», № 39 (6432) 2–8 октября 2013, с. 5.

фия Ленина, прочитанная им в девятом классе, полностью изменила его жизнь. Ленинские идеи об искоренении неравенства, эксплуатации, нищеты определили мировоззрение этого политика. названные проблемы остро стоят в Индии и сейчас» (Там же).

Приведенные факты из истории и современной действительности в очередной раз подтверждают марксистский вывод о том, что переход от одной системы ценностей к другой есть не что иное, как **процесс перехода самого общества из одного состояния в другое, от низшей формы к высшей. Но этот переход происходит не стихийно, а при самой активной и непосредственной роли людей, в широком смысле – народных масс. Всякие фундаментальные преобразования становятся возможными и наиболее успешными, когда ценностные регуляторы превращаются в достояние общественного сознания. Все ценности воплощаются в интересы, потребности людей и выступают мощной движущей силой.** Не случайно выдающийся французский философ-материалист Клод Адриан Гельвеций, сыгравший большую роль в идейной подготовке Великой французской революции, определил «интерес» в качестве *«всесильного волшебника»*. Великий Гегель считал, что рассмотрение истории убеждает нас в том, что *«действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов»* и *«лишь они играют главную роль»*.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин вскрыли классовую, экономическую природу ИНТЕРЕСА людей, как концентрированное воплощение ценностных ориентаций, и показали тем самым весь исторический механизм их действия. *«Экономические отношения каждого данного типа общества проявляются как интересы»*⁶⁷. Но экономические отношения не исчерпывают всего содержания, богатства и многообразия социальных интересов и, следовательно, многообразия ценностей. Социальные интересы в действительности проявляются как интересы экономические и политические; материальные и духовные; национальные, государственные и партийные; нравственные, религиозные, научные; прогрессивные и реакционные; общественные, групповые и индивидуальные.

И чтобы проникнуть в суть различных человеческих ценностей, возникающих в разное время и в различных обстоятельствах, понять смысл и направленность многих ценностных теорий, концепций и взглядов, надо выявить наличие (присутствие) интереса или всего общества, или того или иного класса, или отдельной социальной группы, или, наконец, того или иного индивида. Это – аксиома всякого аксиологического анализа, если он претендует на роль научного знания.

⁶⁷ Энгельс Ф. К жилищному вопросу. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 271.

Глава третья. Аксиологизация общественного сознания: субъективное выражение объективного процесса отрицания и самоотрицания капитализма

Всего какие-то четверть века тому назад аксиологию называли «на редкость скучным разделом западной философии»⁶⁸, интересным лишь для узких специалистов. Сегодня к ней обращены взоры ученых, представляющих различные отрасли знания, деятелей литературы и искусства, политиков, журналистов и, самое примечательное, многих людей «из толпы»... Буквально на наших глазах вопрос о ценностях, ценностных ориентирах стал центральным в общественных дискуссиях как в масштабах всей мировой цивилизации, так и в пределах «постсоветского пространства», на котором идет реставрация капитализма. Сама аксиология из «скучного раздела философии» «к настоящему времени утвердилась как особая область знания не только в западной, но и постсоветской традиции. Более того, современная аксиология выходит на новый этап своего развития... как средства конструирования и освоения новых возможных человеческих миров. ...Аксиология поворачивает философское и социогуманитарное познание к анализу феноменов личности и индивидуальности, “человеческого в человеке”, смыслом и оправданию человеческого бытия, его идеалам и императивам»⁶⁹.

Такой повышенный, можно даже сказать, завышенный интерес к аксиологии совсем не случаен. Ведь проблема ценности в своей глубинной сущности – это в действительности проблема отношения субъекта (человека, класса, нации, народов) к объективным материальным и духовным результатам человеческого труда, способам распределения национального богатства между членами общества, накоп, принципам устройства и функционирования данного социального организма. Если в этом организме происходят сбои, если люди не удовлетворены его «работой», то рано или поздно может возникнуть вопрос о его ценностно-смысловых основаниях. Именно это и вынуждены, одни прямо, другие – робко, косвенно, признавать представители и западной аксиологической мысли, и, что особенно показательно, российские либеральные философы, социологи, политологи, культурологи и др. «Мы живем в ожидании катастрофы, – писал еще в середине XX в. голландский историк профессор Йохан Хейзинга. – Повсюду царит сомнение в прочности общественного устройства, внутри которого мы живем, неясный страх перед ближайшим будущим, ощущение упадка культуры и грозящей человечеству гибели. Это не одни кошмары, что посещают нас в ночную пору, когда бездействует разум и огонек жизни только теплится. Это и трезвые ожидания, взвешенные на весах наблюдения и здравого смысла»⁷⁰. Такова была оценка одним из самых думающих людей мира капитализма. «Или будет спасен весь мир, или погибнет вся цивилизация» – неоднократно говорил Генеральный секретарь конференции ООН по окружающей среде и развитию Морис Стронг. К этому порогу подвел мировую цивилизацию капитализм, функционирующий на идеологии сверхпотребления и богатства.

В этих условиях и происходит невиданная ранее аксиологизация общественного сознания, как теоретического, так и массового (обыденного). «Повышение интереса к проблеме изучения ценностей происходит в период ценностных кризисов, ломки сложившейся системы и поиска новых культурных оснований и ориентаций существования человека», – читаем мы в

⁶⁸ Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995, с. 299.

⁶⁹ Абушенко В. Л. Аксиология. // Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. М. – Минск, 2002, с. 23.

⁷⁰ Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992, с. 245.

энциклопедии «Культурология. XX век»⁷¹. Эта мысль так или иначе проходит через многие другие российские и зарубежные публикации. Современный немецкий социолог Ханс Йоас пишет о том, что *«утрата ценностей всегда воспринимается как симптом некоего кризиса. Явления, для объяснения которых в общественной дискуссии был выдвинут тезис об утрате ценностей, всеми без исключения оцениваются негативно. <...> Исследования в области социальных наук дают основания предполагать, что к разложению ценностей ведут определенные процессы в обществе. Однако по вопросу о том, что это за процессы, опять-таки не существует единого мнения. Одни ученые обращают внимание на негативное влияние рыночной экономики и капитализма, в то время как другие видят причину в пермиссивном⁷² воспитании, отсутствии положительных примеров и боязни родителей требовать от детей дисциплины»*⁷³.

Такое расхождение в постановке аксиологического «диагноза» западному обществу не случайно. Здесь мы сталкиваемся, с одной стороны, с робкой попыткой материалистического объяснения «разложения, утраты ценностей» капитализмом, а с другой – с явным идеализмом, проявляющимся в стремлении свести дело к пермиссивному воспитанию, то есть сознанию. Буржуазная общественность, ведущая дискуссии о девальвации собственных ценностей, *«с жадностью впитывающая все, что могут предложить ей социальные науки в связи с проблемой изменения и утраты ценностей»* капитализмом, весьма разочарована. И это разочарование объяснимо: *«когда речь заходит о преодолении этой проблемы, – говорит все тот же Ханс Йоас, – общественность не получает от науки никакой поддержки. Если принцип свободы наук от ценностей означает, что науки могут лишь диагностировать болезни, но не могут заниматься их лечением, то разочарование неизбежно. С другой стороны, воздержание ученых (а зачастую даже философов) от ценностных высказываний оставляет пространство – или рыночную нишу – для поверхностных обобщений или даже для стратегического использования этой неудовлетворенной потребности общественности»*⁷⁴ (выделено мной. – В. С.).

Современная буржуазная наука не случайно занимает позицию стороннего наблюдателя: сказать правду – значит публично признать, что капитализм охвачен системным кризисом, а утрата им ценностей – это лишь «верхушка айсберга, ибо неизлечимой болезнью охвачен весь социальный организм (экономика, политика, культура). Не говорить ничего – значит обнужить свою полную несостоятельность, что сродни хронической импотенции. Вот и приходится заполнять интеллектуальную нишу публицистическими публикациями на тему ценностей, начиная с книги *«Честный – значит дурак»* и заканчивая книгами *«Ценности превыше всего»* и *«Маленький трактат о больших ценностях»*. Ситуация продолжает обостряться, и в дело вступают политики. В политической риторике на Западе ценности «играют немаловажную роль». Но эти аксиологические игры носят конъюнктурный характер: ибо «роль нередко сводится к тому, чтобы оспорить моральные качества противника и подчеркнуть благонадежность собственного стиля руководства. И тогда, – говорит Ханс Йоас, – вместо концептуальных политических споров (т. е. по существу дела! – В. С.), в том числе на тему ценностей, мы наблюдаем бесконечную череду инсценированных скандалов. **Такая ситуация может породить циничное отношение избирателей ко всем политикам “как к классу”, а недовольство политиками может вылиться в неудовлетворенность политикой в целом»**⁷⁵ (выделено мной. – В. С.).

⁷¹ Быховская И. М. Аксиология. // Культурология. XX век. Энциклопедия. Том первый. М., 1998, с. 19.

⁷² Пермиссивное (от англ. permission – разрешение, позволение) воспитание в семье характеризуется отсутствием каких-либо жестких запретов детям со стороны родителей.

⁷³ См.: Йоас Ханс. Возникновение ценностей. Перевод с немецкого. СПб., 2013, с. 13.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ См.: Йоас Ханс. Возникновение ценностей. Перевод с немецкого. СПб., 2013, с. 13–14.

Как видим, и со стороны политического истеблишмента буржуазного общества не слышится радикальных предложений по спасению ценностей капитализма, приданию ему «второго дыхания»... Наоборот, кризисные явления, возникшие еще свыше ста лет тому назад, продолжают развиваться. **Основопологающие ценности превращаются в свою противоположность: индивидуализм перерастает в эгоизм и эгоцентризм, сам человек превратился в товар и рассматривает свою жизнь как капитал, который следует выгодно вложить. Если он в этом преуспел, то жизнь его имеет смысл, если нет – он неудачник. Его ценность определяется спросом, а не его человеческими достоинствами (Э. Фромм).** В условиях империализма рушится мораль. Общезначимые моральные ценности перестают существовать, уступая место дифференцированным нормам морали для отдельных субкультурных общностей: хиппи, тинейджеров, бизнесменов, преступников и т. д. Гомосексуалисты, лесбиянки и всякого рода половые извращенцы – самые известные люди в буржуазном истеблишменте. *«Секс становится публичным зрелищем, половой акт совершается на глазах публики...» (И. Кристол).*

В домонополистическую эпоху капитализм развивался по восходящей линии. В эпоху империализма капитализм эволюционирует по нисходящей линии, он вступает в этап своего общего кризиса. **Внутри буржуазного общества неумолимо, властно развивается процесс его самоотрицания. И хотя буржуазное государство, обладающее относительной самостоятельностью, активно вмешивается во все процессы капиталистического организма, осуществляет всякого рода мероприятия – от «пожарных» до стратегически долговременных – преодолеть кризисные явления не удастся, стабилизации системы не получается.** Все внутри капитализма говорит о неизбежности социализма. *«Я думаю, – сообщает нам Терри Иглтон, литературовед и автор книги “Маркс был прав”, – что капиталистическое общество естественным образом агностическое⁷⁶, но оно не может признать в этом даже самому себе, так как ему нужны фундаментальные ценности, особенно в периоды кризиса»⁷⁷.*

Ответ весьма примечателен. **Во-первых,** очередное (их сегодня сотни, если не тысячи!) признание в том, что капитализму нужны «новые фундаментальные ценности» – прежние, буржуазные уже не работают. *«...Мы испытываем потребность в новом теоретическом конструкте “общих ценностей”»⁷⁸,* – вторит итальянский политический философ и социалист Антонио Негри. Но где искать этот конструкт новых ценностей? Словно отвечая итальянскому исследователю, немецкий социолог Ханс Йоас пишет, что *«ведущие интеллектуалы США выступили с идеей о том, что необходимо возродить коллективные ценности и защитить их от наступающего индивидуализма во всех его формах», «...что такие коммунитарные ценности могут служить основой в том числе для выдвижения политических целей...»⁷⁹* (выделено мной. – В. С.). Заявление более чем красноречиво: с одной стороны, это прямое признание приоритета ценностей социалистических, а с другой – проявление концепции **альтернативизма** как формы отрицания капитализма, хотя и слегка закамуфлированной.

Во-вторых, перед нами также примечательное признание буржуазного общества в *агностицизме*, иначе говоря, в неспособности его интеллектуальной и политической элиты к социопознанию и, следовательно, рациональному пониманию исторического хода событий. Иллюзорность, интуитивизм, иррационализм – отличительные свойства современной буржуазной философской, исторической и политической мысли. Они пронизывают и всю политику правя-

⁷⁶ **Агностицизм** (от греч. agnostos – недоступный познанию) – философское учение, согласно которому не может быть окончательно решен вопрос об истинности познания окружающей человека действительности.

⁷⁷ Иглтон Терри. Когда я пишу о том, почему Маркс был прав, я вовсе не имею в виду, что он был прав во всем. // Интервью журналу «The Prime Russian Magazine» (Первый Русский Журнал), № 5 (20), сентябрь-октябрь 2013, с. 28.

⁷⁸ Там же в журнале, с. 3.

⁷⁹ Йоас Ханс. Возникновение ценностей. СПб., 2013, с. 14.

щих кругов капиталистических государств. Другой итальянский философ и футуролог Франко Берарди с нескрываемой иронией говорит: «Американский философ Фрэнсис Фукуяма после 1989 года заявил, что история окончена и теперь наступит эпоха вечного мира, а также демократических и либеральных ценностей. Эта иллюзия просуществовала полгода; вскоре началась война в Заливе, за которой последовали события в Югославии. В ошибочном предположении Фукуямы заключается важный знак для последующих размышлений. <...> Сейчас мы живем в контексте истории, страдающей явным раздвоением личности: ее патология заключается в том, что она направлена против человечества, представляет собой насилие над естественным ходом вещей»...⁸⁰

О каких войнах говорит Франко Берарди? У кого произошло раздвоение личностного сознания и кто осуществляет насилие над человечеством? Во всех перечисленных случаях имеется в виду один и тот же исторический субъект (персонаж): современный капитализм в стадии империализма. А «паровозом» (термин из либерально-уголовного жаргона) является североамериканский империализм – то есть США. Это он половину столетия организует блокаду Кубы, ведет войны по всему миру: во Вьетнаме, Афганистане, разбомбил Югославию, Ирак, Ливию, уничтожает Сирию, грозит КНДР, Ирану, России. «До тех пор пока экономика западных стран будет приводиться в движение с помощью нефти, зона Персидского залива и ее ресурсы останутся жизненно важным интересом Запада. Ближний Восток уже давно является перекрестком, на котором встретились Азия, Африка и Европа. Теперь, когда нефть служит источником жизненной силы современной индустрии, Персидский залив становится нефтяной артерией Запада. <...> Помимо жизненно важных интересов в Персидском заливе, Соединенные Штаты имеют ключевые интересы в других странах «третьего мира». Мы сделали крупную ставку на экономику и природные ресурсы этих стран», – заявлял в конце 90-х годов бывший президент США Ричард Никсон. «Огромную ценность для Запада представляет обширный опыт Великобритании в ее бывших колониях» (выделено мной. – В. С.) – подчеркивал он⁸¹. То, что устами Никсона и сегодня говорит весь империалистический истеблишмент США, можно не сомневаться. От президентства Никсона и до президентства Обамы – временная дистанция в несколько десятилетий, но «раздвоенность» сознания прежняя, а насилие над человечеством и самой историей от американского империализма только нарастает. Лауреат Нобелевской премии мира Обама ведет войны в Афганистане, Сирии и планирует новые, при этом не устает говорить о фундаментальных ценностях своей страны, которые безоговорочно должны принять все без исключения народы. «Я считаю Америку исключительной», – заявил Обама в конце сентября 2013 года на сессии Генеральной ассамблеи Организации Объединенных наций.

Вот мы и вернулись к мысли Ханса Йоаса о связи рыночной экономики, которая является фундаментом капитализма, и его самого с процессом разложения человеческих ценностей, приобретшего планетарный характер. Но речь идет не вообще о всех ценностях, а о тех, которыми живет сегодня буржуазный мир: **деньги, богатство, комфорт, наслаждения, секс и т. д.** Российский философ и социолог А. Зиновьев, проживший на Западе 20 лет и изучивший мир капитализма изнутри, охарактеризовал «феномен западнизма»: «Деньги стали (подчеркиваю, стали теперь, а не были такими изначально!) главным регулятором всей основной жизнедеятельности западного общества, основным побудительным мотивом, целью, страстью, заботой, контролером, надсмотрщиком, короче говоря, – их идолом и богом. <...> Индивидуальные ценности, которые восхваляет и пропагандирует

⁸⁰ Берарди Франко. Всеобщий интеллект станет полем великой битвы будущего. Интервью журналу «The Prime Russian Magazine» (Первый Русский Журнал), № 5 (20), сентябрь-октябрь 2013, с. 66–67.

⁸¹ Никсон Р. 1999. Победа без войны. // Сборник материалов буржуазной печати «2000 год: победа без войны или апокалипсис?» Перевод с английского. М., 1989, с. 75, 77.

западная идеология, общеизвестны. Это богатство, власть, слава, мастерство, собственность, комфорт, благополучие, сила, здоровье, удовольствие, предпринимательство, свободы, права и т. д. Оргия прославления их достигла апогея в конце “холодной” войны, когда стали прославлять все то, что в течение веков считалось пороками и наихудшими проявлениями человеческой натуры»⁸².

Диагноз, поставленный русским философом, отнюдь не марксистом⁸³, – это характеристика общего кризиса капитализма как системы, в том числе его духовно-ценностного, идейно-смыслового потенциала. Весь XX век, без какого-либо преувеличения, прошел под знаком кризиса буржуазного общества и его оценок самыми различными мыслителями. Уже с конца XIX века в научный и литературный оборот начали входить такие понятия, как «хаос», «катастрофа», «перепутье», «неравновесие»... К ним добавлялись разнообразные термины: «забвение бытия» (М. Хайдеггер); «конец человека» (Г. Марсель); «поражение западной культуры» (Т. Адорно) и др.

Феномен кризиса буржуазного общества и его ценностей стал все пристальнее осмысливаться писателями, поэтами, философами, историками и другими исследователями. **Франц Кафка (1883–1924)** в своих романах «Процесс», «Замок», «Америка», в рассказах изображал нередко мир как абсурдный, как царство неуловимого, всесильного зла, подавляющего и уничтожающего человека. Современное ему общество – это злое, противоестественное, антиэстетическое общество. Значительное место в духовной жизни Запада занимает творчество **Ж.-П. Сартра** и **А. Камю**. В их произведениях (пьесы Сартра «Мухи», «Дьявол и Господь Бог», романы Камю «Чужой», «Чума», «Миф о Сизифе») поднимаются темы свободы и ответственности, абсурдности бытия, одиночества. Западноевропейские исследователи **Ницше, Шпенглер, Тойнби, Швейцер, Хейзинга, Ясперс, Франкл, Парсонс** и многие другие создали огромную литературу о феномене кризиса буржуазной культуры XX столетия.

Одним из первых увидел и своеобразно отразил это немецкий философ **Фридрих Ницше (1844–1900)**. По его мнению, культура «как бы направляется к катастрофе». Уже в XIX веке произошел упадок духовной жизни в результате борьбы двух начал – аполлонического (критического и рационального) и дионисийского (чувственного, иррационального). Нигилизм как продукт этой борьбы – есть порождение рационалистического, критического мышления. В работе «Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к *Рихарду Вагнеру*» (1872 г.) он говорит об опасности «горько отчаяться в сущности нашего немецкого народа» и о том, что мы можем наблюдать «к нашему ужасу в цивилизованной Франции». Что же вызывает ужас у мыслителя? «...Абстрактное воспитание, абстрактные нравы, абстрактное право, абстрактное государство... Этот лишенный мифа человек, вечно голодный среди всего минувшего и роет и копается в поисках корней, хотя бы ему и приходилось для этого раскапывать отдаленнейшую древность». Зачем роет? А затем, что, по мнению Ницше, «без мифа всякая культура теряет свой здравый творческий характер природной силы».

Говоря об опасностях современной ему Европы, Ницше заявляет, что «культурные классы европейских стран сплошь неврастеничны, и почти каждая более или менее многочисленная семья в лице одного из своих членов приблизилась к безумию», и вообще, «мы, недоноски еще не проявленного будущего». Стремясь предугадать возможный финал развивающихся событий в буржуазной Европе, философ вырисовывает мрачный вопросительный знак

⁸² Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995, с. 108, 299–300.

⁸³ **Зиновьев Александр Александрович** (1922–2006) – русский советский логик, социальный философ, писатель. Знаковая и одна из наиболее эпатажных фигур общественной мысли XX в. Многие годы был неумолимым критиком советского общества, соперничал с марксизмом, отказывая ему в праве называться наукой. «Это учение, – утверждал он, – не отвечает критериям логики и методологии науки», «претензии марксизма на роль научного знания лишены оснований». Возвратившись из эмиграции, где пробыл 20 лет, стал свидетелем уничтожения советского социализма. Выступил на его защиту, заявлял, что советский период был вершиной мировой цивилизации. Налицо драма ученого и человека...

и в конце концов приходит, по сути, к трагическому выводу о том, что *«наступит время, когда на земном шаре будет прыгать последний человек, – совершая свои мелкие дела, – он подобен блохе...»*⁸⁴ («Так говорил Заратустра»). При этом весь критический запал философии Ницше был направлен не против капитализма как такового, а в его защиту, чтобы у него появился *«сверхчеловек»*, *«новый класс аристократов»* и оставались *«рабы»*...

Не менее пессимистический взгляд на буржуазное общество и его культурные ценности выразил другой немецкий мыслитель – **Освальд Шпенглер** (1880–1936).

В 1918 году он выпустил в свет сразу же ставшую сенсацией книгу – *«Закат Европы»*. Уже одно название ее говорило о многом. По выходе произведения в свет Шпенглер пожаловался на рекламный стиль его восприятия: гибель Запада уподоблялась гибели океанского лайнера. Весь шпенглеровский *«Закат Европы»* предстал перед тогдашним читателем сплошными гигантскими вариациями на центральные темы самого Ницше: *«европейский декаданс»*, *«восхождение нигилизма»*, *«воля к власти»*. И не случайно. Ибо, по признанию самого Шпенглера, понятия декаданса, нигилизма, переоценки всех ценностей, воли к власти глубоко коренятся в сущности западной цивилизации и играют прямо-таки решающую роль в ее анализе⁸⁵. Сам автор во «Введении» так определял свою задачу на страницах книги: *«В этой книге впервые делается попытка **предопределить историю. Речь идет о том, чтобы проследить судьбу культуры, именно, единственной культуры, которая нынче на этой планете находится в процессе завершения, западноевропейско-американской культуры, в ее еще не истекших стадиях»***⁸⁶ (выделено мной. – В. С.).

...Прошло 96 лет со дня выхода *«Заката Европы»* О. Шпенглера. А в 2002 году в США появляется книга бывшего кандидата в президенты этой страны Патрика Бьюкенена *«Гибель Запада»*... И уже никакой сенсации, никакого волнения: западное буржуазное общество вошло в иную, более высокую стадию своего развития на основе базисных ценностей. В научной литературе оно получило емкое и весьма точное название – **«общество всеобщего потребления»**, для которого богатство любой ценой – высший смысл жизни и высшая ценность. Но бешеная гонка за благами, по мнению наиболее дальновидных западных исследователей, – верный признак кризисного, *«ненастоящего»*, квазиценностного бытия буржуазного общества XX столетия и, как следствие этого, – нарастающего темпа бездуховной жизни. Ускоряющийся ритм опустошает, обедняет смысл ценностного бытия человека, заменяя истинные, гуманистические ценности суррогатными, иллюзорными. Человек, подвластный материальным потребностям, которым нет ни конца, ни края, – это существо и духовно и даже физически обесчеловеченное. Немецко-американский психолог и социолог (представитель неофрейдизма) Эрих Фромм, ставя свой диагноз буржуазному обществу, его ценностям, писал: *«Наша моральная проблема заключается в безразличном отношении человека к самому себе. Последнее видно из того факта, что **мы утратили чувство самооценности и уникальности каждого индивида**, что мы превратили себя в средство, инструмент для достижения каких-то внешних нам целей, что мы и ощущаем себя вещами, и относимся сами к себе как к вещам, что собственные наши силы отчуждаются от нас»*⁸⁷.

И этот процесс не случаен: он детерминирован экономическими, социальными и политическими отношениями капитализма. По Фромму, буржуазное общество – это *«мегамашина»* – полностью организованная и гомогенная система, в которой общество как таковое функционирует подобно машине, а люди – подобно ее частям. *«У современного человека, живущего в индустриальном обществе, изменилась форма и степень идолопоклонства, – делает вывод Эрих*

⁸⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Соч. в двух томах. Том 2. М., 1999, с. 11.

⁸⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993, с. 154.

⁸⁶ Там же, с. 128.

⁸⁷ Фромм Э. Человек для самого себя. В его кн. «Психоанализ и этика». М., 1993, с. 188.

Фромм. – *Он стал объектом слепых экономических сил, управляющих его жизнью. Он поклоняется делу рук своих, он превращает себя в вещь*»⁸⁸. А потому, по словам ученого, в современном буржуазном обществе царит болезнь, которую можно назвать **синдромом отчуждения**. Это общество породило тип человека-потребителя, который бездумно потребляет все, что ему навязывают: сигареты, алкоголь, секс, телевидение, кино, спорт и т. д. По его мнению, отчуждение является следствием «сугубо человеческой ситуации»: человек отделился от природы, его сознание – от бытия, потеряна его внутренняя гармония.

Известный на Западе футуролог **А. Тоффлер**, анализируя феномен отчуждения, в книге *«Футурошок»* писал: *«В капиталистическом мире во всем происходят необычайно быстрые изменения: в производственных технологических процессах, в модах, в стилях жизни. Эти быстрые изменения и являются источником отчуждения, ибо, отдавая им частицу своего “Я”, человек превращается в «выгоревшую свечу»*»⁸⁹. Какие ценности могут быть у «выгоревшей свечи», можно только догадываться...

Так, едва предчувствуемое в XIX в. Шопенгауэром, предельное самоотчуждение человека западного мира в XX столетии стало реальностью. Ощущение этой опасности, многих ее последствий привело к поиску «лекарства», способного излечить от «болезни» самоотчуждения человека как высшей ценности. Так, в 60–70-е годы рождается понятие «самоосуществление» (self-fulfillment), вытеснившее прежнее – «самореализация» (self-realization). Об этом хорошо написано в книге западного социолога Д. Янкеловича *«Новые правила: поиски самоосуществления в мире, перевернутом вверх дном»*⁹⁰.

Социолог придал самоосуществлению роль чуть ли не главного понятия всей буржуазной культуры и стимула ее развития. Буржуазная литература и история и раньше, говорит Янкелович, были полны рассказов о людях, ищущих самоосуществления. Способами его реализации были великие подвиги, деньги, любовь, слава, революция, прелюбодеяния и т. д. Люди всегда стремились к самоосуществлению, подчеркивает Янкелович. Но в прошлом это было уделом отдельных (или немногих) людей, принадлежащих в основном к обеспеченным слоям населения и потому могущих позволить себе роскошь заниматься самими собой. Великий сдвиг в американской жизни и культуре, их ценностно-смысловом ядре, по Янкеловичу, состоит в том, что сегодня в поиски самоосуществления включились миллионы людей, то есть почти половина населения страны. Это стало настолько распространенным явлением в жизни США в конце XX столетия, что послужило основанием для его выделения в разряд ведущей **ценностной ориентации духовной жизни** главной страны западной цивилизации. Но это «самоосуществление» происходит в рамках сложившихся ценностно-смысловых границ и цивилизационных стандартов: *бизнес, коммерческий успех, прибыль, деньги, богатство, положение в обществе.*

Итог неизбежен: десакрализация всех форм бытия человека, ложные ценности образуют унылый ряд быстро сменяющихся кумиров профанного мира⁹¹. Образуется замкнутый круг, внутри которого господствует ощущение фатального движения к концу буржуазных ценностей, а вместе с этим и самого капиталистического общества. Буржуазная общественная, в том числе аксиологическая, мысль, настойчиво ищет выход из создавшегося положения. Она пытается отыскать рецепт лечения болезни всего капиталистического общества, найти новые стимулы для придания буржуазным ценностям если не новой оптимистической парадигмы⁹², то хотя

⁸⁸ Фромм Э. Из плена иллюзий. В его кн. «Душа человека». М., 1992, с. 321.

⁸⁹ Toffler A. Futuroshock. Frankfurt, 1973, s. 256.

⁹⁰ Vankelovich D. New rules: searching for selffulfilment in a world turned upside down. N. V., 1981.

⁹¹ См.: Солонин Ю. Н. Философия культуры: методологическая оценка кризиса культур. // «Вестник ЛГУ». Серия 6, вып. 3 (№ 20), 1991, с. 17.

⁹² **Парадигма** (греч. paradeigma – пример, образ) – в современной философии науки – система теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых всеми членами

бы некоторого подобия (имитации) социального здоровья и духовного оптимизма. И тут мы наблюдаем совершенно «оригинальное» явление: **к западным аксиологам и иным футурологам на помощь спешат российские апологеты из либеральных кругов, одержимые навязчивой мыслью доказать во что бы то ни стало «вечность» капитализма и его так называемых «общечеловеческих» ценностей.** Идея кризиса капитализма, категорически заявляет И. П. Никитина, *«не выдерживает критики. Современное постиндустриальное общество устойчиво, нет никаких признаков того, что оно находится в кризисном состоянии и все более запутывается в неразрешимых противоречиях»*⁹³. Один из самых оголтелых анти-советчиков, именующий себя писателем, Леонид Млечин в свойственной для него нравоучительной и одновременно ернической манере развенчивает Освальда Шпенглера и его «Закат Европы» в связи с приближающимся столетием выхода в свет этой работы. *«...Нам рановато говорить об упадке Европы. Или скорее поздновато. Освальд Шпенглер сделал это за нас столетие назад».* «На пенсию я, – говорит российский ультралиберал, – похоже, выйду под разговоры о духовном упадке Европы, крушении западной цивилизации, распаде семьи и повсеместном торжестве однополый любви»⁹⁴.

Для обывателя, который забавляется чтением бульварного «Московского комсомольца», или наивного студента, живущего в Интернете, именуемом сегодня «помойкой», подобные рассуждения могут показаться убедительными. В самом деле, почти 100 лет тому назад Шпенглер предсказал «закат Европы», а он никак не наступает. Наоборот, на Западе – все о'кей... Здесь, фиксирует *обыденное («витринное») сознание*, создана удивительная атмосфера «беспроблемности, решенности раз и навсегда всех фундаментальных вопросов» общественного, а для многих и индивидуального бытия. Разве не стала комфортней, беззаботней жизнь человека на Западе? Города процветают и поражают своим величием. Быстрый, доступный транспорт и внутри городов, и между дальними районами, и между континентами. В городах – армады легковых машин самого высокого класса, теплые, залитые светом жилища. Кухонные, стиральные и другие домашние машины, «всеисцеляющие» лекарства. Карманные радиоприемники, переносные телевизоры, звуковые и видеоманитофоны. И одновременно нарастающий поток веселья, море музыки, бесконечные шоу, шумные дискотеки, искрящиеся аттракционы, потрясающие курорты, доступная любовь – много любви... В газетах, журналах, других изданиях в специальных рубриках светской хроники описывается счастливый образ жизни «высшего света»: путешествия на собственных яхтах, дорогостоящие приемы, балы и т. п. В одной из передач американского телевидения миллионерша, разъезжая в белом «кадиллаке» по своей усадьбе, объясняла: «Здесь мой розарий, здесь мой крематорий».

А труд... Принудительный труд как бы «исчез», «испарился»: люди, лишенные производственной собственности, добровольно продают свою рабочую силу, без понукания работают, работают, работают. Очень хорошо работают. Нам бы так. Безработица? Но сегодня она есть, а завтра – откроются новые рабочие места, да и пособия при необходимости выдадут... Какой «закат», где «кризис»? В подобном духе, например, ведется постоянная передача «Система ценностей» на круглосуточном телевизионном канале «РБК» (Росбизнесконсалтинг – ведущая российская компания, работающая в сферах массмедиа и информационных ресурсов. Хозяин – российский долларовый миллиардер М. Прохоров, прославившийся в Европе куршевельским загулом с девицами...). Ведущая – родственница миллиардера в окружении собеседников развлекает телезрителя развесистой и до убожества невежественной клеветой на советский образ жизни и столь же примитивным восхвалением западных ценностей.

научного сообщества.

⁹³ Никитина И. П. *Философия искусства. Учебное пособие*. М., 2008, с. 441.

⁹⁴ Млечин Л. Сто лет борьбы против западных ценностей. // Газета «Московский комсомолец». № 215 (26347), 1 октября 2013 г, с. 3.

Не надо быть большим знатоком, чтобы не увидеть очевидное в действиях всех без исключения доморощенных либералов, как российских, так и украинских, яростно защищающих буржуазный Запад и его пресловутые «общечеловеческие» ценности. **Все эти прохо- ровы, познеры, млечины, киселевы, шустеры, сванидзе и К⁰ защищают не только капитализм Европы и Америки, сколько самих себя, свои собственные корыстные интересы. У одних в западных банках хранятся наворованные во время «перестройки» и «реформ» деньги; у других находится огромная недвижимость (поместья, виллы, особняки, шикарные квартиры, яхты, самолеты, рестораны, клубы и т. д.); у третьих – давно оформлено иностранное гражданство (есть место, куда убежать в случае «пожара»); у четвертых – дети и внуки пребывают в зарубежных университетах и фирмах, а свою карьеру и дальнейшую жизнь связывают с «настоящей родиной» (той, где хранятся счета в банках)...**

Но есть и не менее существенная причина у российских либерал-аксиологов, решивших «бескорыстно» помочь западным «коллегам» опрокинуть критический запал трудов О. Шпенглера, а вместе с ними и утверждения М. Вебера, Й. Хейзинги, А. Швейцера, С. Хантингтона, Э. Фромма, Д. Перкинса, Д. Стиглица о том, что в *«XXI веке человечество ждет деградация западных ценностей»*, что *«если мы не изменим ход повествования, оно закончится трагически»*... Признать, что капитализм болен и внутри него развивается необратимый процесс самоотрицания, что система его ценностей, некогда сыгравшая прогрессивную роль для мировой цивилизации, превратилась в свою противоположность и рушится, значит согласиться с тем, что **криминально-буржуазная контрреволюция и реставрация капитализма в СССР – дело исторически реакционное, преступное. Соответственно по этому критерию должны оцениваться люди, затеявшие «перестройку», проводящие «демократические реформы», лишившие целые народы собственности, власти, культуры, ввергнувшие огромное число людей в нищету и социальную деградацию.** Признать очевидное они не могут ни при каких обстоятельствах: во-первых, так можно однажды предстать перед самым настоящим (юридическим) судом за содеянное преступление; а во-вторых, капитализаторы хотели бы ускользнуть и от суда истории, ибо нет ничего тайного, чтобы со временем не стало бы явным. Обманув народы, «реформаторы» хотели бы обмануть саму историю и войти в нее великими гуманистами, спасшими мир от «тоталитарного» коммунизма.

Увы, ничего у либерал-аксиологов не получается! Вульгарный антиисторизм, чудовищный эклектизм, наглая предвзятость, субъективная апологетика в отношении капитализма отпугивает даже так называемый «средний класс». Что же касается трудового населения России, Украины, то оно видит и все лучше понимает цену, которую приходится платить за реставрацию капитализма. **Массовое сознание россиян и украинцев, будучи отражением социальной действительности, всей суммы общественных контрреволюционных отношений, на собственном эмпирическом опыте, по-своему также несет в себе аксиологический заряд. Отстаивать свои ценности, защищать и по возможности продвигать их готов едва ли не каждый, хотя теоретически, конечно, мало кто может определить, о чем в принципиальном, сущностном смысле идет речь. И тем не менее мы видим очевидное: аксиологизация общественного сознания – факт свершившийся, он – важный феномен современной жизни на Украине и в России, его видно невооруженным взглядом.**

Если не брать аксиологию в сугубо доктринальном (т. е. теоретическом) смысле слова, то можно смело утверждать, что ценностно-критическое отношение к жизни, в первую очередь к процессам реставрации капитализма, агрессивного насаждения либеральной (буржуазной) идеологии и модели жизнеустройства во всех странах – Украине, России и дальше – по всему миру, захватывает широкие слои народных масс. Из академических учреждений, университетских кафедр, безмятежных кабинетов ученых и со страниц научных изданий проблемы

ценностного осмысления жизни *«внезапно»* переключались в средства массовой информации – печатные и электронные, всплыли в среде политиков и государственных чиновников, журналистов и писателей, церковных деятелей многочисленных конфессий. Эти проблемы, далекие от специального понятийного оформления, звучат на «народном языке» на митингах, собраниях, уличных сходках. О ценностях в той или иной постановке не говорит и не пишет сегодня только «ленивый»...

Что же случилось через четверть века после организации контрреволюции в СССР и начала реставрации капитализма в первой на планете стране социализма? Ведь победа антикоммунистическими силами вроде бы одержана **«безоговорочная и окончательная»**: *«вагон социализма отцеплен от мировой цивилизации»; «эсэсерия сгинула навсегда»*... Авторы этих глумливых умозаключений, упоенные контрреволюционным хапком, сами поверили в безоговорочность собственных выводов. Но на деле, как в народной мудрости: *гладко было на бумаге, да забыли про овраги*... Либеральные геростраты, уверовав в окончательность своей победы, забыли спросить народ: а что он думает по этому поводу? Материалы Всесоюзного/Всероссийского исследования по сравнению оценок экономического положения людей за четверть века (руководители Ж. Т. Тощенко, В. Э. Бойков) показывают, как люди скептически, негативно *оценивают «работу»* либерал-реформаторов.

Какие следствия вызвал переход к рыночным отношениям (% числа опрошенных)

Вариант ответа	1990	2012
1. Снизился уровень благосостояния	33	47,9
2. Усилилась несправедливость в оплате труда	12	45,5
3. Усилилось расхищение трудовых ресурсов	13	54,5
4. Усилилась инфляция	17	52,9
5. Увеличилось число экономических преступлений	18	56,4
6. Выиграли только богатые	27	47,9

Самые разные сторонники рыночной экономики, частной собственности, конкурентной борьбы как неких «локомотивов» «перестройки» и «реформ», в том числе деятели от науки, аплодировавшие погрому «тоталитарной империи» и подводившие под него теоретические обоснования, *«вдруг»* обнаружили глубокое *«разочарование»* социума... и свое собственное. *«Ожидали быстрого улучшения жизни, а период перехода оказался намного более трудным, особенно если его сравнивать с популистскими обещаниями многих “демократов”, когда они шли к власти. Да и уж очень много представителей новой власти – от чиновников самого высокого правительственного ранга и депутатов до чиновников и депутатов местного масштаба – активно стали использовать свое положение для обустройства личных дел. Поистине, как у персонажа из сказки Салтыкова-Щедрина, – ожидали от медведя на воеводстве покровительства наукам, искусствам, процветания и благополучия, а он чижика съел. И уже набирает силу контрреформаторское движение...»*⁹⁵ – пишет с тревогой и скрытым сожалением академик Российской академии наук, бывший директор Института философии РАН (1988–2006 гг.) В. С. Степин.

Маститый философ – «убежденный сторонник реформ», *«сепарирующий марксизм»*⁹⁶ и начисто отвергающий ленинизм, обнаружив, что *«набирает силу контрреформаторское движение»*, удивился... Странное, однако, удивление. По своему научному статусу академик

⁹⁵ Данные приводятся по: Тощенко Ж. Т. Протуберанцы на общественном поле. // Социологическая мозаика: серьезная, забавная, поэтическая. М., 2013, с. 17.

⁹⁶ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2012, с. 304.

должен был бы знать две философско-исторические аксиомы: во-первых, всякое действие обязательно вызывает противодействие. Социальное противодействие в классово-антагонистическом обществе наступает особенно тогда, когда острота социальных проблем и противоречий нарастает и достигает предельных значений; во-вторых, контрреволюция – это регрессивный процесс, направленный на реставрацию отжившего общественного строя, в данном случае дикого, варварского капитализма со всеми его классовыми ценностями, нормами, целями. Но все реставрационные процессы, учит история, рано или поздно завершаются поражением эксплуататорских классов. И еще: академик от философии *«ожидал быстрого улучшения жизни»*... Неужели человек, увенчанный учеными степенями, званиями, должностным положением, называемый «выдающимся российским ученым», так легко поверил в ельцинские бредни о том, что *«в следующем квартале (!!!) будет легче»*, или его очаровала шарлатанская «программа 500 дней» Гриши Явлинского?!

Своеобразная реакция на результаты «перестройки» и «реформ» содержится в научно-образных сентенциях другого академика РАН, директора Института научной информации по общественным наукам, воинствующего антисоветчика и антикоммуниста Ю. С. Пивоварова. *«...Мы не можем не задумываться о том, что же дальше? Какие очертания примет жизнь во вполне обозримом будущем? <...> Мы озираемся по сторонам, заглядываем в собственное прошлое, просчитываем и продумываем пропорции той государственной системы, которая удовлетворяла бы требованиям разумности...»*⁹⁷.

Увы, ничего не получается у реставраторов капитализма и их платных и добровольных апологетов либеральных ценностей. В самом деле, если оценивать ситуацию в категориях, предложенных академиком РАН, то действительно разумности у контрреволюционных режимов, где бы они не действовали, не обнаружить и днем с огнем. А вот неразумность во всех их действиях столь очевидна, что даже люди, далекие от научного анализа происходящих процессов, стали сомневаться в адекватности тех, кто взял реванш у социализма. *«С разрушением великой страны произошла и потеря смыслов, люди населяющие ее территорию, пересели в гумилевский “заблудившийся трамвай” и едут, руководимые чужой волей, в бесцельном хаотическом движении. У нашего поколения есть ощущение произошедшей тотальной ошибки, и ее надо исправлять в первую очередь через обретение осмысленности своего существования»*⁹⁸ (выделено мной. – В. С.).

Верно советуют эпатажному академику о необходимости «обретения осмысленности» бытия. Но где он может найти эту осмысленность: от марксизма давно и публично отрекся, своей научной теории и методологии у него нет, а потому обращается к идеализму и фидеизму – вся надежда на них... *«Финалом, высшей стадией развития “русской мысли” стало не творчество Ильина или Бицилли, – пишет Пивоваров. – На мой взгляд, завершающие аккорды взял Семен Людвигович Франк... Следовательно, настоящая русская философия – это сверхнаучное интуитивное учение о мировоззрении, тесно сплетенное с религиозной мистикой»*⁹⁹ (выделено мной. – В. С.). Академику вторят эти самые религиозные мистики и интуитивисты. *«Идея социального прогресса рухнула – и это хорошо. “Прогрессисты” оказались битьми... Все идет к своему концу – как и говорится в Священном писании. Крах, а потом все начнется сначала»*, – звучало 4 мая 2013 года по многим российским радио– и телеканалам в религиозных проповедях священнослужителей РПЦ.

Приватизированное обществоведение в целом, в том числе философская наука, становятся разновидностью массовой культуры, ибо, как и все другие ее проявления, мифологизирует, дезориентирует человеческое сознание, мистифицирует

⁹⁷ Там же, с. 277, 280–283, 302.

⁹⁸ Пивоваров Ю. С. Два века русской мысли. М., 2006, с. 422.

⁹⁹ Журнал «Урал», Екатеринбург, 2012, № 12. Интернет: <http://magazines.russ.ru/ural>.

реальные процессы в обществе и в мире. А сам «мир словесности перестраивается по модели шоу-бизнеса» (С. Чупринин, главный редактор журнала «Знамя»). Происходит отказ от разумного, рационального в познании, уход от мира реального – в игровой, от мира социального – в мир «антропологического» – то есть личностного, индивидуального, субъективного. Либеральная история, философия, социология, этика и другие науки за эти 25 контрреволюционных лет утопили мир рационального мышления в мире иллюзорном, виртуальном, где понятия – не средство познания реальных вещей, явлений и процессов, а способ сокрытия их подлинной сущности. Это закономерное и неизбежное следствие контрреволюционного процесса реставрации капитализма, поправшего все гуманистические ценности, как классовые, так и общечеловеческие. **Теоретическое знание и сознание не являются больше ценностью, ибо, захваченные антисоветчиками и антикоммунистами всех мастей и окрасов, они враждебны человеку, попирают его разум, достоинство, подрывают творческую энергию, отчуждают от собственной сущности.**

На такой, с позволения сказать, «теоретико-методологической» базе развивается сегодня в России аксиологическая мысль. Она покоится на откровенной тенденциозности и корыстной апологетической предвзятости, что сродни публичной диффамации, говоря проще – лжи. Ложь – вечное оружие реакции, контрреволюции, диктатуры капитала. Лишенная позитивной почвы – дикий капитализм не может ее создать, – аксиология педалирует тему антисоветизма во всех его разновидностях. Царящий на государственном уровне, в олигархическом клановом сообществе, в либеральных кругах, в литературе, театре, кино, во всех «приватизированных» СМИ антисоветизм сегодня отличается организованностью и скоординированностью действий, зарядом особой злобы и растущей ненависти к всему советскому, социалистическому, – **это не просто проявление классовой ненависти, а еще и прямой результат краха либеральных ценностных установок, отторжения их общественным сознанием.**¹⁰⁰

Увы, вопреки некоторым утверждениям, история повторяется. Либерализм уже присутствовал на российской земле в XIX веке, но не получил прочных устоев в общественном сознании. По оценке Н. А. Бердяева, хорошо знавшего общественно-политическую и в целом идейно-нравственную, духовную атмосферу в России того времени, здесь «никогда не было либеральной идеологии, которая бы вдохновляла и имела влияние», «слова “буржуа”, “буржуазный” в России носили порицательный характер, в то время как на Западе эти слова означали почтенное общественное положение»¹⁰¹.

Нечто похожее мы наблюдаем уже в XXI веке. «Главный вектор российских либеральных реформ – экономические измерения, так как их ощущают граждане, пока не совпадают с вектором интересов большинства граждан страны», – делает вывод авторитетный ученый, главный научный сотрудник Института социально-политических проблем Российской академии наук В. К. Левашов¹⁰². А потому самые различные источники говорят нам, что:

- «капитализм в России не стал всенародным делом»;
- «только 10 % населения смогли приспособиться к новым (т. е. буржуазным. – В. С.) условиям»;
- «исследование социополитических ориентаций в континууме “капитализм – социализм” показывает, что в массовом сознании присутствует значительный массив ценностей, которые лежат в основе социалистического образа жизни (коллективизм, порядок, справедливость, патриотизм, народовластие, нравственность)»;

¹⁰⁰ !!! Убрать!!!

¹⁰¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 2006, с. 170.

¹⁰² Левашов В. К. Консолидация гражданского общества в России. М., 2007, с. 28.

• «ныне советское общество вроде бы безоговорочно в прошлом... **Память о советском обществе многие стараются стереть... Однако это общество продолжает излучать радиацию**»;

• «**вырисовывается сокровище советской цивилизации, которое предстоит оценить. Оно здесь, ее чеканы и образцы уже не выскоблить из опыта будущего человечества... России открытие советского еще предстоит**»¹⁰³.

Эти формулировки, содержащиеся в различных источниках, легко можно было бы принять за эмоциональные пристрастия. Но все они так или иначе опираются на доказательную научную базу. В качестве таковой, в частности, выступают масштабные социологические исследования, проведенные в последние годы Институтом социологии Российской академии наук. Результаты этих исследований содержатся в фундаментальных научных монографиях: 1) «Двадцать лет реформ глазами россиян. Опыт многолетних социологических замеров: Под редакцией М. К. Горшкова, Р. Кrumma, В. В. Петухова». М., 2011; 2) «О чем мечтают россияне. Идеал и реальность. Под редакцией М. К. Горшкова, Р. Кrumma, Н. Е. Тихоновой». М., 2013; 3) «Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации». М., 2013. Разумеется, на содержании, методологии и методике данных исследований явственно виден налет либерального флера – но куда ж без него сегодня... И тем не менее даже сквозь эту оболочку просматривается ценностно-смысловая ориентация российского общества в начале XXI века, то есть спустя четверть столетия после начала контрреволюции и реставрации капитализма в СССР.

Из всего огромного массива данных приведем лишь некоторые, характеризующие ценностные приоритеты в современном российском обществе.

Общественно-политический строй, в наибольшей степени подходящий для россиян (мнение опрошенных: все – за 100 %)¹⁰⁴

1) Капитализм, свободная рыночная конкуренция, частная собственность	17%
2) Капитализм, рыночная экономика с элементами планирования, социалистических принципов	25%
3) Социализм, плановая экономика с элементами рыночных отношений	31%
4) Социализм, плановая экономика, государственная собственность	22%

Эти данные достаточно красноречивы. Действительно, хотя образ социализма и «потускнел», отодвинулся несколько вдаль, но не исчез совсем¹⁰⁵, наоборот, он продолжает жить среди людей не только старшего возраста, к нему обращают взоры и молодые. А это означает, что реставраторам капитализма нечего противопоставить ценностям советского периода. Машин на улицах стало огромное множество (но все иностранного производства), продуктами забиты все магазины (но 70 % импортного происхождения), ширпотреб на каждом шагу (но сделан

¹⁰³ См.: Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2005; Левашов В. К. Социополитическая динамика российского общества (2000–2006). М., 2007; Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Павловский Г. Жизнь в СССР и «советская проблема». // Предисловие к монографии Н. Козловой. Советские люди. Сцены из истории и др.

¹⁰⁴ Представления и мечты российских граждан об устройстве России. // О чем мечтают россияне. Идеал и реальность. М., 2013, с. 91.

¹⁰⁵ См.: Современная Россия и социализм (опыт непредвзятой дискуссии). Материалы Международной научной конференции. Под ред. академика Ю. М. Осипова. М., 2000, с. 5.

китайцами или вьетнамцами), казалось бы – живи и радуйся. А радости-то нет... Потому что *«духовный расцвет народа возможен только с опорой на главные, знаменательные ценности его культуры»*¹⁰⁶. А эти опоры подорваны. *«Мы не способны любить за автомобили и мобильные телефоны, за небоскребы и чистоту, нам – людям! – требуется что-то небывалое, “невозможное”, что вызывает гордость»* («МК», 19 июля 2013, с. 15). *«...Даже бесспорные западные ценности нужно внедрять и развивать так, чтобы не повредить экзистенциальную крышу – иначе они будут отвергнуты вместе с их носителями»*¹⁰⁷. Приведенные высказывания из самых различных источников свидетельствуют: через четверть века после начала антисоветской контрреволюции, тотальной реставрации капитализма либеральные (буржуазные) ценности большинством населения России и Украины либо откровенно отвергаются, либо подвергаются сомнению. Прямых сторонников капитализма явное меньшинство: это те, кто успел хапнуть от общественного пирога и создать несправедливое богатство, либо те, кто еще не избавился от иллюзий и надеется войти в состав буржуазной «элиты»... По мнению россиян, во всех основных сферах жизни общества и государства произошли ухудшения: 77 % опрошенных фиксируют падение уровня жизни; 76 % отмечают моральную деградацию общества; 71 % говорят о падении социальной сферы – здравоохранения, образования, культуры; 73 % – указывают на падение экономики; 70 % – заявляют об ухудшении межнациональных отношений¹⁰⁸.

Общественное сознание открыло для себя «некоторую» истину: капиталистическое (контрреволюционное) *«изобилие»*, построенное на распродаже национального богатства народов, в действительности имеет бесчувственный, звериный механизм закабаления, рабского подчинения и тотальной эксплуатации – физической и духовной – трудящихся масс и населения. Невольно вспомнишь пронизательный вывод немецкого ученого и неутомимого исследователя Генриха Шлимана: *«Последние годы с ужасающей ясностью показали, что рабские цепи накопительства тягостнее и мучительнее цепей бедности»*¹⁰⁹ (выделено мной. – В. С.).

Этот вид рабских цепей контрреволюционных режимов, установившихся на всем постсоветском пространстве, с бешеной энергией выковывают идеологические, политические, пропагандистские «кузницы», в огромном количестве расплодившиеся на воровских хлебах. Отсюда непрекращающаяся клевета, злобная, подлая, пещерная, в духе геббельсовской пропаганды, на СССР, советский народ, на экономику, политику, социальные и национальные отношения, на культуру, науку, образование, армию, милицию, КГБ первого в мире социалистического государства. Ударным отрядом либеральной контрреволюции были и остаются средства массовой информации. По официальным данным, в России насчитывается свыше 100 тысяч СМИ, 90 % из которых – частные, то есть обслуживающие его препохабие капитал. По социологическим данным, только 2 % жителей России не смотрят телевидение, 20 % не читают газет, 35 % не слушают радио.

Но понятие СМИ в современных условиях необычайно расширилось. *Сегодня это – средства распространения информации, обращенные к массовой аудитории, доступные для самой широкой аудитории, профессионально выстраивающие на промышленно-поточной основе и производство, и распространение информации, отражающей интересы не только и не столько владельцев данных средств, сколько правящего класса необуржуазии, стоящей в центре контрреволюционного процесса реставрации капитализма в России.* В данном процессе активно используются кинематограф, средства зву-

¹⁰⁶ Троицкий В. Политика духовного геноцида в школьных программах по словесности. // Журнал «Наш современник», 2003, с. 249.

¹⁰⁷ Мелихов А. Колочий треугольник. СПб., 2013, с. 75.

¹⁰⁸ См.: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М., 2011, с. 24.

¹⁰⁹ Цит. по: Штоль Г. Генрих Шлиман. Мечта о Трое. Перевод с немецкого. М., 1991, с. 161.

козаписи и видеозаписи, компьютерные технологии и Интернет, домашние видеоцентры, сочетающие телевизионные, телефонные и другие линии связи. В этом ряду нужно рассматривать также книги самых различных жанров, эстрадные представления, театральные спектакли и многие, многие другие звенья культуры и информации (например, рекламные щиты и панели). **Все они так или иначе выполняют функцию идеологического и политического обоснования и психологического закрепления в массовом сознании ценностных установок индивидуалистического, частнособственнического, предпринимательского сознания и поведения. Они в широком смысле слова формируют качественно новый субъект (носитель) социума с иными ценностно-смысловыми ориентациями и установками, причем на всех «этажах» социальной иерархии современного российского и украинского общества.**

Данный процесс, протекающий не только в России, на Украине, но и на всем постсоветском пространстве, – не формальное соперничество либеральных и социалистических ценностей, а концентрированное проявление классовой борьбы в фазе реставрации капитализма. Источником этой борьбы выступает противоречие интересов различных классов. Чем дольше длится реставрация отжившего социально-экономического строя, чем очевиднее становятся несовместимость интересов, ценностно-смысловых ориентиров трудящихся – рабочих, крестьян, всех категорий трудовой интеллигенции, а значит, абсолютного большинства народа и России, и Украины, – и интересов возникшего класса криминальной буржуазии (*новых эксплуататоров*), тем острее будет классовое (идейное, политическое, экономическое) противостояние. Это хорошо понимают организаторы контрреволюции и правители реставрационно-буржуазных режимов, а потому любыми средствами хотят погасить растущее в народе неприятие капитализма и его идеологически, пропагандистски ангажируемых ценностей. Цель все та же: объявить «*конец истории*» и «*вечность*» капитализма. Этот процесс уже очень точно обозначен понятием «*размировоззрение*», близким к другому – «*раскультивание*» и, следовательно, «*расчеловечивание*». «*“Размировоззрение” – это устойчивый негативный процесс обратного преобразования нации, народа в «толпу», в «простое население» через раскультивание; через деформацию, дискредитацию истории народа и страны, их образа жизни, мечты, идеалов и ценностей; через искажение смыслов настоящего и будущего; через искажение смысла жизни человека*»¹¹⁰ (выделено мной. – В. С.).

Но люди не хотят быть «толпой», лишенной своих ценностей, идеалов, не желают превращаться в подопытных особей, на которых либералы-геростраты ставят свои социал-дарвинистские опыты. Их лишают исходных, базовых смысловых ценностей, а они продолжают держаться за них. Администрация одной из поисковых систем Интернета составила необычный рейтинг. Было проанализировано около миллиарда вопросов, заданных пользователями за последние 10 лет. Выяснилось, самый популярный вопрос «**В чем смысл жизни?**». На втором месте – «*Есть ли Бог?*»...¹¹¹ Как бы ни относиться к этим вопросам, они по меньшей мере свидетельствуют о двух фактах: 1) люди не заняты поиском либеральных ценностей; 2) поиск смысла жизни в условиях торжества криминально-буржуазной контрреволюции – это отрезвление от мифа о «благородном» капитализме, о «царстве всеобщего благоденствия»...

И еще, может быть, самое важное. Когда «лопнул пузырь «бескризисной» экономической модели», то «*взоры растерянной общественности обратились к оплеванному пророку*», – говорит известный в России писатель, художник, остроумный полемист Максим Кантор. – *Неужели немецкий еврей все-таки прав?*»¹¹². На смену тотальной ненависти к К. Марксу пришла вна-

¹¹⁰ Кузнецов В. Основания современного мировоззрения. М., 2012, с. 21.

¹¹¹ Там же, с. 35.

¹¹² Максим Кантор о сумме истории. // The Prime Russian Magazine (Первый Русский Журнал). 2013, сентябрь-октябрь,

чале растерянность, потом сомнение, а теперь возник вопрос *«Почему Маркс был прав?»*. Нет, конечно, до широкого общественного признания марксизма, тем более ленинизма как его творческой составной части в эпоху империализма, еще далеко. Слишком глубоко пророс либеральный чертополох клеветы, посеянной в годы контрреволюции. Невозможно признаться в любви к Марксу без того, чтобы не быть заподозренным в агрессивных наклонностях. Тебя могут обвинить в чем угодно: в голоде Поволжья и голодоморе на Украине, в организации ГУЛАГа и экспроприации собственности, в сталинизме и тоталитаризме, да просто в любом проявлении аморальности. *«Причина неприязни к Марксу среднего класса, – говорит М. Кантор, – это чувство самосохранения...»* Иначе говоря, классовое чувство собственника, который не желает расстаться с частной собственностью, а наоборот, хочет ее увеличить, приумножить. А есть еще ненависть мещанина: эта *«ненависть к Марксу имеет ту же причину, что и ненависть ко всему великому вообще»*¹¹³.

И тем не менее поворот в общественном сознании к К. Марксу, Ф. Энгельсу, В. И. Ленину, И. В. Сталину, их жизни и деятельности, теоретическому наследию явно происходит. В 2013 году исполнилось 130 лет со дня смерти Карла Маркса, и последние пять лет – начиная с кризисной осени 2008 г. – это имя вновь на слуху. Газета «The Times» провозгласила: *«Он вернулся!»*, тогдашнего президента Франции сфотографировали листающим «Капитал», папа Бенедикт XVI похвалил «великие аналитические способности» Маркса, ватиканская газета L'Osservatore Romano напечатала промарксистскую заметку. А журнал «The Prime Russian Magazine» (Первый Русский Журнал), из которого мы приводим эти слова, вышел целиком посвященным Марксу и марксизму¹¹⁴.

Все это прямое свидетельство того, что марксизму в науке об обществе альтернативы нет. *«Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма», его методологическая мощь «заставляет» признать правоту марксизма и даже «врагов его переодеваться марксистами»*¹¹⁵. Так было раньше, так происходит и сегодня. Марксистское учение о закономерностях общественного развития дает ключ к пониманию единства и многообразия истории человечества. Последовательная смена общественно-экономических формаций образует магистральную линию прогресса человечества, которая определяет ее единство. Каждая историческая эпоха характеризуется многообразием социальных явлений, содержит в себе типичные и нетипичные явления, в каждой эпохе бывают отдельные движения то вперед, то назад, различные отклонения от среднего типа и темпа движения.

Важнейшим в марксизме является вывод о том, что он признает поступательный, прогрессивный характер общественного развития и показывает неизбежность смены капитализма коммунизмом. Именно поэтому буржуазные философы, социологи, аксиологи выступают против марксизма, приписывают ему ограниченность, в том числе в теории ценностей. Они никак не могут смириться с мыслью, что на смену капитализма рано или поздно придет всемирный социализм, как в свое время феодализм был вынужден (самим ходом истории) уступить место буржуазной формации. Произойдет и ломка, борьба ценностей: одни, прогрессивные, перейдут в новое мироустройство, другие – отомрут вместе с самим капитализмом. Так было всегда во всемирной истории, и это марксизм убедительно доказал всей суммой научных аргументов. Попробуем и мы продемонстрировать этот диалектический процесс хотя бы в схематической форме.

№ 5 (20), с. 72.

¹¹³ Там же, с. 69, 77.

¹¹⁴ The Prime Russian Magazine (Первый Русский Журнал), № 5 (20), сентябрь-октябрь 2013 (в номере про марксизм).

¹¹⁵ Ленин В. И. Исторические судьбы учения Карла Маркса. Полн. собр. соч., т. 23, с. 3.

Ценности и ценностно-смысловые ориентиры народов на различных этапах исторического развития мировой цивилизации (формации)

Эпоха (тип формации и цивилизации)	Временные рамки существования	Тип мировоззрения (картина мира, мировосприятие, миропонимание, мироощущение).	Главные ценности, распространенность ценностных ориентаций и их мотивационное воздействие в массовом сознании.
Рабовладельческое общество: а) Древний Восток (Египет, Вавилония, Древний Китай, Древняя Индия и др.)	VI тыс. до н. э. — II–III вв. н. э.	Древний Восток: особая роль религии, традиции, мифологический тип сознания, синкретическое единство знаний, религиозных представлений, трудовых навыков.	Сакрализация (обожествление) власти единоличного правителя, ее симбиоз с собственностью, корпоративность (кланы, касты, общины), традиционность.
б) Античность (Древняя Греция, Древний Рим)	XIII–XII вв. до н. э. — IV–V вв. н. э.	Античность: космоцентризм, антропоцентризм, коллективизм, агонистичность (состязательность).	Свободолюбие, патриотизм, гражданственность, дух беспределного величия Рима, поклонение городу-полису, героизм, гармония, красота человеческого тела.
Феодальное общество (эпоха Средневековья)	V–XV вв. (для Западной Европы V–XIII вв.)	Теоцентризм, двумирность, символизм, иерархизм, универсализм, традиционализм, дидактизм. Эсхатолическое и аскетическое мироощущение.	Бог, Вера (особое состояние духа, не требующее доказательств), Надежда (идея спасения, бессмертия), Любовь (к Богу, духовная связь с ним).
Буржуазное общество (эпоха капитализма) Распадается на ряд периодов: • Возрождение (Ренессанс)	XIV–XVI вв.	Антропоцентризм, новое отношение к миру (природе, обществу и человеку), секуляризация («обмирщение») общественной жизни и культуры, оптимизм.	Гуманизм («человек венец природы»), творчество, светское искусство, возрождение культурного наследия Античности, наука.
• Новое время (эпоха расцвета капитализма)	XVII–XIX вв.	XVII век: время Реформации, углубления рационализма, барокко, классицизма.	Новые возможности разума, безграничность и многообразие мира, человек — многоплановая личность со сложным внутренним миром, естественные права человека (свобода слова, веры, собственности), «всякий сам себе священник».
		XVIII век: время Просвещения. Антропоцентризм, рационализм, деизм, материализм, атеизм.	«Царство человеческого разума», культ знания и просвещения, идеи буржуазной демократии (права человека: свобода и безопасность, сопротивление угнетению и др.), общественный прогресс.
		XIX век: индивидуализм, рационализм, прагматизм, европоцентризм, сциентизм.	Культ частной собственности, богатства. «Долг заключается в обогащении», «порядочность — в кредитоспособности», «смысл жизни — в неустанном труде»; человек — «Homo faber» (производящий агрегат); «время — деньги», «богатство и труд к богатству ведут».

• Новейшее время (эпоха перерастания капитализма в стадию империализма, время системного кризиса формации)	XX–XXI вв.	Европоцентризм, перерастающий в америкоцентризм, эстетизация индивидуализма, эгоизма и эго- центризма, неверие в «разумность истории», страх перед будущим, со- мнение в потенциях капитализма, поиск альтернативных путей разви- тия, концепция «устойчивого разви- тия», иррационализм, интуитивизм.	Деньги, умение создать богатство, карь- ера, власть, комфорт, слава; продукция масскультуры, наслаждения, секс, пор- нография; сила в отношениях с другими народами и государствами, диктат над миром, благополучие стран «золотого миллиарда»; инфорномия, новое со- циальное мифотворчество, оккультно- мистические движения и зоны.
Советское социалистическое общество (первый шаг на пути к коммунистической формации).	Октябрь 1917 г. — декабрь 1991 г.	Социальный оптимизм, уверен- ность в «завтрашнем дне», коллек- тивизм, свободомыслие и атеизм, вера в правоту социализма и ком- мунизма, помощь ближнему и спо- собность к состраданию, солидар- ность с народами, борющимися против угнетения, устремленность к миру и культуре.	Социальное и национальное равенст- во, социальная справедливость, труд и человек труда, блага только по труду, героизм, патриотизм — «прежде думай о Родине», дружба и братство народов (интернационализм), культ знания и образования, семья и верность семье — «святое», дети — единственный привилегированный «класс» общества, особое почитание искусства: литерату- ры, музыки, театра, живописи, кино.

В ответ на это либеральные оппоненты говорят об устарелости, однобокости марксизма, много лет создают карикатуру на марксизм, обвиняют его в экономическом детерминизме, недооценке культуры, ее места и роли в общественном развитии, в спекулятивной подмене при объяснении социальной истории, поскольку первичным, якобы, оказываются социально-политические идеологии, революционные теории, философско-материалистические идеи. Ответственная же практика, утверждают фальсификаторы, для марксизма становится лишь полем приложения определенных теоретических принципов. Ленинизму либералы вообще отказывают в научном признании. Фальсифицируя богатейшее теоретическое наследие В. И. Ленина, они заявляют, что «ленинизм в философской ипостаси сводит глубину теоретических дискуссий к чисто *«политическим измерениям»*, а систему *«общественное бытие — общественное сознание»* к идеологическому ракурсу программы». Причем вся эта карикатура на марксизм-ленинизм из либеральных сочинений переносится на страницы учебной и справочной литературы для высшей и средней школы¹¹⁶.

Любимым «доказательством» ограниченности марксизма-ленинизма у либералов является утверждение о том, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не знали проблемы ценностей, если не считать разработанной марксизмом объективной стоимости в области экономических отношений. Уже советские ученые **В. П. Тугаринов, Б. А. Чагин, О. Г. Дробницкий, В. А. Василенко, Л. Н. Столович, Т. Б. Любимова** и др.¹¹⁷ показали упрощенное представление о проблеме ценностей в марксизме-ленинизме, идущее не от существа вопроса, а от сугубо формального, поверхностного подхода. Да, действительно, основоположники марксизма-ленинизма специально не занимались проблемой ценности, но она фактически, имманентно¹¹⁸ присутствовала во всей их теории и политической практике. Так, теория стоимости К. Маркса

¹¹⁶ Кондаков И. В. Марксистская культурология. // Культурология. XX век. Энциклопедия. М., 1998, с. 14; Грицанов А. А. Ленинизм. // Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. М. – Минск, 2002, с. 414 и др.

¹¹⁷ См.: Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. М., 1968; Чагин Б. А. Проблема ценностей в философии. М., 1966; Василенко В. А. Ценность и оценка. Киев, 1964; Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М., 1967; Проблема ценностей в философии. Сборник статей. М. – Л., 1966; Столович Л. Н. Природа эстетических ценностей. М., 1972; Философия и ценностные формы сознания. М., 1978; Творческое содержание человеческих ценностей. М., 1987 и др.

¹¹⁸ *Имманентное* (от лат. immanens, immanentes – пребывающий в чем-либо, свойственный чему-либо) – понятие, означающее внутренне присущее предмету, явлению, процессу то или иное свойство (закономерность).

является экономическим выражением теории ценностей и дает все основные методологические посылки для ее разработки. Ярчайшей страницей является борьба В. И. Ленина против объективистской социологии «легального марксизма», отрицавшего оценочное отношение к общественным явлениям и сводившего социологию к «чистому» описанию этих явлений в целях «объективности». Ленинское учение о классовом, партийном подходе к явлениям общественной жизни есть не что иное, как революционно-пролетарское ценностное отношение к этим явлениям.

Теория ценностей вытекает из всего духа марксистско-ленинского учения, которое анализирует все наследие человеческого труда – от производительных сил до высших, духовных сфер социальной жизни – науки и искусства, раскрывает роль практики в познании и преобразовании мира, показывает место и значение субъективного фактора в историческом процессе, возвращает человеческое человеку и ставит его на то историческое место, которое именуется Высшей Ценностью. Выдвигая и отстаивая идею переустройства общества на коммунистических началах, возвращая людям труда их достоинства, чести, всех ценностей культуры, марксизм утверждает тем самым антропоцентризм и гуманизм как главное ее содержание, то есть весь исторический процесс преобразований осуществляется для человека, во имя человека.

По глубокому убеждению автора данных строк, нет более глубокой и обоснованной по своему содержанию и направленности ценностной теории, чем марксизм-ленинизм, даже специально посвященной аксиологической проблематике. Ценность воплощается не в академических и схоластических дефинициях, а в реальной действительности, в преобразовании мира для человека, во имя человека, людей труда, создающих материальные и духовные блага.

Г. В. Плеханов в свое время с полным основанием отверг утверждение буржуазных аксиологов (Г. Риккерта и др.) о том, что марксизм якобы обращает внимание лишь на «экономические ценности». В рецензии на книгу Риккерта «Наука о природе и наука о культуре» Плеханов написал: *«... Не смешно ли утверждать, что с точки зрения пролетариата или, как выражается Г. Риккерт, с той точки зрения, которую теоретики считают за точку зрения массы, внимание главным образом обращается на экономические ценности? Если кто-нибудь обращает теперь главное внимание на эти ценности, то это именно противостоящая пролетариату буржуазия. Нынешние сторонники материалистического объяснения истории прекрасно понимают это и никогда об этом не забывают. Стало быть, и с этой стороны сказанное о них Риккертом лишено всякого разумного основания»*¹¹⁹.

Наконец, сам К. Маркс хорошо ответил тогдашним апологетам капитализма (а это значит, что и нынешним), которые исключали духовные ценности из содержания богатства страны, ограничиваясь областью экономических стоимостей. В работе «Теории прибавочной стоимости» К. Маркс приводит положение из «Истории политической экономии» А. Бланки: «Ограничив область *богатства* исключительно теми ценностями, которые фиксированы в материальных субстанциях, Смит вычеркнул из книги производства все безграничное множество нематериальных ценностей, дочерей *духовного капитала* цивилизованных наций»¹²⁰.

Марксизм о человеке как высшей ценности и условиях его развития

¹¹⁹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Том III. М., 1957, с. 510.

¹²⁰ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 157.

Исходные положения	Фрагменты из великого теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса
Оценка буржуазно-капиталистического общества XIX в. и его социальных условий для культурного развития трудящегося населения — главной исторической ценности	«...Трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для занятия искусством, наукой и т. д. Господствующий и эксплуатирующий класс стал прямым препятствием для общественного развития», поэтому «теперь он будет неизбежно устранен» ¹ (Ф. Энгельс).
Необходимость переустройства общества на социально справедливых началах для создания условий всестороннего развития трудящихся	«Новый общественный строй»: «...управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. ...Общество, организованное на коммунистических началах, дает возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности» ² (Ф. Энгельс).
Материальные факторы и условия как основа культурного развития человека	«В обществе должна быть такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде... и где с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, — где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» ³ (Ф. Энгельс).
Всесторонне развитые люди — главная цель эпохи будущего (коммунизма)	«...Зародыш воспитания эпохи и будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как средство для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» ⁴ (К. Маркс).
Система гуманного воспитания, приобщения к ценностям культуры, формирования личности как высшей социальной ценности	«Забота о восстановлении здоровья, физической силы, умственного развития, дружеского общения между собою, социальной и политической деятельности рабочего класса, который составляет основной костяк каждого народа. ...В первую очередь оградить работающих детей и подростков от разрушительного действия современной системы. Это может быть достигнуто лишь путем превращения общественного сознания в общественную силу... Должна быть создана гуманная система воспитания, под которой мы понимаем три вещи: Во-первых, умственное воспитание... Во-вторых, физическое воспитание... В-третьих, техническое обучение...» ⁵ (К. Маркс).
Полное и всестороннее развитие каждого и всех членов общества может обеспечить коммунистическое мироустройство	«Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие их физических и духовных способностей», — эта возможность станет реальностью, когда «существующие общественные установления, неразумные и несправедливые», будут заменены разумными и справедливыми, когда «человек из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие» ⁶ . На место старого буржуазного общества с его классами приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» ⁷ .

Примечания:

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Введение. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 25.
2. Энгельс Ф. Принципы коммунизма. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 325, 330.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 305.
4. Маркс К. Капитал. Том первый. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 495.
5. Маркс К. Инструкция делегатам Временного центрального совета по отдельным вопросам. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 197–198.
6. Энгельс Ф. Очерк теории // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 278, 294–295.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 2007, с. 74.

У В. И. Ленина смысловая категория *«ценность»* в ее сущностном содержании проходит через все его теоретическое и политическое наследие: в критике взглядов П. Б. Струве на ценность как понятие идеального; в разоблачении неокантианских спекуляций понятием ценности; в характеристике субъективизма оценочных положений швейцарского экономиста и историка Жана-Шарля Сисмонди; в классовой оценке либерально-буржуазной аксиологии авторов сборника «Вехи», который был назван *«энциклопедией либерального ренегатства»*, выразившего *«несомненную суть кадетизма»*; в показе ценностно-смысловой роли богоискательства, стремившегося к *«оглуплению народа более тонкими, более усовершенствованными средствами»*; в разоблачении оппортунизма, являющегося *«буржуазным врагом пролетарской революции»* и т. д. Разрабатывая свое учение о социализме как первой фазе коммунистического общества, В. И. Ленин в конкретно-исторических условиях России сформулировал совершенно четкие и реалистические направления этого процесса, положив в его основу гуманистическую ценностную матрицу¹²¹. Социализм в ленинском ценностно-смысловом выражении предстает как:

- качественное *новое состояние общества* в его материальном и духовном развитии, т. е. «лучшее общество» по сравнению с капитализмом, у которого «нужно взять всю культуру, всю науку, технику, все знания, искусство», и из них «построить социализм»;

- *формирование нового человека*, усвоившего «всю сумму человеческих знаний, «все, что завоевало человеческая наука, человеческая техника», и, как результат, появление *«всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать»*;

- *развитие социалистической демократии, установление нового типа государства*, в котором произошла «полная передача управления страной и контроля за хозяйством ее рабочим и крестьянам, которым никто не посмел бы сопротивляться» и которые сами бы могли «правильно распределять землю, продукты и хлеб»;

- *преодоление всех форм прежнего разделения труда и социального неравенства*, противоположности между рабочим и свободным временем, постепенное превращение труда из обязанности в творческую деятельность;

- *«живое творчество масс»*, на деле обеспечивающее утверждение свободы во всех областях жизнедеятельности человека, когда «ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение».

Понимая таким образом сущность нового мироустройства, Ленин постоянно говорил: победа социализма в России возможна лишь в том случае, если будут усвоены достижения всех предшествующих цивилизаций и культур, ибо Россия стояла «на границе стран цивилизованных и стран, впервые ... втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских». Иначе говоря, он ставил вопрос об усвоении тех ценностей, которые были созданы другими народами в ходе своего исторического развития и творчества. Никакой автаркии и даже намека на самоизоляцию от других народов и стран. Наоборот, В. И. Ленин, как никто другой в XX столетии, подчеркивал преемственность социализма в усвоении лучших, прогрессивных достижений, «которые выработало человечество под гнетом капиталистического общества».

¹²¹ *Матрица* – образец, зеркальная копия печатной формы, служащая для отливки стереотипов. В данном случае это первый опыт и первый образец социалистического обустройства общества, из которого можно извлекать как положительные уроки, так и отрицательные, чтобы не повторять прежних ошибок.

Раздел второй. Советский социализм – историческая ценность, рожденная на путях раскрепощенного творчества народных масс

Когда беседуешь с людьми о социализме или коммунизме, то нередко обнаруживаешь, что твои собеседники по существу дела совершенно согласны с тобой и признают коммунизм прекрасной вещью: «но, – говорят они, – невозможно когда-либо осуществить что-нибудь подобное». Это возражение повторяется так часто, что автору этих строк кажется полезным и необходимым ответить на него описанием некоторых фактов, еще очень мало известных в Германии и полностью опровергающих подобное возражение. Коммунизм, общественная жизнь и деятельность на основе общности имущества не только возможен, но уже фактически осуществляется во многих общинах в Америке и в другой местности в Англии и осуществляется, как видим, с полным успехом¹²².

...Социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали¹²³.

Ф. Энгельс

Слово «социализм»¹²⁴ присутствует в ценностно-смысловых представлениях многих людей, его употребляет почти каждый человек, только один с положительным значением, а другой – с отрицательным и даже враждебным. При этом в зависимости от личного (субъективного) отношения – позитивного или негативного – создается и соответствующий образ социалистического мироустройства: в первом случае очень часто в идеализированном виде, во втором, наоборот, в преувеличенно отрицательном, а сегодня – в окарикатуренном, нелепом, отвратительном. В действительности социализм как закономерная ступень в общественном развитии – не готовая «райская» система («где текут молочные реки с кисельными берегами»), способная немедленно облагодетельствовать все человечество, но это и не отклонение от магистрального развития цивилизации и уж тем более не «исчадие ада», *а лучшее общество по сравнению с капитализмом*. Оно не приходит само собой: за него надо бороться, его надо строить самим людям – упорным трудом, знанием, пониманием, что социализм – это достояние всего трудового народа, *коллективная ценность совместной жизни*.

Социализм как идея, форма организации и ценность общественной жизни, мечта и чаяние об иной – справедливой – жизни – явление вполне закономерное, выношенное и выстраданное многими народами. О лучшем обществе люди думали и мечтали давно. Мечтания, проекты и учения о коренном преобразовании общества на социалистических ценностных началах уходят в глубокую древность. Сама идея не является изобретением какого-то одного народа и как таковая представляет собой общечеловеческое достояние, *общечеловеческую ценность*. Первой, зародышевой формой был утопический социализм¹²⁵, представлявший собой у всех народов легенду о про-

¹²² Энгельс Ф. Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 211.

¹²³ Энгельс Ф. Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии». // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 499.

¹²⁴ Социализм (фр. socialisme, от лат. socialis – общественный) – социальный строй, возникающий в результате социалистической революции, первая фаза коммунизма.

¹²⁵ Понятие «утопический социализм» происходит от названия трактата английского писателя, гуманиста, государственного деятеля Томаса Мора (1478–1535) «Утопия» (1516). В нем содержится описание идеального строя фантастического острова Утопия; здесь создано общество, в котором ликвидирована частная (и даже личная) собственность, введено равенство

шлом «золотом веке», рисовавшей в идеализированном виде общинный строй и господствовавшее в нем социальное равенство людей. Для становления идей утопического социализма большое значение имело социальное учение *раннего христианства*, проповедовавшего общечеловеческое равенство и братство людей, евангельский идеал общинного патриархального строя с потребительским коммунизмом в быту. Однако христианство, во-первых, направило наивную мысль в русло религиозной утопии: религиозная идея воздаяния обещала страждущим и обездоленным обретение счастья и свободы в царстве небесном. Во-вторых, раннее христианство, первоначально явившее элемент революционности (в I веке н. э. оно провозгласило равенство людей, отвергло существующие рабовладельческие общественные порядки, призывало к переустройству мира, давало надежду поработенным и бесправным на свободу), со временем утратило этот заряд: требование равенства стало выступать как утверждение равенства в грехе и перед лицом всемогущего бога. Ф. Энгельс очень точно назвал это «*отрицательным равенством*»...

На различных этапах исторического развития общества среди представителей разных классов формировались и определенные типы социалистического мировоззрения. Истории известны, например, античный социализм, христианский социализм, буржуазный социализм, утопический социализм и, наконец, научный социализм. Различные виды социалистического мировоззрения имеют и свои особенные социально-экономические корни. Например, буржуазный социализм в своем историческом развитии принимал самые различные формы: государственный социализм, кооперативный социализм, муниципальный социализм, коммунальный социализм, синдикальный социализм и, наконец, анархизм¹²⁶. При этом «чистых» форм буржуазного социализма не было: все они так или иначе переплетались между собой. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс выделяют реакционный социализм, к которому отнесли феодальный социализм, мелкобуржуазный социализм, немецкий, или «истинный» социализм. Они вскрыли природу и направленность консервативного, или буржуазного социализма. **Все эти течения роднит главное: они отрицают революционный путь ликвидации буржуазных отношений с их сердцевиной – частнокапиталистической собственностью на средства производства и результаты труда эксплуатируемых народных масс. Социально-экономические корни буржуазных и мелкобуржуазных форм социализма заключаются в том, что «известная часть буржуазии желает излечить общественные недуги» только «для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества»**¹²⁷.

Выдающуюся роль в развитии мировой социалистической мысли выполнил утопический социализм и его великие создатели: английский гуманист **Томас Мор** (1478–1535); итальянский философ **Томмазо Кампанелла** (1568–1639); французский историк, утопический коммунист **Габриэль Мабли** (1709–1785); французский социолог **Клод Сен-Симон** (1760–1825); английский утопический социалист **Роберт Оуэн** (1771–1858); французский социалист-утопист **Франсуа Фурье** (1772–1837); французский утопический коммунист XVIII века **Морелли** (достоверных биографических данных не сохранилось) и другие мыслители. В России первыми социалистами были декабристы **П. И. Пестель**, **М. А. Фонвизин**, революционные демократы **В. Г. Белинский**, **А. И. Герцен**, **Н. П. Огарев**, **Н. Г. Чернышевский**, **Н. А. Добролюбов**, **Д. И. Писарев**, «пророк» анархизма **М. А. Бакунин**, народоволец **П. Л. Лавров**, идеолог русского и международного анархизма **П. А. Кропоткин**. Важную роль в разъяснении социалистических идей и защите русской крестьянской общины выполнил великий русский писатель и мыслитель-философ **Л. Н. Толстой**.

потребления, обобществлены производство и труд.

¹²⁶ Социализм – выбор истории. Отв. редактор А. Т. Москаленко. Новосибирск, 1997, с. 4.

¹²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 2007, с. 83.

В истории цивилизации и общественной мысли утопия нередко служила формой социального протеста эксплуатируемых народных масс и несла в себе революционную идеологию. Утопический социализм выдвигал идеи совершенной социальной системы, исходя из внеисторически понимаемых принципов разума, справедливости, свободы, равенства, братства. Критикуя общественный строй, основанный на частной собственности, социалисты-утописты высказали ряд гениальных идей и догадок, предвосхитивших некоторые черты будущего коммунистического общества: необходимость создания крупного общественного производства, уничтожение противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом и др. Многие основные принципы освободительного движения трудящихся, нравственные и законодательные нормы, системы педагогики и образования были впервые сформулированы утопистами. Утопический социализм стал одним из источников научного коммунизма, превратившего социализм из утопии в науку. Великие утописты, отмечал Ф. Энгельс, «гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказывали теперь научно...»¹²⁸ Утопический социализм навечно вошел в историю мирового социального прогресса и стал общечеловеческой культурной ценностью.

Социализм как научная теория был создан в середине XIX столетия К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые опирались на предшествующие достижения философии, политэкономии, утопического социализма. На основе открытого ими материалистического понимания истории они рассматривали социализм как закономерный результат естественноисторического развития. Основоположники марксизма в общей форме обозначили контуры и основные принципиальные особенности будущего общества. Вместе с тем они, в отличие от социалистов-утопистов, никогда не пытались создать детально разработанный проект социалистического общественного организма. Они считали, что это должны сделать люди, на чью долю выпадет практическая работа по строительству социалистического общества, по выявлению, отбору и утверждению его ценностных оснований.

На такой же теоретико-методологической позиции стоял и В. И. Ленин, на чью долю выпало возглавить впервые в мировой истории практическое воплощение в жизнь вековых мечтаний человечества о справедливом обществе. Но одно дело – мечта, и совсем другое – ее реализация в жизни. *«Дать характеристику социализма мы не можем; — говорил в 1918 г. В. И. Ленин, — каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, это сказать не можем...»*¹²⁹. Он не устал повторять, что дорога к социализму *«никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной»*¹³⁰. Сам переход от социальной теории к социальной практике – это творческий, деятельный процесс, требующий постоянно новых подходов, решений, критических оценок и самооценок. Строительство социализма – это дело не одиночек, какими бы гениальными они ни были, а творчество миллионов, к тому же это их повседневный труд, но не для увеличения богатства капиталиста, а для возведения нового, лучшего по сравнению с капитализмом, общества. Поэтому, говорил Ленин, надо, *«окружив его подсобными лесами, одевшись в рабочую одежду, не боясь испачкать ее во всяких вспомогательных материалах, строго исполняя предписания руководящих практической работой лиц, — надо это здание строить, строить и строить»*¹³¹.

В. И. Ленин постоянно боролся как с непомерно оптимистическими, схоластическими доктринами, считавшими себя обладателями совершенных «чертежей» нового мироустрой-

¹²⁸ Энгельс Ф. Добавление к предисловию к «Крестьянской войне в Германии» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 499.

¹²⁹ Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Выступления против поправки Бухарина к резолюции о Программе партии. Полн. собр. соч., т. 36, с. 65.

¹³⁰ Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии. Полн. собр. соч., т. 36, с. 47.

¹³¹ Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». Полн. собр. соч., т. 36, с. 160.

ства, так и с нытиками, паникерами, трусами, не верящими в успех социалистического строительства. Да, говорил он, *«дело наше будет невероятно трудным, в котором будет, несомненно, ряд ошибок. Главное: надо трезво уметь смотреть, где такие ошибки допущены, и переделывать все сначала. Если не два, а даже много раз придется переделывать все сначала, то это покажет, что мы без предрассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче»*¹³². Великий революционер и труженик Ленин учил созидателей нового общества *«собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать не покладая рук»*, ибо это *«великое дело, и на такое дело не жалко и всю жизнь отдать»*¹³³. Сам он обычно работал по семнадцать – восемнадцать часов в день за своим столом в Кремле. Такую нагрузку Ленин выдерживал благодаря крепкому сложению, привычке к физическим упражнениям и тяжелой работе на протяжении всей жизни, а также юмору и жизнерадостности. Многие говорили о его проницательном и полном юмора анализе ситуации, когда от напряжения он прищуривал один глаз, и о его заразительном смехе – он всегда был готов присоединиться к забавам детей...

История советского социализма – первого в мировой человеческой практике общества такого типа – складывалась под воздействием множества факторов, объективных и субъективных, суровых, нередко жестоких, порой безысходных, трагических обстоятельств, а иногда и под влиянием серьезных ошибок, просчетов власти, вытекавших из уровня сознания и умения как политиков, так и самих народных масс. В то же время является глубочайшей ошибкой, а сегодня и расчетливой позицией, представлять историю советского социализма в виде сплошного «недоразумения», насилия над цивилизацией, дрейфа страны в тупик... Многим людям не мешало бы понять: для того, чтобы судить о социализме как реальности, требуется нечто большее, чем их личный практический опыт и кругозор; говоря проще, с социализмом надо обращаться как с наукой – его следует изучать... и изучать серьезно. И еще. Всем, кто высокомерно пренебрегает советским опытом, неистово обличает, требует от него кристальной чистоты и совершенства, надо помнить: делать реальное, тем более неизвестное, неизведанное дело неизмеримо, тысячекратно труднее, чем рассуждать, видя «бой со стороны»...

¹³² Ленин В. И. XI съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б). Полн. собр. соч., т. 45, с. 75–76.

¹³³ Ленин В. И. К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы. Полн. собр. соч., т. 7, с. 183; т. 7, с. 80.

Глава четвертая. Освобожденный от эксплуатации и частной собственности труд – естественно- историческая и социальная ценность советского народа

Историческим началом перехода не только народов царской России, но и всего человечества к социалистическому типу общества стала Великая Октябрьская социалистическая революция, столетие которой мир отметит в 2017 году. Именно она открыла новую эпоху во всей мировой истории – эпоху практического созидания общественного устройства, качественно отличающегося и прямо противостоящего капиталистическому, буржуазному миропорядку. Произошла не просто революционная смена общественно-экономических формаций, что как раз и выражает социальный прогресс. Совершился крутой поворот, революционный скачок в истории мировой цивилизации, когда она сама наконец начала обретать адекватные ей общественно-экономические, социокультурные – ценностно-смысловые формы и содержание – и, следовательно, обозначать такие перспективы, которые делают все предшествующее развитие человечества его предысторией.

Октябрьская революция свершилась почти 100 лет тому назад, став фактом всемирной истории, но против нее классовые противники воюют так, словно она происходит сегодня, сейчас и ее можно остановить. Наиболее оголтелые реставраторы дикого капитализма все-рез заявляют... о ее «отмене». Буквально рефреном через их антикоммунистические камлания звучит: революция нелегитимна, Советская власть случайна, социализм – отклонение от нормы. Аргументы, в которых проскальзывала бы хоть капля разума, нет ни одного, лишь разнужданная демагогия, получившая в России собирательное обозначение, – «*жириновщина*» – определение самой гнусной, злобной, опрокидывающей все критерии человеческого рассудка и морали, формы клеветы. Впрочем на этом позорном поприще обозначились не только явные «жириновцы», но и деятели в академических мантиях. Один из них – литературовед, искусствовед, культуролог Д. С. Лихачев – порадовал академическую науку «открытием»: Октябрьскую революцию, утверждал он до своего ухода из жизни, «свершили пьяные, обкурившиеся *матросы*»... Подобными открытиями до краев заполнена научная, образовательная, просветительная и пропагандистская сфера реставрируемого российского капитализма. Но ее убожество, видимое невооруженным оком, особенно диким выглядит на фоне подлинных исторических фактов, событий, в сравнении с классической марксистско-ленинской мыслью.

Напрасно приписывают нам то, что мы хотим насильственно ввести социализм, говорил В. И. Ленин¹³⁴. Стремление к социализму коренилось в самой гуще народных масс, корнями уходило в ценностно-смысловое представление о социальной Правде, Равенстве, Справедливости. Даже К. Маркс, весьма осторожный в оценках революционного движения в России, допускал, что «*современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития*»¹³⁵. Неизбежность превращения российского буржуазно-помещичьего общества в социалистическое, говоря словами К. Маркса, объективно вытекала «из закона движения» самого общества того исторического времени. «Россия, – считал Ф. Энгельс, – несомненно находится накануне революции. Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть, даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше...; эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы хотя бы потому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще

¹³⁴ Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Доклад о пересмотре Программы и изменении названия партии. 8 марта 1918 г. Полн. собр. соч., т. 36, с. 56.

¹³⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

непронутый резерв всей европейской реакции. Революция эта приближается»¹³⁶ (выделено мной. – В. С.).

Она приближалась неумолимо, ибо все социально-классовые, социокультурные, ценностно-смысловые антагонизмы достигли пика остроты: на рубеже XIX–XX вв. Россия живет словно на вулкане. Ф. Энгельс хотя и находился в Германии, но на расстоянии рассмотрел главное: монархическим правлением были недовольны все – крестьяне, рабочие, интеллигенция, даже часть буржуазии. Для крестьянина и рабочего барин был чужаком во всем, даже в своем обличье, со своими непонятными ценностями жизни. Все народы, все классы, социальные слои российского общества, все люди – и те, которые желали революции и боролись за нее, и те, кого она страшила, кто боролся против ее приближения, – все ощущали (в той или иной степени), что революция на пороге общего дома под именем Россия. Интеллигенция, и революционная, и либеральная, и православная, в один голос, хотя и с разной интонацией, утверждала: страна беременна социализмом. **Главный интерес народа – рабочих, крестьян, трудовой части интеллигенции – был в одном: долой помещиков и капиталистов, долой угнетение и рабство, долой несправедливую частную собственность.** Так произошла историческая встреча: **коренные интересы, ценностно-смысловые устремления народов Российской империи объективно совпали с исторической миссией социализма, в нем они увидели то учение, ту мораль и ту надежду, которые двигали их на борьбу с царизмом.** *«Цель (и сущность) социализма: переход земли, фабрик и пр., вообще всех средств производства в собственность всего общества, и замена капиталистического производства производством по общему плану в интересах всех членов общества»¹³⁷.* Проникаясь идеями социализма, рабочие и крестьяне усваивали исходную марксистскую истину: для этого нужно победить главного врага трудящихся, ибо *«настоящий враг, которого нужно побороть, – говорил К. Маркс, – это капитал»¹³⁸.* Только тогда может произойти упразднение частной собственности, и лишь на этой основе осуществится вековая мечта: освобождение труда и человека труда от всех и всяческих форм социального гнета и эксплуатации. *«... Современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс в “Манифесте Коммунистической партии”. – В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»¹³⁹ (выделено мной. – В. С.).*

В годы «перестройки» в общественное сознание горбачевистами-контрреволюционерами и их подручными – «прозревшими марксистами» была запущена легенда о том, что уничтожение частной собственности обрекло СССР на отсталость, лишило динамики развития всех его сфер социально-экономического развития, у народа якобы исчез всякий стимул и интерес к участию в общественном производстве. «Теоретики перестройки» обвинили КПСС в том, что положение «Манифеста Коммунистической партии» об уничтожении частной собственности было неправильно переведено с немецкого на русский, иначе говоря, сфальсифицировано сталинистами.

Обращение ко всему теоретическому наследию К. Маркса и Ф. Энгельса позволяет увидеть в полном объеме и точном выражении их научную и социально-классовую позицию в вопросе частной собственности, в том числе как источника эксплуатации и угнетения народных масс. К. Маркс свою точку зрения по проблеме частной собственности многократно уточнял, выверяя все нюансы ее решения. В странице из черновой рукописи «Манифеста Комму-

¹³⁶ Энгельс Ф. Эмигрантская литература. V. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 548.

¹³⁷ Ленин В. И. Попытное направление в русской социал-демократии (1899). Полн. соч., т. 4, с. 263.

¹³⁸ Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 14 марта 1851 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 279.

¹³⁹

нистической партии» мы читаем: «Коммунисты не выдвигают никакой новой теории частной собственности. Они лишь констатируют тот исторический факт, что <средства производства> **буржуазные производственные отношения**, а тем самым и буржуазные **отношения собственности** больше не <соответствуют> <наиболее развитым> <обществ...> развитию общественных производительных сил, а потому <развитию самой промышленности>...¹⁴⁰

В «Экономическо-философских рукописях» К. Маркс, диалектически вскрывая историческое место и роль частной собственности в развитии общества, писал: «... *Человеческая жизнь нуждалась для своего осуществления в частной собственности... теперь она нуждается в упразднении частной собственности*»¹⁴¹. Чтобы положить конец социальной эксплуатации и угнетению, необходимо было уничтожить частную собственность на землю: такое требование вытекало и из самой сущности социализма как формационной и культурно-цивилизационной модели устройства общества, и из коренных интересов народных масс. «*Земельная собственность, первоначальный источник всякого богатства, стала великой проблемой, от решения которой зависит будущее рабочего класса. <...> Национализация земли стала общественной необходимостью. <...> Возделывание земли будет вестись под контролем нации и для ее блага. <...> Национализация земли произведет полную перемену в отношениях между трудом и капиталом, и в конечном счете совершенно уничтожит капиталистический способ производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве*»¹⁴². Только в таком случае «преступная цивилизация, основанная на порабощении труда»¹⁴³, лишится своего экономического фундамента и своего несправедливого паразитического существования, ибо иного источника бытия у нее просто нет.

Так, говоря чрезвычайно лапидарно, ставили вопрос и отвечали на него основоположники марксизма-ленинизма. Ликвидация частной собственности, обобществление средств производства, во-первых, создает экономическую основу уничтожения эксплуатации человека человеком; во-вторых, открывает простор для социального развития общества, которое «станет развиваться вокруг солнца труда»¹⁴⁴; в-третьих, меняет ценностное представление о богатстве. Если для эксплуататора-капиталиста и обслуживающего его чиновничества главной ценностью является размер капитала, чем больше, тем ценнее, то для человека труда высшая ценность – он сам, его жизнь во всех ее человеческих проявлениях. «**Богатый человек**» – это не «мешок с деньгами», «**это человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда**»¹⁴⁵. Иначе говоря, речь идет о диалектике того социального и духовного состояния человека, который обладает ясностью в понимании объективного смысла жизни и своего личного, субъективного места и роли в ней, в котором живет ощущение того, что он существует не ради того, чтобы сытно есть и вкусно пить, – он значим своей сопричастностью к великому делу творчества и созидания. Единственно правильный ответ на главные ценностно-смысловые вопросы «*жизнь, зачем ты мне дана?*», «*в чем смысл жизни?*», «*что такое счастье?*», возникающие перед каждым человеком, живущим не только желудочно-кишечным трактом, **может быть найден только в созидательном, творческом, свободном труде на благо своего народа и вместе с народом**.

¹⁴⁰ Маркс К. Страница из черновой рукописи «Манифеста Коммунистической партии». // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 366.

¹⁴¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 144.

¹⁴² Маркс К. Национализация земли. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 54–57.

¹⁴³ Маркс К. Гражданская война во Франции. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 361.

¹⁴⁴ Маркс К. Послесловие ко второму изданию «Разоблачений о Кельнском процессе коммунистов». // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 551–552.

¹⁴⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 591.

Великая Октябрьская социалистическая революция, строительство социализма в СССР позволили решить и эту историческую задачу. Прежде всего было обеспечено **право на труд** – **главное социальное право человека** впервые в мировой истории стало в СССР реальностью. «Процесс труда» – это «вечное естественное условие человеческой жизни»¹⁴⁶, – **освобожденный от эксплуатации, стал обретать и естественное гуманистическое содержание, становиться истинной общественной и личной ценностью**. Для социализма характерна всеобщность труда. В социалистическом обществе нет классов, слоев, социальных групп, которые бы не принимали участия в общественно полезном труде. Право на труд законодательно закреплено в Конституции социалистического государства. Статья 40 Конституции СССР гласила: «**Граждане СССР имеют право на труд – то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера, – включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей. Это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям, развитием систем профессиональной ориентации и трудоустройства**».

Великое право на труд в СССР не просто было закреплено юридически, оно неуклонно проводилось в жизнь всей государственной и общественно-политической системой страны. **Одним из величайших достижений советского народа стала ликвидация безработицы как социального явления**. Если на 1 января 1929 года в стране на биржах труда было зарегистрировано 1741 тысяча безработных, то уже на 1 октября 1930 года их осталось лишь 240 тысяч, а в дальнейшем безработица была полностью ликвидирована, чего не смог добиться капитализм – ни в прошлом, ни в настоящем. **О человеке труда заботились все: государство, КПСС, профсоюзы, ВЛКСМ, средства массовой информации и культуры – он был главной ценностью советского жизнеустройства. Рабочего, инженера, врача, учителя, любого труженика нельзя было «просто так» выпшвырнуть на улицу, отнять у него жилище, лишить семью куска хлеба, как это теперь делается на всем капитализируемом постсоветском пространстве**. Выдающихся людей труда – строителей, шахтеров, металлургов, хлеборобов, инженеров, агрономов, шоферов, летчиков, врачей, учителей, писателей, журналистов – знала вся страна, ими гордились, их славил, о них снимали кинофильмы и им ставили памятники, они работали в органах Советской власти, принимали государственные решения. Контрреволюция уничтожила труд как естественное состояние человеческой жизни и саму память о ЧЕЛОВЕКЕ ТРУДА. На подиуме политической и всей общественной жизни теперь – отвратительная физиономия его претратора капитала и его обладателей.

Человек труда и сам труд исчезли как ценности с арены общественной жизни современной России, ибо пирамида общественных ценностей перевернута с ног на голову... Статья 37.1 Конституции РФ 1993 г., принятой после контрреволюционного расстрела из танков Верховного Совета РСФСР, гласит: «*Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию*». В этой спекулятивной «новелле» не провозглашается **ПРАВО на ТРУД**, а лишь право «распоряжаться своими способностями к труду». Но как ими можно распоряжаться, когда тебе никто не гарантирует рабочего места, а если работник «проявит свои способности», которые не понравятся «хозяину», его просто выбросят на улицу. **В России за годы контрреволюции уничтожено 70 тысяч производств – миллионы людей пошли куда глаза глядят. Та же картина во**

¹⁴⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195.

всех постсоветских государственных образованиях. Миллионы мигрантов – бывших советских людей – мыкаются по всему свету в поисках работы. Это – преступление, совершенное «реформаторами», поистине трагедия вселенского масштаба.

Возвращение труда в «вечное естественное условие человеческой жизни», утверждение его в качестве главной смыслообразующей ценности могло произойти только с ниспровержением буржуазно-помещичьего жизнеустройства, устранением частной собственности как главного источника эксплуатации. Этот диалектически многосторонний и взаимосвязанный в своих составных частях процесс был проявлением объективного движения (развития) общества. Но все объективные закономерности в истории неизбежно сопрягаются с субъективными факторами. *«История развивается по объективным законам»*, правомерно и доказательно говорит марксизм, но в истории *«ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»*, добавим от себя – без ценностной ориентации и выбора. *«...Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества стремлений и их разносторонних воздействий на внешний мир – это именно и есть история. Вопрос сводится, стало быть, к тому, чего хочет это множество отдельных лиц»*¹⁴⁷ (выделено мной. – В. С.).

Применительно к России рубежа XIX–XX вв. Н. А. Бердяев, хорошо знавший социально-политическую ситуацию в стране, приведенное марксистское положение выразил собственной характеристикой объективной и субъективной неизбежности прихода социализма в Российскую империю. *«...Это было определено всем ходом русской истории. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом русского народа. <...> Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на унижении и эксплуатации трудящихся, но он кротко и смиренно нес свою страдальческую долю. Но наступил час, когда он не пожелал больше терпеть, и весь строй души народной перевернулся»*¹⁴⁸. Тогда и вырвалась наружу революционная энергия миллионных масс народа, направленная как против прежних социальных и политических отношений царизма, основанных на угнетении и эксплуатации трудящихся, так и против основных социокультурных ценностей буржуазно-помещичьего строя. Многовековой раскол по классовому, социально-ценностному основанию на *«господ»* и *«народ»*, на *«хозяев жизни»* и *«дураков»* получил свое окончательное разрешение сначала в свержении власти эксплуататоров и установлении власти Советов (как в центре, так и на местах), а затем – в Гражданской войне, которую развязали свергнутые помещики и капиталисты, царские офицеры и генералы, монархическое и конфессиональное госчиновничество.

Революция и последовавшая за ней Гражданская война, во-первых, окончательно развели *«господ»* и *«народ»* по разную сторону политических баррикад, а во-вторых, высветили классовую противоположность и несовместимость основополагающих ценностей эксплуатируемых и эксплуататоров: они, эти ценности, тоже оказались в междоусобной войне и жесточайшим образом противостояли друг другу. Ценности *«господ»*, классово эгоцентрические, буржуазные по своей сути, воплощались в контрреволюционном устремлении и дальше угнетать свой народ, для чего сохранить частную собственность, власть, комфортно-паразитический образ жизни. Ценности восставших рабочих и крестьян, социалистические по своему историческому содержанию, были направлены на завоевание свободы, социального равенства и социальной справедливости, то есть достижение всего того главного, что отвечало интересам широких народных масс. **Эти ценностно-смысловые устремления были выражены емко и конкретно: землю – крестьянам; фабрики – рабочим; власть – Советам; мир – народам. Это и был социализм в своем ценностном выражении. Народное сознание наполняло представление о социализме как высшей общественной ценности целой**

¹⁴⁷ Маркс К. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306.

¹⁴⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 102.

суммой социальных и духовных характеристик нового общественного мироустройства:

- **свобода, справедливость, равенство** – установление власти народа, уничтожение угнетения человека человеком;
- **правда, нестяжательство** – каждому только по труду, не работающий да не ест;
- **братство, всеединство** – «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; в единении – ключ к освобождению от мира капитала; во взаимопомощи – наша непобедимость;
- **светлое «царство» рабочих и крестьян, их достойная и счастливая жизнь** – свободный труд на свободной земле, хозяин – человек труда; наука, образование, культура – всеобщее достояние;
- **истoki добра для всех** – наша общинность, коллективизм, коммунизм.

Эти вековые ценностно-смысловые устремления народных масс нашли свое конкретное воплощение в декретах Советской власти, которые сами стали исторической ценностью и продолжают оставаться ею и в наше время. Один из первых законов был написан В. И. Лениным – Декрет о земле – принят в ночь с 26 на 27 октября (с 8 на 9 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов. Он включал общекрестьянский наказ о земле, составленный на основе 242 местных наказов. Все помещичьи, церковные, монастырские земли конфисковывались вместе с инвентарем и постройками и передавались крестьянским комитетам и Советам для распределения между крестьянами. Крестьянство получило свыше 150 миллионов десятин земли, освобождалось от уплаты помещикам ежегодно 700 миллионов рублей золотом за аренду и от долгов в 3 миллиарда рублей. В 1917–1918 гг. Советское государство национализировало крупную промышленность, транспорт, внешнюю торговлю, частные банки. **Социалистическая национализация, ликвидировав частную собственность на средства производства, уничтожила тем самым эксплуатацию человека человеком – это произошло впервые в мировой истории и останется великим ценностно-смысловым символом и социальным маяком для будущих поколений людей.**

Ответом на это историческое деяние народа, на его бесспорно справедливое право «*владеть землей, а паразитам нет*», последние ответили тотальной, самой жестокой и кровавой войной против рабочих и крестьян. Эта классовая ярость была ожидаемой. Ведь «*класс эксплуататоров, помещиков и капиталистов не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплуататоры разбиты, – говорил В. И. Ленин, – но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи. Энергия сопротивления их возросла, именно вследствие их поражения, в сотни и в тысячи раз*»¹⁴⁹.

В ходе Гражданской войны (1918–1920), развязанной бывшими капиталистами, помещиками, царскими чиновниками, а также интервенции, организованной империалистами Антанты, погибло (по разным источникам) от 12 до 15 миллионов человека¹⁵⁰. Это преступление никогда не будет смыто с контрреволюционных сил, вставших на защиту прогнившего царского, буржуазно-политического режима, призвавших на войну со своим народом английских, французских, американских, немецких, японских, чехословацких, итальянских интервентов. Вместе с ними они убивали не просто красноармейцев, а мирное население, отвергнувшее царизм, помещиков и капиталистов, а потому не поддерживавшее и белые армии Деникина, Врангеля, Колчака, Юденича, банды Семенова, Дутова, Петлюры и др. Белые генералы готовы были продать Россию кому угодно – и оптом и в розницу – ради сохранения эксплуататор-

¹⁴⁹ Ленин В. И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Полн. собр. соч., т. 39, с. 280.

¹⁵⁰ См.: Кораблев Ю. И. Гражданская война 1918–1920 годов: Новые подходы. // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989, с. 57.

ского режима. Уже 23 декабря 1917 г. член правительства Великобритании лорд Мильнер и премьер-министр Франции Жорж Клемансо подписали в Париже конвенцию «О действиях на юге России», согласно которой «сферой влияния» Англии становились «казацкие территории, Кавказ, Армения, Грузия, Курдистан», а к Франции отходили «Бессарабия, Украина, Крым»¹⁵¹.

Выдающийся русский советский историк и философ Ю. И. Семенов научно, политически и нравственно очень точен в своем выводе: «...*Со стороны красных война была не только классовой, но и отечественной. Красные были не только революционерами, но и патриотами. Они боролись за независимость своей родины и против ее расчленения. Белые режимы были одновременно и антинародными, и антинациональными. Поэтому они с неизбежностью рухнули. Большевики победили, ибо за ними шла большая часть народа*»¹⁵² (выделено мной. – В. С.). Переводя этот вывод маститого ученого с исторического языка на аксиологический, можно без натяжки сказать: в этой войне с наибольшей силой проявилось народное понимание справедливости как высшей ценности, ради которой можно и жизнь отдать. История Гражданской войны красных против белых – защитников царского, буржуазно-помещичьего режима – оставила немало красноречивых документов, из которых приведем лишь один. Это – листовка политотдела 4-ой армии красных (1919 г.). Текст приводится в том виде, в каком он дошел до нас.

ЗАПОВЕДИ КОММУНИЗМА

Сознательно, безкорыстно и без принуждения, вступая в партию коммунистов-большевиков,

Даю слово:

1. Считать своей семьей всех т.т. Коммунистов и всех, разделяющих наше учение не на словах только, но и на деле.
2. Бороться за рабочую и крестьянскую бедноту до последнего вздоха.
3. Трудиться по мере своих сил и способностей на пользу пролетариата.
4. Защищать Советскую власть, ее честь и достоинство, словом, делом и личным примером.
5. Ставить партийную дисциплину выше личных побуждений и интересов.
6. Исполнять беспрекословно и безропотно все возложенные на меня руководителями по партии обязанности.
7. Поддерживать слабых духом т.т. по партии и обличать корыстолюбцев, если замечу таковых в партии.

Обязуюсь:

1. Не щадить и не покрывать сознательных врагов трудового народа, хотя бы этими врагами оказались бывшие друзья и близкие родственники.
2. Не поддерживать дружбу с врагами пролетариата и со всеми враждебно нам мыслящими.
3. Привлекать к учению Коммунизма новых его последователей.
4. Воспитывать свою семью, как истинных коммунистов.

Обещаюсь:

1. Встретить смерть с достоинством и спокойно за дело освобождения трудящихся от ига насильников.
2. Не просить у врагов трудящихся пощады ни в плену, ни в бою.

¹⁵¹ См.: Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 2. М., 1997, с. 4–5.

¹⁵² Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности и до наших дней. М., 2003, с. 504.

3. Не прикидываться пред врагами, иначе мыслящими, ради личных выгод или корысти.

Отрекаюсь:

1. От накопления личных богатств, денег и вещей.

2. Считаю позором азартную игру и торговлю, как путь к личной наживе.

3. Считаю постыдным суеверие, как пережиток тьмы и невежества.

4. Считаю недопустимым делить людей по нации, религии, языку, родству и состоянию, зная, что в будущем все трудящиеся на земле сольются в одну великую семью.

Я пощажу лишь того, кто обманут и увлечен по темноте своей врагами.

Я прошу и забуду старые преступления лишь тех, кто искренно раскаялся, перешел к нам из стана врагов и делом искупил свое прошлое.

Если-же я отступлю от этих обещаний сознательно, корысти или выгод ради, то буду я отверженным и презренным предателем.

Это значит, что я лгал себе, лгал своим товарищам, лгал своей совести и недостойн звания человека.

Агитационно-организационный отдел

Политода 4-й армии

Как видим из текста листовки, волнующего и страстного документа, красные защищали свою свободу, трудовой народ, Отечество, а потому не жалели самой жизни, их жертвенность была поистине бесценной... Белые дрались за собственные шкурные интересы, а потому разрушали и уничтожали все, что стояло на их пути, зверства защитников царизма не знали предела. Контрреволюция жестоко разрушала экономику страны: не трудом свергнутых эксплуататоров она создавалась, а потому они не знали ей цену, ее было не жалко. В 1921 г. объем производства крупной промышленности составил 21 % от уровня 1913 г., а данные по отдельным ее секторам были еще более ужасными. Производство чугуна в чушках сократилось с 4,2 млн тонн до 0,1 млн тонн, стали – с 4,3 млн тонн до 0,2 млн тонн, угля – с 29 до 9 млн тонн. Индекс объема сельхозпроизводства составил 60 % по сравнению с 1913 г., индекс железнодорожных перевозок по тоннажу упал с 132,4 до 39,4, индекс экспорта – с 1520 до 20¹⁵³. *«Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиства»,* – обращался В. И. Ленин к питерским рабочим в письме *«О голоде»*. – *«Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловном равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, то есть топлива, тоже крайний недостаток: встанут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно-строгой экономики потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко»*¹⁵⁴ (выделено мной. – В. С.).

В этих условиях, **во-первых**, решался вопрос не о непосредственном строительстве социализма, а о том – *«кто кого?»*, то есть о судьбе самой революции, которую хотели удушить в колыбели свергнутые помещики и капиталисты, вместе с империалистическими интервентами. *«...Мы явно погибнем и погубим всю революцию, если не победим голода в ближайшие месяцы»*, – писал В. И. Ленин наркому труда А. Г. Шляпникову¹⁵⁵. *«Добыть хлеб – вот на сегодня основа социализма»* – эти ленинские слова, исполненные драматического исторического смысла, передают даже английские источники¹⁵⁶.

¹⁵³ Данные приводятся из сборника «Отчет Лиги Наций об экономическом положении России за 1922 год». // См.: Кларк Рональд. Ленин. Человек без маски. М., 1989, с. 212, 230.

¹⁵⁴ Ленин В. И. О голоде (Письмо к питерским рабочим). Полн. собр. соч., т. 36, с. 359.

¹⁵⁵ Ленин В. И. Письмо А. Г. Шляпникову. Полн. собр. соч., т. 50, с. 82.

¹⁵⁶ Цит. по: Кларк Рональд. Ленин. Человек без маски. Перевод с английского. М., 1989, с. 155.

Во-вторых, в стране происходил массовый саботаж государственных служащих, стремившихся вызвать хаос, панику, голод, всеобщее недовольство советским правительством. Американский писатель, журналист Джон Рид (1887–1920)¹⁵⁷, будучи историческим свидетелем Октябрьской революции, оставил нам документальное описание контрреволюционных действий царских чиновников. Частные банки упрямо не желали открываться, но спекулянты отлично обделывали в них свои дела с заднего крыльца. Когда появлялись большевистские комиссары, служащие уходили, причем прятали книги и уносили с собой фонды. Бастовали и все чиновники Государственного банка.... Саботаж был всеобщим: в министерстве сельского хозяйства, торговли и финансов, в министерствах труда и иностранных дел, народного образования, Академии художеств и министерстве двора, ведавшего императорскими театрами. Большевиков контрреволюция пыталась поставить в безвыходное положение, а на народ ей было наплевать. Как в этих условиях было начинать строительство социализма – вопрос, что называется, не для наивных...

В-третьих, уже весной 1918 года Советская Россия представляла собой конгломерат самоуправляющихся, а фактически «самостийных» территорий и хозяйственных единиц, страну с разорванными экономическими связями и слабой центральной властью. Возникла масса различных образований (местные «совнаркомы», «трудовые коммуны», федерации «трудовых коммун» и др.), каждое из которых считало себя вправе полагать: «Мы власть на местах, мы приемлем декреты центральной власти постольку, поскольку они для нас приемлемы», и совершенно спокойно отвергнуть притязания центральных комиссариатов на руководство. Многие решения центральной власти просто не проходили в жизнь. Они либо с ходу отвергались, либо происходила произвольная интерпретация поступающих из центра «сигналов». Советское правительство во главе с В. И. Лениным все очевиднее ощущало безжалостную, губительную истину: никакие экономические и иные социалистические преобразования невозможны до тех пор, пока «каждая губерния представляет из себя самостоятельную... советскую республику». Нужно было приостановить мелкобуржуазную стихию, вспышки индивидуального и группового эгоизма, выражавшегося в мешочничестве, спекуляции, обуздать анархию, царившую на рынке и в самой жизни целых регионов страны. Без этого нечего было и думать о строительстве социализма.

В-четвертых, не приходится говорить и о благоприятных международных предпосылках для начала социалистического строительства в России после победы Октябрьской революции. Возникшая Советская Республика в империалистическом мире воспринималась как «гадкий утенок в стае белых лебедей». «Пока наша Советская республика остается одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать о полной нашей экономической и независимости и об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом»¹⁵⁸, – говорил В. И. Ленин. Сегодня либералы любят говорить о «железном занавесе», которым якобы СССР отгородился от всего «цивилизованного мира». Тем, кто страдает потерей памяти или живет в мире лжи, стоит напомнить, что «санитарные кордоны» и «железный занавес» вокруг Советского государства сооружали западные империалистические державы. Осенью 1919 года в Москве побывала делегация английской лейбористской партии, именно тогда ее глава Этель Сноуден назовет положение вокруг Республики Советов «железным занавесом»¹⁵⁹. И неслучайно: хотя Антанта отказалась от военных действий, но империалистическое давление продолжалось («надо было задушить младенца в

¹⁵⁷ Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 215.

¹⁵⁸ Ленин В. И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 года. Полн. собр. соч., т. 42, с. 135.

¹⁵⁹ Кларк Рональд. Ленин. Человек без маски. Перевод с англ. М., 1989, с. 232.

колыбели», – сокрушался Черчилль) – это давление будет продолжаться все годы существования Советского государства.

В-пятых, наконец, то, что чаще всего ускользает от массового, обыденного, а нередко и теоретического сознания. Главнейшая особенность послереволюционного периода в России состояла в том, что необходимых материальных предпосылок для перехода огромной по территории, полиэтнической по национальному составу, пестрой по социально-экономическим укладам страны к социализму как целостной системе не было ни после победы Октябрьской революции, ни тем более после окончания Гражданской войны. Проникновение в суровую диалектику развивавшегося конкретно-исторического процесса подводило В. И. Ленина к не менее суровому теоретическому и политическому выводу: «Неужели не ясно, что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в “преддверии” социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, “преддверие”, в дверь социализма не войдешь?»¹⁶⁰.

Вот в каких исторических условиях В. И. Ленину, партии большевиков нужно было решать вопрос о том, как, образно говоря, «войти в дверь социализма», утвердить ростки социалистических ценностей на деле, из теоретических, утопических мечтаний сделать их фундаментом нового, невиданного еще в истории мироустройства. Для этого мало было свергнуть царизм, завоевать политическую власть. Во-первых, ее надо было еще удержать. Во-вторых, предстояло решать невероятно сложный по содержанию и огромный по объему комплекс социально-экономических, хозяйственных, культурных, организационно-управленческих и иных задач, чтобы войти все же «в дверь социализма». В октябре 1919 года В. И. Ленин пишет статью «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», в которой говорит: «Трудящиеся освобождены от вековых угнетателей и эксплуататоров, помещиков и капиталистов. Этот шаг вперед действительной свободы и действительного равенства, шаг, по величине его, по размерам, по быстроте невиданный в мире», «потому так прочно стоят за Советскую власть» трудящиеся¹⁶¹. Но, говорит дальше Ленин, «общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равносильны слепому повторению понятий, являющихся слепком с отношений товарного производства. Посредством этих общих фраз решать конкретные задачи диктатуры пролетариата значит переходить, по всей линии, на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии. С точки зрения пролетариата, вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности» и т. д.»¹⁶².

Надо было пройти через переходный период, который **«не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом», «в России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны»**¹⁶³ (выделено мной. – В. С.). В. И. Ленин хорошо знал, насколько «своеобразна и пестра Россия», как тесно «переплетаются в ней различные типы общественно-экономического уклада», в должной мере оценивал опасность «мелкобуржуазной стихии», которая борется «против социализма»¹⁶⁴. Вывод Ленина о материальном (экономическом, производственном) «преддверии» социализма был глубоко обоснован и раскрыт во многих его теоретических работах. Пролетарская революция победила в стране, которая по

¹⁶⁰ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Полн. собр. соч., с. 36, с. 303.

¹⁶¹ Ленин В. И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Полн. собр. соч., т. 39, с. 276.

¹⁶² Там же, с. 281.

¹⁶³ Там же, с. 271–272.

¹⁶⁴ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Полн. собр. соч., т. 36, с. 296.

многим позициям социально-экономического и культурного развития была отсталой, в ней не было того государственно-монополистического капитализма, который «при революции непосредственно переходит в социализм»¹⁶⁵. В. И. Ленин писал, что Россия «*остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полуголодной, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, вдесятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки*»¹⁶⁶.

Несмотря на быстрое развитие капитализма в России страна оставалась крестьянской, аграрной, слабо развитой в индустриальном отношении. В экономике преобладало сельское хозяйство, продукция которого по отношению к продукции промышленности составляла примерно 60: 40. В рамках фабрично-заводской индустрии превалировало производство предметов личного потребления. К тому же капиталистический сектор был опутан пережитками крепостничества, феодализма. Во многих зонах страны царили патриархальные, родоплеменные отношения. На долю горожан приходилась лишь пятая часть жителей империи. Численность наемных рабочих, занятых во всех отраслях промышленности, в торговле и на транспорте, не превышала 12 миллионов человек, и лишь 4 миллиона из них работали на заводах и фабриках, на шахтах и рудниках, в железнодорожных депо. *Говорить о высокой степени индустриализации как о материальной предпосылке социализма в этом случае не приходится.*

В этих исторических условиях В. И. Ленин и его единомышленники – большевики вели поиск такой модели социализма, которая, с одной стороны, отвечала бы научным, марксистским критериям, а с другой, была бы адекватной социально-экономическим, политическим, культурным, внутренним и внешним обстоятельствам. Разумеется, при всех ситуационных коллизиях эта модель должна была выражать интересы рабочих и крестьян, всех трудящихся масс России. Кто этого не знает, не понимает или сознательно игнорирует, тот никогда не даст ответа на генеральный вопрос науки и социальной практики: **«Что такое СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ как формационная и культурно-цивилизационная реальность, как историческая ценность, рожденная творчеством народных масс в конкретно-исторических условиях? Насколько эта ценностно-смысловая реальность, возникшая в первой половине XX столетия, соответствует критериям мирового социального прогресса, а если не соответствует, то в чем именно и в силу каких причин – объективных и субъективных?»**.

И еще одно неперемное условие: тот, кто игнорирует такой исторический фактор, как «ВРЕМЯ», рискует заблудиться в потемках схоластики и, скажем откровенно, может легко стать пленником невежественных оценок и выводов. В. И. Ленин как никто другой понимал великое значение этого объективного фактора, а потому говорил: «...**Выиграть время – значит выиграть все...**»¹⁶⁷. Это великолепно понимал и И. В. Сталин и учил партию и весь народ: «*Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут*»¹⁶⁸.

Когда сегодня люди, называющие себя марксистами (о либералах в данном случае речь не идет вообще), не видят ничего положительного в советском социализме, постоянно говорят о том, что он чего-то «не сделал», или «сделал не так», то они явно далеки от диалектико-материалистического понимания атрибута времени. Во-первых, всякое развитие, в том числе любого типа общества, происходит в *реальном времени*, во-вторых, всякому организму (от рождения ребенка и до расцвета того или иного общества) для его созревания требуется *свое время*, в-третьих, *только время* выявляет направленность развития общества, зрелость его подсистем, гуманистический потенциал ценностей. Феодальное общество в Европе просу-

¹⁶⁵ Ленин В. И. К пересмотру партийной программы. Полн. собр. соч., т. 34, с. 373.

¹⁶⁶ Ленин В. И. Как увеличить размеры душевого потребления в России. Полн. собр. соч., т. 23, с. 360.

¹⁶⁷ Ленин В. И. III Конгресс Интернационала. Доклад о тактике РКП. Полн. собр. соч., т. 44, с. 50.

¹⁶⁸ Цит. по: Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004, с. 154.

ществовало примерно одну тысячу лет, капиталистическое свыше 500 лет. Советскому социализму позволили прожить чуть более 70 лет, половину из которых народ воевал и заново отстраивал разрушенное интервентами...

«Советское общество при всех его плюсах и достижениях не отвечало в целом идеалам социализма»¹⁶⁹, – читаем мы в материалах международной научной конференции «Перспективы социализма в России» (3–4 октября 2000 г., МГУ им. М. В. Ломоносова). Все поражает в данном умозаключении, особенно словечко *«в целом»*... **Во-первых**, во многих своих проявлениях оно отвечало требованиям, а значит, и идеалам социализма. Иначе откуда же, на какой почве произросли воля, энергия, самоотверженность советского народа в его защите от многочисленных врагов? Самоотверженность, какой не знает мировая история! **Во-вторых**, советский социализм не был и не мог быть полным идеалом по той причине, что *«мы имеем дело здесь не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»¹⁷⁰*. (Попраение основ материалистической диалектики неизбежно оборачивается невежественными оценками и выводами.) **В-третьих**, автор сего умозаключения умолчал, к сожалению о том, как другие общественные системы стали отвечать идеалам? Как быстро английское буржуазное общество после революции 1640–1689 гг. стало идеальным? Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» в 1845 году, т. е. через 156 лет (а не 70, что прожило советское общество), показал ужасающие язвы этого «классического» капитализма... А насколько «идеальны» США сегодня, спустя 200 лет после окончания гражданской войны между Севером и Югом?.. Увы, вывод сделаем один: предвзятость – хуже невежества...

Большевикам приходилось действовать в экстремальных исторических условиях и, следовательно, выбирать соответствующие способы, средства, пути прежде всего спасения самой Советской власти и одновременно направления строительства основ социалистического общества. Первоначально выбор большевиков, на который очень сильно повлияла Гражданская война и разруха в стране, принял форму *военного коммунизма*. В его основе лежала продразверстка, проводимая в соответствии с принятым в январе 1919 года декретом *«О разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями»*. Это была вынужденная мера. *«...Мы, – говорил В. Ленин, – будучи в осажденной крепости, не могли продержаться иначе, как применением разверстки, т. е. взять все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем»¹⁷¹*. Военный коммунизм включал также и другие меры: а) введение всеобщей трудовой повинности в соответствии с принципом «Кто не работает – тот не ест»; б) привлечение буржуазии к обязательному физическому труду; в) запрещение свободной торговли и др. В той конкретно-исторической обстановке политика военного коммунизма была единственно возможной и дала возможность выйти из положения смертельной опасности. *Но она была явлением временным и не отражала стратегии социалистического строительства.*

Более того, продолжение продразверстки вело к росту недовольства крестьян, сокращению посевных площадей, понижению урожайности, уменьшению реального поступления хлеба государству. В стране начались волнения и крестьянские восстания (в Тамбовской, Воронеж-

¹⁶⁹ Воейков М. И. Дилемма социализма в России: евразийская и рыночная версии. // Современная Россия и социализм (опыт непредвзятой дискуссии). М., 2000, с. 51.

¹⁷⁰ Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18.

¹⁷¹

ской губерниях, в Среднем Поволжье, на Дону, Кубани и др.). В феврале 1921 г. вспыхнуло восстание в Кронштадте, сопровождавшееся забастовками в Петрограде. Возникла новая опасность утраты завоеваний Октябрьской революции, потеря доверия со стороны рабочего класса и беднейшего крестьянства и, следовательно, самой Советской власти. В этих условиях В. И. Ленин формулирует дальнейший план действий Советского государства, который получит название «**Новая экономическая политика**» (НЭП). Ее основы изложены в ряде ленинских работ: «Очередные задачи Советской власти», «О внутренней и внешней политике республики» (Отчет ВЦИК и СНК на IX съезде Советов 23 декабря 1924 г.), «Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики»; «Проект директив Политбюро о новой экономической политике», «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики», «О кооперации» и др.

Основное социально-экономическое содержание НЭПа – широкое использование товарно-денежных отношений и формы связи между различными укладами переходной экономики, а также между социалистическими предприятиями. В деревне – переход от продразверстки к продналогу, оставлявшему крестьянам некоторые излишки, которые поступали в свободную торговлю, допущение *государственного капитализма* в виде концессий, аренды мелких предприятий, смешанных акционерных обществ в сфере производства и обращения под строгим контролем государства, использование товарно-денежных рычагов в управлении народным хозяйством, перевод рабочих и служащих с натуральной на денежную форму оплаты, введение хозрасчета, расширение госторговли предметами потребления, укрепление курса рубля путем денежной реформы.

Отношение к НЭПу всегда было неоднозначным, остро противоречивым. Многие в партии не могли понять идею компромисса этой программы, которая была направлена на то, чтобы выиграть время и вывести страну на уровень капиталистических государств как по промышленному, так и по сельскохозяйственному производству. При этом основной задачей НЭПа было обеспечение прочного союза между рабочим классом и крестьянством как высшего принципа диктатуры пролетариата – основы Советской власти. Даже среди стойких большевиков появились страхи относительно того, что НЭП означает начало конца социалистических перемен, завоеванных Октябрьской революцией, что Ленин отходит от коммунистических принципов. На Западе, наоборот, жили в предвкушении буржуазного перерождения Советской власти и возвращения России на рельсы капитализма. Так, У. Черчилль о введении НЭПа написал буквально следующее: «Он (т. е. Ленин. – В. С.) *отрекся от идеалов, за веру в которые послал на смерть столько народу. В конце концов, они, наверное, действительно правы. Им не повезло, что он не понимал всего этого раньше*»¹⁷².

Нет, В. И. Ленин как раз понимал все очень хорошо и как всегда смотрел далеко вперед. Гениальный стратег и великолепный тактик, он шел на временное развитие госкапитализма, чтобы вырвать молодую Республику Советов из разрухи, учиненной белыми и интервентами, преодолеть нищету, голод и холод рабочих и крестьян. Ибо в тех условиях, говорил он, «государственный капитализм экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика...»¹⁷³. Но в этом «нет для Советской власти ничего страшного, ибо Советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты»¹⁷⁴. Идя на введение НЭПа, осуществление кооперирования населения страны, В. И. Ленин подчеркивал, что успех этой политики будет обеспечен, «раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства»...¹⁷⁵ «В самом деле, –

¹⁷² Цит. по: Кларк Рональд. Ленин. Человек без маски. Перевод с англ. М., 1989, с. 238.

¹⁷³ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Полн. собр. соч., т. 36, с. 295.

¹⁷⁴ Там же, с. 299.

¹⁷⁵ Ленин В. И. О кооперации. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369.

убеждал он сомневающихся и колеблющихся, – *власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.* – разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгошескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при НЭПе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»¹⁷⁶.

Не только современники В. И. Ленина, но и нынешние скептики в отношении реального советского социализма, увидавшие вместе с горбачевистами в НЭПе всеобщую, вневременную панацею, не «заметили» самого главного, фундаментального смысла ленинского подхода: *«В обстановке нашей теперешней экономической действительности, когда мы соединяем частнокапиталистические представления – но не иначе, как на общественной земле, и не иначе, как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу, – с предприятиями последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом)...*»¹⁷⁷ (выделено мной. – В. С.). При этом Ленин подчеркивал, что *«эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, как правильно уже замечено, не навсегда»*¹⁷⁸; *«чтобы более подготовлено перейти опять к наступлению на капитализм»*¹⁷⁹.

Насколько оправдались политические и социально-экономические расчеты В. И. Ленина? Как показали уже ближайшие годы, определенное допущение капиталистических элементов при безусловном сохранении командных высот в руках Советского государства обеспечило быстрое восстановление народного хозяйства, промышленное производство получило определенный импульс для своего развития. К 1926 году государственная крупная промышленность превзошла уровень 1913 г. на 12 %. Но главным итогом НЭПа, несмотря на ее противоречивую, переходную природу, явился рост рабочего класса, укрепление его связи с крестьянством, упрочение диктатуры пролетариата. Но уже через год, весной 1922 года на XI съезде РКП(б) В. И. Ленин заявил: *«Мы год отступали... Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился»*¹⁸⁰.

Стало ясно: НЭП позволил решить ряд острых проблем текущего момента, но он был не в состоянии дать необходимый ресурс, стать механизмом для всей стратегии социалистического строительства. От политики восстановления промышленности нужно было переходить к строительству новых производств, то есть к *индустриализации страны*. А страна по-прежнему оставалась преимущественно аграрной, крестьянской, основная масса работающих была занята ручным трудом. *«Если исходить из имевшихся у нас заводов – социализма нам никогда не создать. И количественно, и качественно они для этой цели не годятся»*¹⁸¹ – так характеризовал суровую действительность того времени председатель ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинский. А это значит, что рассчитывать на победу социализма в империалистическом окружении не приходилось.

¹⁷⁶ Там же, с. 370.

¹⁷⁷ Ленин В. И. О кооперации. Полн. собр. соч., т. 45, с. 374.

¹⁷⁸ Ленин В. И. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК IX съезду Советов 23 декабря 1924 г. Полн. собр. соч., т. 44, с. 311.

¹⁷⁹ Ленин В. И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. Полн. собр. соч., т. 44, С. 342.

¹⁸⁰ Ленин В. И. XI съезд РКП(б). Политический отчет Центрального Комитета РКП(б). Полн. собр. соч., т. 45, с. 87.

¹⁸¹ Цит. по: Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989, с. 190.

Индустриализация (лат. *industria* – деятельность) – это процесс развития производительных сил страны, ведущий к преобладанию тяжелой индустрии, крупного машинного производства, способного оснастить народное хозяйство передовой технологией. Этот процесс означает одновременное изменение и характера труда. На основе новой техники и технологии постепенно ликвидируются тяжелый физический ручной труд, грязные монотонные работы, развивается духовная, творческая сторона трудовой деятельности. В молодой Республике Советов индустриализация была осуществлена за годы довоенных пятилеток (1929–1940). Она осуществлялась неведомым ранее путем. Без внешних источников финансирования, без ожидания многолетних накоплений за счет развития легкой промышленности. Осуществлялась быстро, никогда невиданными в мире темпами. За счет внутренних резервов и прежде всего за счет деревни, крестьянства. Деревня, сельское хозяйство по причине выкачивания из них средств пострадали. Но страна совершила индустриальный рывок и выиграла историческое время. За короткий срок ценой невероятного напряжения всех физических и духовных сил народа – рабочих, крестьян, интеллигенции – в действие было введено 9 тысяч крупных государственных промышленных предприятий, оснащенных передовой техникой. Валовая продукция промышленности возросла в 6,5 раз, в том числе производство средств производства в 10 раз. В 1937 г. свыше 80 % промышленной продукции дали новые производства. По объему промышленной продукции СССР вышел на 1-е место в Европе и 2-е место в мире. Был создан ряд новых отраслей индустрии – авиационная, автомобильная, алюминиевая, апатитовая, калийная, тяжелое машиностроение, качественная металлургия, подшипниковая, приборо- и станкостроение. Из аграрной страны СССР превратился в индустриальную державу, не зависящую от капиталистических стран.

Если же говорить шире, с точки зрения материалистической диалектики, – о социально-экономических изменениях на рубеже 20–30-х годов, – то самым важным из осуществленных в то время преобразований явилось создание реальной социалистической экономики, возможности планомерно развивать народное хозяйство, основанной на обобществлении средств производства. Была ликвидирована безработица, полностью устранены экономические возможности эксплуатации человека человеком. Социализм – отнюдь не *«тип, разновидность индустриализации»*, как это теперь представляют «переписчики» истории, а качественно новый общественный строй, ликвидирующий классовый и национальный гнет, впервые в мировой истории реализующий интересы трудящихся. Да, это не одномоментный акт (*сродни бредовому плану Ельцина – Явлинского и К^о реформировать Россию за «500 дней»!*), а самый сложный, остро противоречивый, невиданно трудный процесс, которого еще не знала человеческая цивилизация. Но он развивался по восходящей, несмотря на все препоны и преграды капитализма, старые традиции и инерцию, ибо трудящиеся видели материализацию своих коренных интересов.

Одновременно в стране шел процесс коллективизации сельского хозяйства. Ведь НЭП не дал нужного импульса к модернизации и интенсификации сельхозпроизводства. Нужна была совсем иная программа преобразований, то есть коллективизация. Сегодня серьезные ученые, обладая всем массивом исторического опыта, экономических, статистических, математических данных, делают вывод: альтернативы коллективизации у СССР не было¹⁸². В конце 80-х годов в США с помощью методов математического моделирования были сделаны оценки перспектив продолжения НЭПа, но без коллективизации. Материалы этих исследований в 1993 г. обсуждались на теоретическом семинаре в Институте российской истории РАН с участием американских ученых. В своем моделировании американские исследователи исходили из нереального допущения, что СССР мог бы в эти годы не проводить индустриализацию, а продолжать НЭП – так, чтобы страна осталась аграрной. Модель абстра-

¹⁸² См.: Кара-Мурза С. Г. Народное хозяйство СССР. М., 2012, с. 357–370.

гировалась и от проблемы выживания в надвигавшейся войне со стороны империализма во главе с фашистской Германией. Но даже при таком невероятном допущении математические расчеты показали: сохранение единоличного хозяйства означало бы слишком низкий темп развития. Без коллективизации переход села к современным методам земледелия и интенсивному хозяйству оказался бы невозможным¹⁸³.

Коллективизация, как и любой масштабный революционный процесс, была сопряжена с немалыми издержками, ошибками, трагическими людскими потерями. О них написаны книги, брошюры, статьи, они живут в сознании людей и сегодня, становятся предметом научных дискуссий, а нередко и политических спекуляций. Народы должны знать всю правду об этом времени, какой бы горькой она не была, но лишь для того, чтобы, во-первых, объективно судить о нашей истории, во-вторых, чтобы не повторять трагических страниц прошлого, а в-третьих, постоянным обвинением коммунистов, очень часто гипертрофированным и лживым, не закрывать нынешние преступления «реформаторов» – либералов. Можно и должно критиковать недостатки, просчеты в бывшей практике социалистического строительства, которые, конечно же, не украшают ни само советское общество, ни его лидеров. Но отвергать его достижения, трудовые и ратные свершения трех поколений народа только на том основании, что это не отвечает эгоистическим интересам защитников капитализма, есть прием не только антинаучный, но и аморальный, подлый.

Глядя на историю трезвыми, незашоренными глазами, учитывая всю внутреннюю и международную обстановку того времени, необходимо сказать, что стратегически направления строительства социализма были определены верно. Переход страны от НЭПа к политике развернутого строительства социализма в ходе первых пятилеток был объективно необходим и исторически оправдан. За 1928–1940 гг. национальный доход страны вырос в 5 раз, продукция промышленности – в 6,5 раза, капитальные вложения в народное хозяйство – в 7 раз. Производительность труда в промышленности за 1929–1940 гг. выросла в 3,1 раза, на транспорте – в 2,8 раза. общественный сектор стал господствующим сектором во всех сферах экономики. В основных производственных фондах он составил 99 %, национальном доходе – 99 %, промышленном производстве – 99,8 %.

За годы Советской власти разительно изменилось все жизнеустройство деревни. В 1989 г. в СССР действовало 23,5 тыс. государственных предприятий (совхозов) и 27,9 тыс. кооперативных предприятий (колхозов). В совхозах работало 11 млн и в колхозах 11,8 млн человек. Имелись также межхозяйственные предприятия и организации (6,6 тыс., 327,8 тыс. работников). Быстро и стабильно росли в СССР основные фонды колхозов и совхозов. По сравнению с 1928 г. они выросли в 1970 г. в 74 раза, а в 1985 г. – в 238 раз. Следовательно, быстро росла и фондовооруженность труда. Только за десятилетие 1970–1980 гг. основные производственные фонды на одного работника выросли в 2,5 раза. В этот период советское сельское хозяйство приобрело характер *интенсивного*. Среднегодовая выработка валовой продукции (в сопоставимых ценах) за один человеко-час возросла в 1980 г. по сравнению с 1970 г. на 16 %, а в 1987 г. – на 43 %.

Важный показатель – энергетические мощности сельского хозяйства. По этому фундаментальному показателю советское сельское хозяйство вошло в число *высокоразвитых*. В 1990 г. в СССР на одного работающего в сельхозпроизводстве приходилось 28,8 кВт энергетических мощностей (в РСФСР – 37,1 кВт), в Италии – 23 кВт, в Нидерландах – 30,5. После 1950 г. (т. е. через 5 лет после победы в Великой Отечественной войне) село стало быстро насыщаться машинами. Число тракторов выросло к 1985 г. в 3,7 раза. Тракторный парк регулярно обновлялся, в середине 80-х годов ежегодные поставки тракторов составляли 300–350 тысяч. Быстро формировался и обновлялся парк зерноуборочных комбайнов отече-

¹⁸³ Там же.

ственного производства. К середине 80-х годов в нем насчитывалось более 800 тыс. машин. Таким образом, социалистическое преобразование села на основе коллективизации крестьянских хозяйств обеспечило значительное увеличение сельскохозяйственного производства. За период с 1913 г. по 1986 г. продукция сельского хозяйства в СССР выросла в 4 раза, в том числе в РСФСР – в 3,5 раза, на Украине – в 3,7 раза, в Белоруссии – в 4,1 раза, в Казахстане, в республиках Средней Азии и Закавказья – в 8–10 раз.

Не имея возможности подробно раскрыть процесс превращения СССР в мощную индустриальную державу, приведем лишь некоторые, наиболее обобщающие показатели из этой сферы. В 1980 г. объем промышленного производства в стране был в 161,5 раза больше, чем в 1913 г., а в 1990 г. – в 199,6 раза¹⁸⁴.

Особенно благоприятным для экономического развития был период с 1960 по 1985 год, иначе говоря, до того времени, когда страна оказалась в руках «перестройщиков» – контрреволюционеров. Национальный доход СССР вырос в 3,9 раза, промышленная продукция – в 4,9 раза, продукция сельского хозяйства – в 1,7 раза, производственные основные фонды – в 6,9 раза. Более чем в 3 раза увеличилась производительность труда. На этой основе качественно изменился уровень и образ жизни советских людей. Реальные доходы в расчете на душу населения выросли в 2,6 раза, среднемесячная заработная плата рабочих и служащих – в 2,4 раза, оплата труда в общественном секторе колхозов – в 5,4 раза. Выплаты и льготы населению из общественных фондов потребления возросли также в 5,4 раза.

В исторически короткие сроки СССР превратился в мощную индустриально-аграрную державу со сложной отраслевой структурой, характерной для высокоразвитых стран. Ряд отраслей и производств были созданы заново. По уровню экономического развития СССР постепенно приблизился к наиболее развитой стране капиталистического мира – США.

СССР и США: соотношение экономик (в %) (США 100 %)

Основные показатели	1960	1986–1990
Национальный доход	58	66
Продукция промышленности	55	более 80
Продукция сельского хозяйства	более 70	90
Производительность труда в промышленности	44	более 55

Крупный советский экономист Ф. Н. Клоцвог, более 30 лет занимавшийся разработкой межотраслевых балансов экономики страны (лауреат Государственной премии СССР, доктор экономических наук, профессор), сделал вывод: «**Нет сомнения, что при продолжении движения Советского Союза по пути социалистического развития существовала реальная возможность в исторической перспективе одержать победу в мировом экономическом соревновании с мировой системой капитализма**»¹⁸⁵ (выделено мной. – В. С.).

Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, автор самых глубоких современных исследований эволюции Советской Цивилизации С. Г. Кара-Мурза делает свой вывод: смертельный кризис, в результате которого якобы и развалился СССР – *это миф, придуманный контрреволюционерами из Политбюро ЦК КПСС и их подручными в научном сообществе*¹⁸⁶. В доказательство этого исходного вывода ученый адресует думающему читателю свой фундаментальный труд «Народное хозяйство СССР» (478 стр.), в котором содержится 370 таблиц и схем, масса статистических данных,

¹⁸⁴ Данные приводятся по: Кара-Мурза С. Г. Народное хозяйство СССР. М., 2012, с. 391–396, 222; Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. М., 2005, с. 95–96.

¹⁸⁵ См.: Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. М., 2005, с. 96–97.

¹⁸⁶ См.: Миф об экономическом кризисе в СССР. В книге Кара-Мурзы С. Г. Народное хозяйство СССР. М., 2012, с. 14–44.

показывающих динамику развития экономики СССР за весь период его существования. Среди них и эта, которую мы воспроизводим для нашего читателя.

Основные экономические показатели СССР за 1980–1990 гг. (данные ЦСУ СССР)

Показатели	1980	1985	1986	1987	1988	1990
1) Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд руб.	619	777	799	825	875	943
2) Производственные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
3) Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд руб.	679	811	846	879	913	928
4) Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд руб.	188	209	220	219	222	225
5) Ввод в действие жилых домов, млн кв. м	105	113	120	131	132	129
6) Мощность электростанций, млн кВт	267	315	322	332	339	341

Эти и другие фактические данные говорят нам о том, что СССР не был смертельно болен и фатально обречен на гибель. Наоборот, весь исторический массив социально-экономических, научно-технических, хозяйственно-организационных, социокультурных данных подводит непредвзятого аналитика к противоположному выводу: **советский социализм как сформировавшаяся общественная система обладал огромными потенциями для своего дальнейшего развития.** И это подтверждается не только одними экономическими выкладками. Жизнеспособность советской социалистической системы была неоднократно проверена в самые сложные и невероятно опасные периоды истории XX столетия. Во-первых, СССР выстоял в 1941–1945 гг. в Великой Отечественной войне против объединенного фашистского блока во главе с нацистской Германией, на стороне которой воевали войска Финляндии, Словакии, Венгрии, Хорватии, Италии. Около 1500000 человек со всей Европы вступили в вермахт в качестве добровольных помощников. Только в войсках СС действовали 20 добровольческих дивизий из самых различных «уголков» Европы: хорватская, голландская, бельгийская, албанская, датско-шведско-норвежская, латышская, эстонская, пехотная дивизия СС «Галичина» (была укомплектована украинским националистическим составом ОУН-УПА) и др. Никто из европейских стран не смог противостоять фашистской Германии: Польша «воевала» с гитлеровцами 17 дней, Франция – 44, другие страны и того меньше. Капитулировали Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Греция. Та же судьба ожидала бы в конце концов и Англию, если бы не победа Советского Союза. **Но то была не только победа военная. Это была победа советской политической системы, обеспечившей невиданное в мировой истории сплочение многонационального народа для защиты своей социалистической Родины. Это была победа экономической системы, обеспечившей противостояние и разгром военно-экономической мощи оккупированных фашистской Германией стран Европы. Это была победа социалистической культурной системы, обеспечившей идейно-политическое, духовно-нравственное единство**

всех народов СССР, проявивших невиданное мужество и героизм, потрясающую стойкость и сознательность в защите фундаментальных интернациональных ценностей, созданных за годы Советской власти.

Во-вторых, Советский Союз выстоял против всего империалистического лагеря в годы так называемой «холодной войны» 1946–1991 гг. США, Англия и их союзники по блокам (НАТО, СЕАТО и др.) сразу после окончания Второй мировой войны планировали организовать «армагеддон». Задача ставилась по максимуму: не просто победить противника, а уничтожить его. Советский Союз должен был в атомном «армагеддоне» исчезнуть с карты мира, ибо на ней нет места социалистическим государствам. Любого другого противника надо было бы только поставить на колени. СССР же, по мысли американских и других «ястребов», следовало испепелить, поскольку он – олицетворение (матрица) иной общественной системы, на фоне которой капитализм «смотрится плохо»... Неоднократно США готовились нанести ядерный удар по СССР, но не решились сделать свое империалистическое дело. Военная и экономическая мощь Советского Союза сорвали эти планы. А обеспечение военно-стратегического паритета (равенства сил) окончательно похоронило бредовые планы новых претендентов на мировое господство. Сегодня либеральные апологеты америкоцентризма врут о том, что СССР якобы проиграл «холодную войну», надорвался в ней и в результате развалился.

Ложь, рассчитанная на простаков. Даже академик А. Д. Сахаров, считавшийся интеллектуальным лидером среди антисоветчиков, в 1987 году признавал: *«Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится – весь исторический опыт свидетельствует об обратном»*¹⁸⁷.

Все выше сказанное дает основание сделать следующие выводы:

1) Великая Октябрьская социалистическая революция – первая в истории человечества победоносная пролетарская революция. Впервые в истории классового общества у государственного руля становятся трудящиеся, утверждается принципиально новый вид демократии – народовластие. *«...Наша революция отличалась от всех предыдущих революций именно тем, что она подняла жажду строительства и творчества в массах»*¹⁸⁸;

2) Ключ к пониманию всей истории общества – в истории развития труда¹⁸⁹, – говорит К. Маркс. Этот ключ открывает нам и «секрет» развития советского общества, в том числе, почему нас не могли победить классовые враги в 1917–1920 гг., в 1941–1945 гг., в 1946–1991 гг. *«Впервые после столетнего труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры»*¹⁹⁰;

3) Несмотря на все трудности, лишения, страдания и жертвы, которые нес народ в исторически противоборстве с капитализмом, вопреки ошибкам и просчетам руководителей, стоявшим у государственного руля, народ выполнял свою историческую миссию по строительству своего рабоче-крестьянского мироустройства. Из народного сознания никогда не уходило понимание того, что труд и человек труда при всех издержках государства и общества были и остаются высшей ценностью строящегося социализма. Людей труда знала и славилась вся Советская Держава, на них равнялись, с них «делали жизнь». Над этим смеются сегодня либерал-капитализаторы, глумливо доказывают, что на войне побеждали штрафбаты и под страхом «заградотрядов», великие стройки создавались руками заключенных... *«Жалкие люди!»* – восклицал К. Маркс. – *Они даже не знают, что всякой общественной форме собствен-*

¹⁸⁷ Сахаров А. Д. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Л., 1990, с. 66.

¹⁸⁸ Ленин В. И. IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Доклад о ратификации мирного договора. Полн. собр. соч., т. 36, с. 104.

¹⁸⁹ Маркс К. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 317.

¹⁹⁰ Ленин В. И. Как организовать соревнование? Полн. собр. соч., т. 35, с. 196.

*ности соответствует своя мораль, а “форма собственности” превращает ее “в атрибут труда”»...*¹⁹¹ Советская мораль нашла высшее выражение в прославлении ТРУДА и ЧЕЛОВЕКА ТРУДА. ...Все великие эпохи запечатлели свое ценностно-смысловое содержание и величие в памятниках литературы, искусства, архитектуры, скульптуры. Символом советской эпохи является скульптурная композиция **«Рабочий и колхозница»** – шедевр гениального художника **Веры Ивановны Мухиной**. Это произведение с невероятной художественной силой запечатлело и в сконцентрированной форме выразило величие Советского Народа – Труженика, Борца, Созидателя.

¹⁹¹ Маркс К. Первый набросок «Гражданской войны во Франции». // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 568.

Глава пятая. Социально-классовое и национальное равенство – имманентная, непреходящая ценность социализма

Организаторы антисоветской криминально-буржуазной контрреволюции и реставрации капитализма в России, на Украине и на всем постсоветском пространстве, либеральные чиновники от науки и образования в союзе с правыми оппортунистами возносят хвалу частной собственности и ее субъекту – новому классу эксплуататоров. Разумеется, сегодня его именуют иначе: это – «*креативный класс*»... Маскировочный эвфемизм придуман для того, чтобы скрывать от народа воровскую, паразитическую природу новоявленных капиталистов, внушить людям мысль, что без «*креативщиков*» общество ну никак не сможет жить, дескать, они мозг и энергия, движитель всего социального организма. Увы, в этой придумке ничего нового нет. Перед нами, в сущности, современное переложение буржуазной социально-философской концепции элиты, давным-давно утверждающей: а) общество состоит из элиты – высшей, привилегированной верхушки, обладающей особым талантом и осуществляющей функции управления, развития экономики, науки, техники, культуры и т. д., и остальной массы людей – исполнителей воли и указаний «креативной» верхушки; б) политическая власть, где царит воля элиты, рассматривается в качестве основной части социально-классовых отношений, наиболее значимыми в которых являются отношения *господства и подчинения*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.